

ISSN 2074-7306

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 2, 2010

Периодичность 4 номера в год

Издается с 1997 г.

Включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук»
ВАК Министерства образования и науки РФ

Регистрационный номер № 015 464 от 27 ноября 1996 г.
Комитета Российской Федерации по печати
Учредитель - Ростовский юридический институт
Северо-Кавказской академии государственной службы

Редакционный совет

Ректор СКАГС **В.В. Рудой** (Ростов-на-Дону); зам. директора ИГП РАН, ректор Академического правового института, заслуженный юрист РФ **Н.Ю. Хаманева** (Москва); зам. директора ИГП РАН, профессор, заслуженный юрист РФ **В.В. Альхименко** (Москва); ведущий специалист ИГП РАН **М.А. Супатаев** (Москва); директор юридического института СКАГС, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ **Д.Ю. Шапсугов** (Ростов-на-Дону)

Редколлегия

Главный редактор
доктор юридических наук,
академик АМАН, заслуженный юрист РФ

Д.Ю. Шапсугов

доктор юридических наук **Л.В. Акопов** (Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, академик РАЕН, заслуженный деятель науки РФ **П.П. Баранов** (Ростов-на-Дону); доктор юридических наук **А.И. Бойко** (Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, заслуженный работник высшей школы РФ **Л.И. Волова** (Ростов-на-Дону); доктор юридических наук **А.И. Гончаров** (Волгоград), доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ **С.А. Зинченко** (Ростов-на-Дону); доктор юридических наук **М.М. Исмаилов** (Махачкала); доктор юридических наук **В.А. Лапач** (Ростов-на-Дону); доктор юридических наук **В.Я. Любашиц** (Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, заслуженный работник высшей школы РФ **Ю.А. Ляхов** (Ростов-на-Дону); доктор юридических наук **А.Н. Маремкулов** (Нальчик); доктор юридических наук **С.Н. Медведев** (Ставрополь); доктор юридических наук **В.В. Момотов** (Краснодар); доктор юридических наук **С.Н. Назаров** (Ростов-на-Дону); доктор юридических наук **Ж.И. Овсянян** (Ростов-на-Дону); доктор юридических наук **А.И. Овчинников**; доктор юридических наук **И.В. Тимошенко** (Таганрог); **А.Б. Паламарчук** (ответственный секретарь)

Адрес редакции:

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70;
тел.: (8-863) 2-69-62-89; e-mail: yurvestnik@skags.ru

© «Северо-Кавказский
юридический вестник», 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Шапсугов Д.Ю.

Статус «понимания права» в отечественной юридической науке. 9

Овчинников А.И.

Герменевтико-феноменологическая концепция права. Часть I 14

Комова Н.Б.

Российская монархия в контексте консервативных государственно-правовых концепций:
мифы и реальность 21

Мионов И.А.

Правовая основа противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации,
расположенных на Юге России 26

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА

Медведев С.Н.

Laesio enormis в римском и современном гражданском праве 32

Шапсугова М.Д.

Финансовые отношения как объект финансовой деятельности 36

Супрун В.В.

О законодательных решениях, обеспечивающих стабилизацию положения участников
гражданского оборота 43

Банников И.А.

Проблемы правового регулирования размещения государственных и
муниципальных заказов в РФ 47

Кляморова Ю.С.

Зарубежный опыт функционирования децентрализованных учреждений
и публичных корпораций 50

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СЕМИНАР ЮЖНОГО ФИЛИАЛА ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВА И ПРАВА «ГОСУДАРСТВО И ПРАВО КАК ОБЪЕКТ ПОЗНАНИЯ»

Бойко А.И.

Мировоззренческая свобода и методологическая дисциплина в правоведении 56

Овчинников А.И.

Институты ювенальной юстиции в правовой политике России 63

ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО И УГОЛОВНОГО ПРАВА

Тимошенко И.В., Вова К.П.

Фактическое основание административной ответственности
в области дорожного движения 69

Толков Д.В.

Иные меры уголовно-правового характера и уголовная ответственность 76

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Некрасов В.Н., Писарева А.С.

Современные угрозы экономической безопасности страны 81

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИСТОВ

Павлова Л.Г.

Риторические компетенции - основа профессиональной деятельности юриста 87

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Шапсугова М.Д.

Третьи Кудрявцевские чтения «Государственный и общественный контроль в Российской
Федерации: состояние и перспективы развития» 93

ДИССЕРТАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Дьяченко А.П.

Отзыв официального оппонента на диссертацию А.М. Мартиросьяна «Насильственные половые
преступления в отношении несовершеннолетних (уголовно-правовой и криминологический
аспекты)», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук (по
специальности - 12.00.08) 95

ПЕРСОНАЛИИ

Павлу Петровичу Баранову – 60 лет 98

Валерию Григорьевичу Беляеву – 75 лет 99

CONTENTS

THE PROBLEMS OF THE THEORY AND STATE

Shapsugov D.Y.

The status of «understanding law» in the Russian science of law9

Ovchinnikov A.I.

Germenevtic -phenomenological concept of law14

Komova N.B.

The Russian monarchy in the context of conservative state-legal concepts: myths and reality21

Mironov I.A.

The legal basis of the opposition corruption in the subjects of the Russian Federation,
located in the South of Russia26

THE PROBLEMS OF CIVIL AND ENTREPRENEURIAL LAW

Medvedev S.N.

Laesio enormis in the Roman and contemporary legal law32

Shapsugova M.D.

Financial relations as the object of the financial activities36

Suprun V.V.

On the legislative decisions providing stabilization of the position
of the civil turnout participation43

Bannikov I.A.

The problems of the legal regulation of placing state and municipal orders
in the Russian Federation47

Klyamorova Y.S.

The foreign experience of the functioning of decentralized o
rganizations and public corporations50

METHODOLOGICAL SEMINAR OF THE SOUTHERN BRANCH OF THE INSTITUTE OF STATE AND LAW «STATE AND LAW AS THE OBJECT OF STUDY»

Boiko A.I.

The freedom of world outlook and a methodological discipline in law56

Ovchinnikov A.I.

The institutes of juvenile justice in the legal practice of Russia63

THE PROBLEMS OF ADMINISTRATIVE AND CRIMINAL LAW

Timoshenko I.V., Vova K.P.

The factual basis of administrative responsibility in the sphere of traffic69

<i>Tolkov D.V.</i> Other measures of criminal legal character and criminal responsibility	76
--	----

THE PROBLEMS OF ECONOMIC SECURITY

<i>Nekrasov V.N, Pisareva A.S.</i> Contemporary threats to the economic security of the country	81
--	----

THE PROBLEMS OF USING THE STATE LANGUAGE IN THE ACTIVITIES OF LAWYERS

<i>Pavlova L.G.</i> Rhetoric competences is the basis of the lawyer's professional activities	87
--	----

THE CHRONICLE OF THE SCIENTIFIC LIFE

<i>Shapsugova M.D.</i> The Third Kudryavsev Readings «The state and public control in the Russian Federation: the state and perspectives of development»	93
---	----

DISSERTATION RESEARCH

<i>Dyachenko A.P.</i> The dissertation review of the official opponent to the dissertation of A.M. Martirosian «The violent sexual crimes in relation of persons under the age of 18 (criminal-legal and criminological aspects)», which is presented for receiving a scientific Degree of Candidate of Juridical Sciences (speciality — 12.00.08)	95
---	----

PERSONALITIES

Pavel Petrovich Baranov is 60 years old	98
Valeri Grigorievich Belyev is 75 years old	99

Шапсугов Д.Ю.

*Директор юридического института
Северо-Кавказской академии
государственной службы,
д.ю.н., профессор, Заслуженный юрист РФ*

СТАТУС «ПОНИМАНИЯ ПРАВА» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В статье анализируется состояние исследований по проблеме понимания права с точки зрения уточнения статуса «понимания права» в юридической науке, выявляются особенности понимания права как единства рационального и интуитивного, подчёркивается односторонний характер имеющихся концепций правопонимания, преодолеваемый на основе диалектического метода познания. Обращается внимание на необходимость изучения внутренней структуры правопонимания и его функции – обеспечения единства и целостности юридического знания.

In the article the state of the research on the problem of understanding law from the view of specifying the status of «understanding law» in the law science, the peculiarities of understanding of law as a unity of the rational and the intuitive are revealed, a one-sided character of the existing concepts of understanding law which can be eliminated on the basis of the dialectical method of cognitive process is emphasized. Attention is attracted to the necessity of studying the structure of understanding law and its function — providing the unity and integrity of the legal knowledge.

Ключевые слова: *понимание права, рациональное и иррациональное в понимании права, статус «понимания права» в юридической науке, юридические знания как целостность.*

Key words: *understanding of law, the rational and irrational in the understanding of law in the legal science, juridic knowledge as integrity.*

В последние годы в отечественной юридической литературе большое внимание уделяется классификации типов правопонимания, с чем связана необходимость обсуждения вопроса о статусе и содержании самого термина «понимание права». Накопленный опыт изучения данной проблемы позволяет переосмыслить полученные результаты и наметить новые подходы к ее дальнейшему исследованию.

В обширной научной литературе, посвященной этой теме, обоснован ряд оригинальных положений, типов правопонимания, изложенных в различных концепциях права. Разумеется, в одной журнальной статье невозможно дать ее подробный анализ [1]. Тем более, что этот анализ представлен уже в ходе взаимной критики основных положений отдельных концепций правопонимания. Наверное, трудно найти новые аргументы, которые не были бы использованы их оппонентами во взаимной полемике в процессе отстаивания или самоутверждения отдельных концепций правопонимания.

В научных публикациях, в названиях которых употребляется этот термин, обычно, отсутствует специальный его анализ, чаще он рассматривается как тождественный познанию права. Имеющиеся классификации типов правопонимания, по существу, представляют собой произвольные группировки политико-правовых или правовых учений, которые традиционно описываются в учебниках по истории политических и правовых учений. В них, как правило, даже не ставится вопрос о статусе и содержании понятия «понимание права», не рассматривается его внутренняя конструкция, которая должна учитываться как основной критерий классификации типов правопонимания.

В ряде работ, в которых предпринимается попытка анализа данного понятия, осознается логическая необходимость отграничения данного понятия от таких понятий, как правовое мышление, правовое познание, правовое регулирование и т.п. [2]

Можно выделить несколько подходов к анализу проблемы понимания права. Наиболее распростра-

ненным является подход, в соответствии с которым понимание права не рассматривается как самостоятельная исследовательская проблема, а отождествляется со сложившимися или складывающимися политико-правовыми концепциями.

Данный подход характеризуется критической оценкой существующих политико-правовых концепций и обоснованием единственно правильного понимания права в виде определенной конкретной концепции.

Другой подход к проблеме понимания права отличается стремлением определить специфическое содержание понимания права и установить его статус в системе знаний о праве. Так, в автореферате кандидатской диссертации А.В. Юшко обосновывается понимание права как метода «конструирования или порождения смысла права, дорефлексивное (иррациональное) схватывание смысла правовых явлений, предваряющее любую аналитическую познавательную деятельность, связанную с реконструкцией личностных измерений объектированных явлений» [3, с 8].

Типичной является для современного отечественного правопонимания ситуация, когда каждый исследователь, подвергая более или менее убедительной критике другие концепции или подходы к пониманию права, сам аксиоматически утверждает собственный взгляд как единственно верный.

Достаточно вспомнить фундаментальный труд В.М. Сырых, предисловие к которому автор начинает с утверждения: «Современное правопонимание может быть только материалистическим» [4], работу В.В. Сорокина, в которой содержится научная критика существующих типов правопонимания и делается вывод о том, что сущность права и особенности его понимания следует искать в духовно-культурной сфере и прежде всего в православии [5].

Очевидно, что современное состояние в правопонимании характеризуется конкурентностью аксиоматически утверждаемых односторонних подходов к пониманию права, из которых можно сделать два вывода: один из них связан с формированием универсального понимания права, в основе которого лежит определенная парадигмальная установка, демонстрирующая его односторонность. Другой проявляется в утверждении не только допустимости, но и неизбежности существования разных подходов к пониманию права, каждый из которых отражает лишь отдельные стороны реально существующего права. Этот подход, по существу, является юридическим проявлением скептицизма и характеризуется в ряде работ как правовой плю-

рализм, для которого достижение истины перестает быть ведущим принципом при определении права.

Очевидно, что эти подходы взаимно исключают друг друга и свидетельствуют о кризисе правопонимания, одной из причин которого является изъятие, исключение диалектики из современного правопонимания.

Одним из выражений этого кризиса является то, что традиция, в соответствии с которой государственный строй, законодательство, право должны соответствовать основным свойствам человека, существующего в данном обществе и государстве, является основой существующего порядка и стабильности, либо предполагаемого в будущем, постепенно была утрачена в связи с обоснованиями самодовлеющего характера государства.

Вследствие этого законодательство, отождествляемое с правом, утратило свою естественную связь с человеком, превратившись лишь в инструмент манипулирования обществом и его составными частями. Это обстоятельство предопределило содержание правосознания и правовой культуры, стало основой социальных ценностей, в том числе и правовых.

Понимание права охватывает весь спектр подходов к его осознанию - от обыденного до теоретического, от иррационального до рационального - в то время как научное познание права предполагает прежде всего рациональную деятельность мышления, осуществляемую в форме понятий, научных принципов, конструкций, реализации научной методологии.

С этой точки зрения научное познание права является особой разновидностью понимания права.

Однако этот подход обнаруживает сомнительную познавательную ценность «понимания права» в отличие от его познания. Введение данного понятия в теорию права оказалось насильственным, искусственным. К научно-исследовательскому характеру познания права оно ничего не добавляет, а за его рамками остаются ненаучные формы обретения смысло-образа права, носящие самостоятельный характер и не нуждающиеся в искусственных обобщениях в форме понимания права. Таким образом, этот термин как обобщение ненаучных форм осмысления, осознания права вряд ли дает юридической науке что-либо существенное, а отождествляясь с процессом научного познания права, он лишается своего самостоятельного значения.

Таким образом, бурные споры о типах правопонимания оказались «бурей в стакане», который остается целым потому, что в нем нет такого содер-

жания, которое могло бы его разбить. Такое противопоставление понимания и познания права является непродуктивным. Научные и ненаучные формы знания при всей их обособленности не разделены абсолютно и могут взаимно дополнять друг друга.

Ненаучные, не укладывающиеся в прокрустово ложе логики способы получения знания на самом деле имеют в качестве одной из своих основ рационально полученные знания, а в тех случаях, когда рациональное знание оказывается формально бессильным, нахождение нового знания становится возможным с помощью интуитивных способов. Недостаточная их изученность не должна служить поводом для признания их несостоятельными. С этим «чудом человеческой природы» надо обходиться весьма вежливо. Здесь наглядно проявляется фактическое игнорирование диалектического метода в правовом познании, представленного в историко-политическом материале весьма серьезным образом.

В одном из своих главных проявлений развитие диалектики можно представить себе и как постоянное порождение потребности в новых методах познания и как постоянное воспроизводство целостности познания. Разумеется, возникающие методы часто рассматриваются как универсальные, всеохватывающие (системный, синергетический и др.) хотя на самом деле, выступают как односторонние подходы к познанию, расширяющие возможности познания, но ценные как новая часть, элемент диалектики.

В теории правового познания этот вопрос не получил необходимой разработки, хотя юридическая практика всегда широко вынуждена была исходить из недостаточности строго рационально установленных правил поведения, юридических норм, вынуждена была заниматься их толкованием, искать справедливое решение по конкретному делу, для чего, как правило, оказывается не достаточным голый рационализм.

Примерно так же обстоит дело и с другими общими принципами права. Строго рационалистическое понимание свободы тоже демонстрирует свою ограниченность. Объективно возможные правовые формы свободы человека, поскольку он является частью природного мира, заданы природой как объективно существующей, включая и искусственный окружающий мир - творение самого человека. В социальной практике ощущение свободы далеко не всегда полно воспроизводится рациональным мышлением. Здесь сказывается обособленность рационального сознания от природных и социальных

процессов, неспособность его полностью определяться ими в своем их восприятии или в воздействии на них.

Рациональное и иррациональное - две стороны понимания права - в своей разделенности не могут претендовать на полное выражение права.

Отсюда возникает проблема понимания права как исследовательской проблемы, требующей четкого определения предмета познания.

Предмет правового познания выходит за пределы законодательства, охватывающего преимущественно- формальную сторону права. Он включает содержание и сущность права, отражающие определенные этапы в становлении, развитии свободы, справедливости, равенства и ответственности человека как индивида и рода, находящие свое отражение в системе его прав, свобод и обязанностей, правовых стимулов, правовых запретов и правовых ограничений. Правовое познание, не доходящее до этого, не обнаруживающее тем самым сущностных основ права, не может считаться полноценным и завершенным. Отсутствие такого понимания предмета правового познания представляется весьма серьезным недостатком предшествующего правового познания, в рамках которого не создана необходимая для этого методология.

Положения дел в методологии правового познания, к сожалению, не исправляет принятая в современном мире и закрепленная в национальных и международных правовых системах достаточно развернутая система прав и свобод человека, правовых запретов, ограничений и стимулов, когда они рассматриваются как отражающие содержание права

Во-первых, такая система носит во многом характер искусственного построения, в котором не учтены объективные возможности для их осуществления.

Во-вторых, внутри системы не согласовано содержание прав, свобод, обязанностей, запретов, стимулов, ограничений. Причем обязанности, запреты, стимулы и ограничения преимущественно не имеют правового характера, хотя и получили юридическое закрепление.

В-третьих, в этой системе содержание права дано в статике, что не позволяет учитывать динамичный характер права как в процессе его становления, так и осуществления.

Весьма актуальным при определении предмета познания является изучение мыслительных процессов, взаимодействие которых порождает понимание права.

Условия протекания этих процессов, взаимодействие включенных в них элементов, знания, содержащие информацию об этих процессах, являются неотъемлемой частью предмета познания, без которых понимание права ограничивается аксиоматическими утверждениями, из которых с помощью непосильных формально-логических потуг насильственно рождается очередная претендующая на универсальность односторонняя концепция правопонимания.

Этот аспект рассматриваемой проблемы для юристов оказывается чрезвычайно сложным по ряду объективных причин, но дальнейшее развитие юридической науки, безусловно, требует тщательного изучения и данной проблематики. Таким образом, определение предмета понимания права как единства названных выше двух сторон предопределяет в значительной степени полноту понимания права при качественном проведении исследовательских процедур.

Современное правовое познание должно учитывать глубоко укорененное в юридической практике и законодательстве отождествление правового и юридического, недостаточно полно обоснованное в современной правовой теории и совершенно не учитываемое в существующих методологиях правового познания.

При характеристике предмета правового познания, как нам представляется, нельзя допускать изоляции права, как исключительно независимой и самостоятельной сферы жизнедеятельности человека, не только от других ее сфер, но от всего окружающего мира. Правовое познание не может не опираться на знание этих возможностей, иначе оно рискует исключить из предмета познания глубинные, сущностные основы своего бытия, предопределяющие реальное содержание права. Например, как можно определить объем права человека на отдельные природные ресурсы без реального учета их количества и качества, возможностей воспроизводства.

Право, как факт жизни, выступает в единстве его материализованных субстратов (прав и обязанностей человека) и духовно- нравственных основ, проявляющихся в его общих основных принципах справедливости и свободы, конкретизируемых в принципах равенства и ответственности.

Попытки найти иные основы из других сфер жизни общества вряд ли могут быть признаны основательными в тех случаях, когда эти отдельные сферы рассматриваются как единственные источ-

ники духовно-нравственных основ права, ибо названные принципы имеют всеобщий характер.

Современное законодательство в тех случаях, когда оно не считается с этой проблемой, становится легальной базой хищнического уничтожения природных ресурсов. Надо преодолеть стереотипы вторичности правового сознания, понять ограниченность применявшихся до сих пор, так сказать, замкнутых методологий познания, выйти на разработку динамичной и комплексной методологии. Следует признать, что в известной мере в рамках замкнутых методологий правовое познание не являлось динамичным и комплексным. Сегодня требования динамизма и комплексности правового познания приобретают новое содержание, прямо связанное с изменением представлений о предмете правового познания.

Содержание права таково, что, в отличие от других социальных явлений, оно охватывает практически все, что является особо важным для человека.

Речь идет лишь о том, что социальная и, можно сказать, природная роль правового познания оказалась осознанной таким образом, что она более не соответствует стоящим перед человечеством задачам.

Правовое познание не может не занять приоритетного места в системе сложившихся видов и форм познания, ориентированных главным образом на регулятивную функцию, свойственную не непосредственно праву, а нормативной юридической системе, включающей и законодательство.

К сожалению, приходится констатировать, что сегодня имеет место методологическая небезопасность такой функции правового познания. Отсюда возникает задача - поднять методологический уровень правового познания настолько, чтобы можно было бы сказать: методология правового познания вобрала в себя все методологические достижения всех наук.

Таким образом, мы видим изначальную разобщенность предмета исследования, неизбежным следствием которой является односторонность обоснованных на основе этой разорванности предмета различных концепций права и правопонимания. Способом преодоления этой разорванности в современной ситуации может служить диалектическая методология познания, реализуемая через систему динамично развивающегося знания.

Из сказанного вытекает вывод: современная методология правового познания должна быть ди-

намичной и комплексной, а не замкнутой в себе или эклектичной.

В научной литературе высказаны две точки зрения по вопросу о соотношении понимания и научного познания права. Первая исходит из того, что процесс понимания права служит *первичным* (выделено нами. - Д.Ш.) этапом создания теории, отличающимся формированием интуитивной убежденности исследователя в смысле первичных понятий. Понимание права, даже научно-теоретическое, не столько теоретический процесс, не процесс познания права, а *процесс интуитивного постижения права* (выделено нами. - Д.Ш.)» [3, с. 16].

Другое содержание в «понимание» вкладывает В.В. Розанов. По его мнению, понимание представляет собой особое знание, выступающее как конечный результат деятельности разума, законченное познание. В этом качестве понимание предполагает образование (создание) разумом системы идей об объекте познания, из которых слагается понимание: «Идея существования, идея сущности, идея свойств, идея происхождения (или причины), идея следствия (или цели), идея сходства и различия и идея числа» [6, с. 647]. С окончанием процесса образования этих идей, то, чего они касаются, не возбуждает более к себе любопытства разума. Это означает возникновение понимания.

Объектом познания выступают «существование, сущность, свойство, причина, следствие, сходство и различие и число, рассматриваемые как стороны бытия, элементы, из которых образуется все в нем и все оно как единое целое» [6, с. 647]. Названные идеи и стороны бытия определяют внутреннюю структуру понимания.

В.В. Розанов определяет статус «понимания» в ряду форм деятельности человеческого разума: «наука-философия-понимание» [6, с. 645].

Наука, как содержание знания отдельных наук, философия, как знание об общих основах бытия, получают свое завершение в понимании, которое выступает как конечный результат общей познавательной деятельности, когда выполнены все процедуры познания (схемы разума) и охвачены все стороны бытия, характеризующие достижение разумом своей цели - истины.

Такой высокий по сравнению с наукой и философией статус понимания обусловлен стремлением разума к истине, о которой можно говорить, когда достигнуто понимание [6, с. 646]. «...Это третье по отношению к науке и к философии, что должно быть и целью и результатом деятельности человеческого разума...

Понимание не есть только знание, потому что нередко, много зная, мы ничего не понимаем; и оно не есть также наука, как система знаний об одном, или философия, как система знаний о другом... Знания такие и так соединенные, чтобы они соответствовали всем схемам разума и обнимали все стороны бытия, мы признали как понимание» [6, с. 647].

С этой точки зрения понимание предстает не как первичный этап создания теории, не как процесс интуитивного постижения права, не как иррациональное, дотеоретическое схватывание смысла правовых явлений, предваряющее познавательную деятельность, и даже не как сам процесс познавательной деятельности, а как ее законченный целостный результат, подготавливаемый предшествующей структурированной, целенаправленной работой разума.

Сравнительный анализ названных выше двух подходов позволяет обнаружить ряд внутренних противоречий, содержащихся в них, а также выявить новые аспекты в осмыслении правопонимания.

В первом подходе сомнение вызывает интуитивный характер постижения права, иррациональное, дотеоретическое схватывание смысла правовых явлений, достигаемое методом конструирования и порождения смысла права.

Что является в этом случае предметом понимания? Отдельные правовые явления или совокупность интуитивно воспринимаемых воздействий этих явлений на сознание человека. Пока этот процесс не проанализирован, вряд ли есть основание называть его пониманием права. Остается открытым вопрос о тождественности понимания права и отдельных правовых явлений, что понимается при этом: право или отдельное правовое явление и сколько таких явлений должно находиться в поле интуитивного восприятия, чтобы можно было говорить о понимании права, а не отдельных правовых явлениях.

Можно поставить еще целый ряд вопросов, ответы на которые будут убедительно свидетельствовать об абсолютизации роли интуитивного и иррационального в понимании права. Нельзя не заметить также и отсутствие конкретной, предметной их характеристики.

Сказанное, однако, не должно сводиться к полному отрицанию роли интуитивного в познании права. Надо только рассмотреть вопрос о том, каково его содержание, необходимы ли какие-либо предпосылки для его проявления. Возможно ли это

схватывание смысла права без предварительно тем или иным образом возникшего и реально существующего знания о праве.

И хотя, видимо, нет оснований отрицать участие интуитивного и иррационального во всем процессе осмысления права, нельзя не учитывать и роль рационального в этом процессе, без которого понимание права будет обязательно ущербным и не технологичным.

Источником интуитивного являются потребности человека, сопоставляемые с имеющимися возможностями их удовлетворения.

С помощью рационального человек упорядочивает свое видение, поведение, социальную организацию. Искусственное разведение интуитивного и рационального, односторонняя абсолютизация их роли в поведении человека и в процессах познания им самого себе и окружающего мира недопустимы, чреватые серьезными негативными последствиями.

В современном познании интуитивное без рационального в той или иной форме невозможно. Само постижение интуитивного не лишено рационального, точно так же невозможно и рациональное без интуитивного. Можно даже утверждать, что понимание права возникает в наиболее полном виде тогда, когда возникает ситуация полной исчерпанности возможностей интуитивного и рационального познания. Понимание права становится озарением, прорывом в развитии знания о праве как результат диалектического взаимопроникновения интуитивного, рационального в познании права как его предмета. Здесь уместно вспомнить оригинальную формулировку общего закона развития политико-правовых учений выдающегося отечественного ученого, профессора Б.Н. Чичерина, который исходя из конечности количества форм человеческого общежития (государство, общество, церковь, семья) и наличия в каждой из них конечного числа элементов (власть, закон, свобода, цель) пришел к выводу о конечном числе групп повторяющихся политико-правовых учений (общежительная, нравственная, индивидуалистическая, идеальная), постоянно существующих в каждый период истории политико-правовых учений и различающихся тем, какой из элементов каждой формы человеческого общежития преобладает в данной группе учений над другими элементами.

Рассматривая названные выше элементы формы человеческого общежития как реально существующие явления и проявления сознания, он обосновал и соответствующие им методы познания: рационализм, эмпиризм, универсализм.

Этот интересный прием классификации можно было бы использовать и при обосновании типологии правопонимания, если бы была разработана внутренняя структура правопонимания.

Характеризуя с этой точки зрения существующие в отечественной литературе трактовки понимания права, можно прийти к выводу, что они, во-первых, ограничивают понимание права сферой рационального познания, сведенной к предмету одной из юридических наук- теории права, хотя и претендующей на роль обобщающей юридической науки, но фактически не выполняющей такой роли.

Понимание права является категорией другого уровня, по статусу своему выходящей за пределы современной теории права. Этим можно объяснить неудавшиеся попытки втиснуть ее в прокрустово ложе понятий теории права как системы субординированных сугубо рационалистических правовых понятий, претендующей на истину в последней инстанции.

Одной из особенностей современного этапа обсуждения проблем понимания права, как нам представляется, является относительная исчерпанность критического потенциала конкурирующих концепций правопонимания, убедительность аргументации каждой концепции, наиболее четко фиксирующей тупиковость ситуации и необходимость поиска новых подходов к пониманию права.

О выработанности «методологического ресурса естественно- правовой позитивистской доктрины даже в условиях Запада» достаточно убедительно пишет В.В. Сорокин. Отметив массу недостатков всех существующих в настоящее время типов правопонимания, обосновав недопустимость игнорирования духовно-культурного подхода к праву, он приходит к выводу, что к истине в вопросе правопонимания можно прийти через религию и мораль [5, с. 8; 16].

Одним из очевидных путей выхода из этой проблемной ситуации является, на наш взгляд, перевод исследований рассматриваемой проблемы в другое русло, связанное с уточнением предмета данных исследований.

Как уже отмечалось, понимание права не может ограничиться попытками поместить его в теорию права.

Само появление этого термина есть выражение потребности в обеспечении целостности всего юридического знания, которое сегодня выступает в лучшем случае как очень формальная целостность. Понимание права в единстве всех его разновидностей и способов осуществления выступает терми-

ном, стоящим у истоков формирования целостного юридического знания в отечественной научной литературе, потребность в котором уже была осознана в виде обоснования основ историко-теоретической эпистемологии государства и права [7].

Однако оно касалось исключительно историко-теоретического цикла юридических наук. В настоящее время целостность всей юридической науки становится важным условием ее дальнейшего развития и обеспечения ее социальной эффективности.

В связи с тем, очевидно, что юридические знания в каждой стране, государстве, каждом народе имеют собственную историю становления, свои уровни и формы целостности, специфические особенности содержания, они выражают особенности формирующегося в каждом отдельном случае правопонимания. Это не означает абсолютной невозможности универсального правопонимания для всего человечества. Надо только при этом не забывать, что для его достижения необходим высочайший уровень исследовательской культуры, а также понимание того, что универсальное правопонимание по необходимости в его рационалистической части будет предельно абстрактным, а в до и над теоретическими формами знания не может ограничиваться «дамой с завязанными глазами». Как справедливо заметил В.В. Сорокин, «существо идеи права не может основываться на нравственном императиве, определенном рационально», формирование модели бытия возможно «сквозь мировоззренческие и ментальные предельные смыслы» [6, с. 15, 17].

Вряд ли возможно или целесообразно интегрировать односторонние концепции в одну общую, как это пытается сделать ряд ученых интеграторов. Но вот объединить произвольно и искусственно разделяемый ими целостный предмет познания – право, и исследовать его в его целостности представляется первой задачей, решение которой позволит преодолеть имеющийся кризис в понимании права.

В свете сказанного вся обоснованная взаимная критика существующих в отечественной юридической литературе концепций права, содержащиеся в ней достоинства и недостатки в своей подчеркнуто рационалистической односторонности не могут дать общего объективного понимания права, природа которого связана не только с рациональным, но и с нерациональным, интуитивным, не только с материалистическим, но и с идеалистическим, духовно-нравственными компонентами человеческой жизни. Знание о праве, получаемое на уровне понимания права, синтезируют все имеющиеся подходы к его

осмыслению, на основе полного использования диалектики позволяет решать проблемы его эффективности, которые не решаются на обособленно теоретической или прикладной, материалистической или идеалистической основе.

Понимание права позволяет преодолеть разорванность юридического знания, подчеркнуть его целостность в полном составе его частей, ставит вопрос об этой целостности в повестку дня современных исследований.

Литература

1. См. например: *Алексеев С.С.* Тайна права. Его понимания, назначение, социальная ценность. М., 2001; *Байтин М.И.* Сущность права. Современное нормативное понимание права на грани двух веков. Саратов, 2006; *Веденин В.С.* Методология исследования правопонимания // *Юридическое образование и наука.* 2007. № 4; *Графский В.Г.* Понимание права: некоторые актуальные аспекты традиционной темы // *Государство и право.* 2003. № 5; *Лейст О.Э.* Три концепции права // *Государство и право* 1991. № 2; *Мальцев Г.В.* Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999; *Мартышкин О.В.* Совместимы ли основные понимания права? // *Государство и право* 2003. № 6; *Нерсесянц В.С.* Философия права: либертарно-юридическая концепция // *Вопросы философии.* 2002. № 3; *Овчинников А.И.* Правовое мышление; *Овчинников А.И.* Процедуры понимания и объяснения в правовом познании // *Северо-Кавказский юридический вестник.* 2008. № 4; *Сырых В.М.* Логические основания общей теории права. М., 2005. Т. 1. 2008; *Толстик В.А.* От плюрализма правопонимания к борьбе за содержание права // *Государство и право* 2004. № 9; *Четверкин В.А.* Основы либертарного правопонимания // *Государство и право.* 2003. № 5.
2. *Овчинников А.И.* Правовое мышление: теоретико-методологический аспект. Ростов-на-Дону. 2001.
3. *Юшко А.В.* Понимание права: теоретико-методологический аспект. Автореф. дис. канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007.
4. *Сырых В.М.* Логические основания общей теории права. Т. 3. Современное правопонимание. М., 2007.
5. *Сорокин В.В.* Понятие и сущность права в духовной культуре России. М., 2007.
6. *Розанов В.В.* О понимании. М., 1994.
7. *Шапиро Е.А.* Основы историко-теоретической эпистемологии государства и права. Ростов-на-Дону, 2005.

ГЕРМЕНЕВТИКО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРАВА

Часть I

В статье рассмотрены основные результаты эпистемологического исследования основных подходов к пониманию права, концепций и теорий права. В работе рассмотрены концептуальные и методологические приоритеты, парадигмы юридической герменевтики и феноменологии.

In article the basic results of epistemological research of the basic approaches to understanding of the right, concepts and theories of the right are considered. In work conceptual and methodological priorities, paradigms legal hermeneutic and phenomenology are considered.

Ключевые слова: *Юридическая эпистемология, понимание права, правовая культура общества, правовые традиции, правовое сознание, правовое мышление, юридическая наука, теория и философия права.*

Key words: *Low epistemological, understanding of the right, legal culture of a society, legal traditions, legal consciousness, legal thinking, legal science, the theory and philosophy of the right.*

В современной юридической науке продолжается процесс формирования новой правовой доктрины Российского государства, вызванный сменой мировоззренческих ориентиров, философских и общественно-политических парадигм в начале XXI в. Поиск современных подходов к праву, пересмотр и анализ уже известных в теории права концепций правопонимания, а также пересмотр традиционных взглядов на природу и сущность права составляют важнейший этап в формировании современной юридической науки. Процесс переосмысления центральных юридических понятий, в том числе понятия права, предопределяет формулировку и разработку основных теоретических конструкций и моделей правового регулирования, а также переосмысления устоявшихся юридических категорий в теоретической и отраслевой сфере юридического знания.

Многие исследователи фиксируют кризис современного правосознания, не только обыденного, но и теоретического. Причины называются разные: и постмодернистский ценностный релятивизм, и эпистемологический плюрализм во взглядах на природу и особенности социального познания, и специализация юридического познания, закрывающая возможность абстрактного «полета» мысли. Думается, говорить о кризисе преждевременно, так как наличие и даже интеграция различных подходов к праву является признаком расцвета юридиче-

ской мысли, ее богатства и разнообразия. Напротив, кризис теоретического правосознания и правового мышления наступает тогда, когда в юридической доктрине на государственном уровне закреплён тот или иной подход к праву, хоть либерально-демократический естественно-правовой, как в действующей Конституции РФ (благо, что современные правоведы не отличаются покорностью и единодушием в понимании права и не разделяют восторгов властей относительно идеализации концепции правового государства и прав человека), хоть марксистско-ленинский формационный, отражённый в нормативных актах Советской эпохи.

Каждый школьник вот уже более нескольких десятилетий знакомится с различными теориями электромагнитного излучения, квантовой физики, световых явлений. Например, концепций, описывающих природу световых явлений несколько десятков, только в школьной программе изучается три или четыре - квантовая, корпускулярная, волновая и т.д. Ещё большее многообразие парадигм и теорий, чем в естественных и точных науках, наблюдается и в гуманитарных дисциплинах: в вопросах о смысле и понятии общества, политики, власти, управления, поведения, социальных конфликтов, политических партий, демократии и т.п., в политологии, социологии, культурологии. Поэтому плюрализм подходов к праву, разнообразие моделей его понимания вполне адекватны современному развитию гуманитарных

наук и не являются признаком кризиса или особенностью юриспруденции. Различие исследовательских интерпретаций, касающихся природы права, уравнивает единство мнений представителей государственной власти, придерживающихся либерального стандарта в оценке социальных явлений, в том числе права.

Юридической науке не нужна никакая интегративная юриспруденция, которая якобы сможет «примирить» юридический позитивизм, теорию естественного права, историческую и социологическую юриспруденцию [1]. Представляется, что ей необходимо развивать те концепции правопонимания, которые выходят за границы классической рациональной парадигмы правового мышления, задающей вектор поиска универсального, интегративного ответа на вопрос: «Что есть право?» и которые ориентируются на иррациональные, экзистенциально-феноменологические параметры правовой жизни общества и человека. Дело в том, что право является социальным феноменом, поэтому вполне очевидно, что его понятие и сущность предопределены пониманием природы социальной реальности, а также критериев объективности познания и понимания общества, природы его институтов, среди которых особым является право. Классические концепции права – юридический позитивизм и теории естественного права – сложились в процессе развития европейской культуры и рационалистической философии, неся на себе отпечаток особенностей западного христианства и эллинистической культуры. Между тем с конца XIX в. гуманитарная мысль фиксирует ограниченность европейского рационализма, апеллируя к тому, что социальная жизнь складывается стихийно, большей частью иррационально, так как любой поступок имеет в качестве предшественника эмоции. Поэтому нельзя не признать справедливость высказывания русского правоведа Н.Н. Алексеева о неполноценности либерально-рационального мышления. «Действительность, во всем богатстве ее конкретного содержания, не может быть вполне вылита в рационально-логические схемы. Некоторое иррациональное начало является ее конститутивным признаком» [2, с. XIV].

Примерно в это же самое время набирают популярность новые философские учения, среди которых ведущую роль играют феноменология Гуссерля, феноменологическая герменевтика Хайдеггера, Гадамера, Рикера и др. Для юриспруденции эти учения являются концептуально значимыми, так как задают социальное мировоззрение.

Очевиден тот факт, что право является частью социальной реальности. Но что представляет собой социальная реальность? С позиции феноменологической концепции общества социальная реальность конструируется человеком в каждом акте его социального мышления. Понимание человеком социальных связей и отношений не может быть ничем иным, так как он смыслонаделяет их, а следовательно, и конструирует их. Причем процесс осмысления действий других членов общества протекает в смысловых полях национального языка, который задает новорожденному члену обществу определенную картину мира, в том числе и социального мира. Весь накопленный человечеством опыт объективируется в языке и передается самим языком, что всегда оставляет неосознаваемым некую часть этого опыта, задающего мировосприятие и восприятие той части опыта, которая поддается рефлексии. Язык формирует ориентиры, рецепты поведенческих реакций, смыслы поступков и действий, гипотезы о целеполаганиях в действиях социальных субъектов. Язык закрепляет типизацию социальных явлений и поступков и позволяет человеку объективировать свой внутренний мир, который в своей полноте никогда абсолютно не будет объективирован, так как помимо общего опыта, закрепленного в языке и памяти человека, существует частный опыт восприятия и осмысления социального мира, неосознаваемый и нерелефлексивный.

Поэтому социальная реальность и формирует человеческое мышление и конструируется им же. В феноменологической социологии общество в одно и то же время и субъективная, и объективная реальность. Между ними, т.е. между субъективной и объективной гранью социальной реальности, нет классического рационалистического антогонизма: субъект, будучи частью общества, включен в объект, поэтому, познавая общество, он в то же время познает себя. Поэтому социальное познание протекает в процедурах понимания, интерпретации, освоения социальной реальности. Причем понимание, как основная процедура социального мышления, – социокультурно определено. Влияние общества на человека выражается не в том, что он, отражая те или иные общественные связи, отношения, закономерности, приобретает те или иные черты характера, подобно тому, как камень обжигается в печи, а в том, что он, усваивая с детства те или иные этнокультурные и иные ценности, приобретает возможность смыслопостроения, осмысления и затем уже конструирует ту действительность, которая повлияла когда-то уже на него. Таким образом,

социум, а если точнее – “социальный универсум”, т.е. система символов и их значений, закрепленных в языке, опосредованно через человеческое понимание, конструирует самого себя. Но в связи с тем, что человек может общаться с людьми другой культуры, происходит постоянная деформация социального универсума, искажение того смысла, «который был вчера», так как, осмысля чужой жизненный опыт, человек неосознанно реформирует свой. Он как бы заражается чужими смысловыми структурами. Чем больше контакта с другим универсумом, тем больше степень заражения.

Таким образом, в неклассической парадигме правовое мышление уже не рассматривается как отражение внешней человеку социально-правовой действительности, в которой субъект познания играет пассивную роль, подавляя все субъективное, признающееся помехой объективному познанию, а представляется как конструирующая эту действительность активная мыследеятельность.

Представители феноменологической социологии отмечают, что социальный порядок есть продукт постоянной человеческой деятельности, развивающийся не по «законам природы» или «природы вещей», а на основе экстернализации человеческой субъективности в деятельности [3, с. 88-89]. При этом последняя формируется и протекает в связи с процессом хабитуализации – опривычивания. Любое человеческое действие, повторяясь от случая к случаю, становится образцом, привычкой поступать тем или иным способом. Даже сталкиваясь с абсолютно новой для себя ситуацией, индивид совершает поступки, руководствуясь имеющимся опытом принятия решений, являющимся как бы фоном для выработки нового правила. Как отмечают сами авторы, «задний план опривыченной деятельности предоставляет возможности переднему плану для рассуждения и инновации» [3, с. 91]. Поэтому, на наш взгляд, наиболее важная часть человеческой деятельности, а право по своей природе пронизывает именно эту часть, сопряжена с процессом институционализации, представляющей собой типизацию опривыченных действий деятелями разного рода. При этом сами деятели также типизируются: «Институт исходит из того, что действия типа X должны совершаться деятелями типа X» [3, с. 92]. Относительно права следует отметить, что именно правосознание и является источником и носителем этих институтов или типизаций правового поведения.

В формировании институтов важен момент историчности, так как институты возникают не од-

номоментно, более или менее адекватно понять их можно только в контексте исторического процесса. Исторический момент очень важен, так как сила действия институтов на поведение людей определяется не столько санкциями, возникающими как вторичный, дополнительный момент, сколько самим существованием институтов. Со временем будущие поколения начинают их воспринимать как объективные, внешние и принудительные факты, не зависящие от воли тех индивидов, которым «довелось» воплощать их в жизнь, формула «мы делаем это снова» заменяется формулой «так это делается». Социальный мир приобретает устойчивый и псевдообъективный характер, который не может быть легко изменен, позиционируется новыми поколениями как всеобъемлющая и данная реальность, остающаяся отчасти непрозрачной подобно природе. К примеру, для ребенка объективный характер социальных учреждений аналогичен объективности природных феноменов, все институты кажутся ему данными, неизменными и очевидными. Таким же образом институциональный мир воспринимается в качестве объективной реальности и в дальнейшем, несмотря на то, что последний в качестве сконструированной человеком реальности (объективированной человеческой деятельности) «потенциально доступен его пониманию таким способом, который невозможен в случае понимания природного мира» [3, с. 101]. Чтобы понимать этот социальный мир, ему приходится незаметно для себя выступать «сотворцом», конструктором, так как каждый акт понимания предполагает творчество, «соавторство». Поэтому, с одной стороны, существующие на момент социализации и обучения новых поколений институты “формируют” понимание и конструирование самих себя - социального порядка, с другой стороны, каждое поколение формирует их и конструирует, внося в ходе их постоянной интерпретации новые характеристики и качества, обусловленные конкретно-исторической ситуативностью. Случаи радикальной переинтерпретации делают необходимым существование институтов социального контроля и санкций с целью ограничения внесения субъективных значений в жизнь институтов (правил) и отклонения от требуемого этими институтами поведения.

Возникает вопрос, как формируются новые правила, новые институты, как и почему происходят перемены и кризисы в социальном порядке? Дело в том, что все создаваемые институты имеют лишь кажущуюся «новизну», на самом деле их реальная социальная жизнь протекает под влиянием

уже существующих или даже “отмененных” ими же институтов.

Поэтому мы можем говорить о правовой институционализации как о процессе конструирования социального порядка в ходе интерпретации существующих правовых институтов, под которыми понимается не просто совокупность норм, а типизация правового поведения и правоотношений (социологический аспект права). Другими словами, правовая традиция и культура того или иного общества формируют правовое мышление и конструируются вновь правовым мышлением. “Знание об обществе является... реализацией в двойном смысле слова – в смысле понимания объективированной социальной реальности и в смысле непрерывного созидания этой реальности” [3, с. 111]. Знание права и является самим же правом, составляя мотивационную динамику институционализированного поведения.

Помимо феноменологической социологии, данные которой о природе социальной реальности помогут приблизиться к постижению правовой реальности, большой интерес для теории права представляет герменевтическая философия, которая позволяет обнаружить, что интерпретация человеком поступков, слов и действий других людей не просто формирует социальную реальность, но и является самой социальной реальностью, и рассматривается в качестве основы социального бытия. Повседневный мир представляется в таком случае как intersubъективный мир культуры, смысловой универсум, совокупность значений, которые мы должны интерпретировать для того, чтобы обрести опору в этом мире, прийти к соглашению с ним [4]. Само бытие человека рассматривается как процесс самоинтерпретации, то есть такого существования, которое остается от начала и до конца интерпретированным бытием [5, с. 16].

Человеческое общество и социальная реальность могут быть представлены как текст, так как социальный мир выражается через знаки, смысл которых составляют государство, право, исторические события, общение и все остальные компоненты общественной жизни. Само государство является институтом, о котором человек составляет впечатление в первую очередь из суждений иных людей, учебных, научных публикаций, сплетен и кинофильмов, а также иных продуктов человеческой культуры – интеллектуальной, бытовой, научной и т.п. Личный опыт контакта с государством, например, в кабинете с чиновником, не является знакомством с самим государством, а скорее представляет собой результат знакомства с одним из

деятелей, убежденных в государственном выполнении задач, действия которого тоже могут быть представлены как текст, который осмысляет читатель. Поэтому мир человеческого взаимодействия составляет, перефразируя Г. Гадамера, «единый герменевтический универсум», глобальный и всеобъемлющий текст, постижение смысла которого и составляет цель любого социального знания [6, с. 41-42]. Но там, где есть текст, всегда возникает герменевтический круг или процесс понимания, основывающегося на предпосылочном, неявном знании (пред-знание или пред-понимание на языке современной герменевтики). Совокупность «предрассудков» и «предсуждений», обусловленных социокультурной традицией, составляет то, что Гадамер называет «горизонтом понимания».

Надо отметить, что в современной философии герменевтика получила совершенно новое смысловое наполнение. Если в трудах Аврелия Августина, обратившегося к герменевтике как к системе правил нахождения подлинного смысла Евангелия, трудах протестантской теологии, разрабатывавшей герменевтику как искусство истинной интерпретации Нового Завета в полемике с католическими богословами [7], трудах глоссаторов и постглоссаторов, интерпретирующих нормы римского права с целью установления их первоначального содержания и приспособления к экономической жизни средневековой Европы, герменевтика понималась как искусство установления подлинного замысла автора, то для Хайдеггера центральной темой герменевтической феноменологии является утверждение, что понимание составляет бытийную структуру человеческого существования, является первоначальной формой человеческой жизни, а не только методической операцией, для Х.-Г. Гадамера утверждение, что главным в бытии человека является традиция, язык, социокультурные предпосылки понимания: совокупность предрассудков и предсуждений, обусловленных традицией, составляет «горизонт понимания». На этом этапе развития понимание рассматривается не только как метод исторического мышления, но и как основа философии. Причем движение в круге понимания видится уже не как приближающееся к замыслу автора, а как со-авторство, конструирование смысла. Интерпретатор и интерпретируемый текст – не два изолированных мира, а суть одно: «Всякое понимание есть в конечном счете самопонимание» [6, с. 312].

Тот факт, что понимание опирается на нечто уже данное, на что-то предполагаемое не оставляет сомнения: кто хочет понять текст, тот всегда делает

предположение по поводу смысла целого, который является первым смыслом. Как указывает Гадамер, «конструирование текста по ходу чтения руководствуется определенным смыслоожиданием, вытекающим из всего предшествующего» [6, с. 345]. В рамках же самой герменевтики это предзнание, обеспечивающее предпонимание, принимает различные формы и очертания: от интуиции, гуссерлианского «жизненного мира» до трансцендентального субъекта.

Новизна для развития юридической герменевтики состояла в том, что если ранее считалось необходимым установление того, что хотел сказать в тексте законодатель, то теперь эта задача видится не решаемой в принципе. Процесс интерпретации правовой нормы является творческим, соавторским, и, по сути, правоприменитель, выступая со-законодателем, создает новую норму, осуществляя акт подведения общей нормы и конкретного случая. Этот процесс может быть рассмотрен как «способность суждения», практический силлогизм, предполагающий творческое решение [8]. Позитивистская идея совершенной правовой догматики, которая превратила бы любой приговор в простой акт дедуктивного силлогизма, подверглась критике с герменевтических позиций. Согласно последней, разрыв между всеобщностью закона и конкретным правовым положением в отдельном случае не может быть уничтожен по самой своей сущности, в силу абстрактности или шаблонности права. В связи с тем, что закон является всеобщим, он не может быть справедливым по отношению к каждому отдельному случаю.

Основной проблемой юридической герменевтики становится уже не столько проблема постижения смысла позитивно-правовых установлений, сколько проблема интерпретации, осмысления индивидом всей правовой действительности в целом. Научное и профессиональное правовое мышление не должно рассматриваться по аналогии с инженерным и естественнонаучным мышлением в общепринятом понимании - как «мышлением объективным», объясняющим. Соответственно, логические критерии истины не могут быть применимы к этому уровню мышления без дополнительных поправок, смысл которых сводится к ограничению рационально-логического познания духовно-практического мира [9, с. 113].

Как известно, ключевым моментом в герменевтике признается проблема «герменевтического круга». Еще раз напомним его структуру: «Чтобы полностью понять любое предложение какого-нибудь

романа, нам надо знать весь этот роман, но чтобы его познать, надо понять все его предложения в отдельности». Герменевтический круг представляет собой логическое противоречие, что доказывает необходимость признания предварительного понимания, определяющего результат интерпретации еще до начала акта понимания. «Разорвать» герменевтический круг возможно только через интуицию смысла, поэтому чтение романа можно рассматривать как соавторство, конструирование смысла. Чтение текста начинается с предрассудка, с предсказания, что позволяет войти в герменевтический круг, войти в круг понимания как процесса осмысления (смыслопорождения и смыслонаделения).

Таким образом, мы приходим к ограничению всеохватности социального знания, к границам универсальности правового мышления, зависящего от социокультурных факторов. В самом деле, если процесс познания права рассматривать как процесс осмысления, то ценностные структуры правосознания мыслителя, лежащие в основе этого процесса, и являются неявным, допредикативным знанием права. С точки зрения юридической герменевтики позиция, согласно которой правопонимание представляется как процесс познания права – якобы существующего само по себе объективного явления, обобщая свойства, признаки и качественные характеристики которого, мы приближаемся к его сущности, требует корректировки. Традиция вообще, и традиция права в частности, определяет и полагает границы правовому мышлению. Осмысление права всегда выглядит как герменевтический круг, потому что бытие права, как и бытие вообще, имеет временной характер, а потому ученый – правовед не имеет в себе никакой «внеисторической» точки, встав на которую он мог занять вневременную позицию. Не поможет здесь и изучение самой традиции, так как, изучая традицию, историк права не выходит за ее пределы, а «движется в ее круге». И еще до того, как ученый займет рефлексивную позицию, он с полной самоочевидностью позиционирует самого себя в качестве члена семьи, общества и государства, в котором живет, поэтому обыденное знание повседневной жизни, сформированное в рамках той или иной социокультурной общности, является, по выражению А. Шюца «несомненной, но всегда сомнительной предпосылкой» [10, с. 489], в пределах которой совершается (начинается и доводится до конца) научное исследование права. Таким образом, подходя к изучению той или иной традиции права, правовед уже всегда имеет некоторое его «предварительное понимание», заданное ему

той традицией и историей права, к которой он сам принадлежит. В этом смысле беспредпосылочного правового мышления и универсального правопонимания не существует, что доказывает несостоятельность полемики вокруг «истинного» правопонимания, годного для всех времен, народов и культур.

Соотношение права и справедливости, закона и идеала - ключевой вопрос для любого подхода к праву. Например, критерием справедливости у позитивистов является воля суверена, у сторонников естественного права - аксиомы разума, права человека, естественный порядок мироздания, Божественная воля и т.д.; в рамках исторической школы - «народный дух», обычай, менталитет; социологическая школа видит интересы участников общественных отношений, интуицию судьи и т.д. В юридической герменевтике поиск справедливости протекает в рамках закона, правосознания и конкретного правоотношения, как трех необходимых компонент понимания права.

Право должно вести к справедливому миропорядку - положение которое признается всеми. Но универсальной формулы справедливости быть не может, так как социальная жизнь в силу обладания человеком волей и разумом не предсказуема с математической точностью - об этом писал еще Аристотель в своей «Никомаховой этике» [11, с. 178-182]. Однако не может человек жить и без закона - общая для всех норма предупреждает произвол, а также служит типовой моделью поведения. Формализм помогает оценить с позиции всеобщего каждый поступок и воздать «по заслугам» с точки зрения формального равенства. Поэтому справедливость следует интерпретировать как цель, а формализм, догматизм, шаблонность права как средство его достижения. Участники общественных отношений являются подлинными индивидуальностями, уникальными личностями, поэтому каждый конфликт уникален и неповторим, что предполагает необходимость поиска справедливости в каждом конкретном случае. Согласование общей нормы и конкретного дела, всеобщности права и индивидуальности случая - творческий процесс, в котором достигается единство сущности права (справедливости) и существования (нормы), содержания и формы.

Какую бы концепцию правопонимания мы ни принимали за основу правовых моделей, критерием справедливости судебного решения в «последней инстанции» остается всегда правосознание, а не норма позитивного или естественного права. Интуиция правоприменителя, его правовое мышление выступают здесь в определенном смысле авторски-

ми или правотворческими процедурами, в которых его «жизненный мир», социокультурный опыт, экстернализируясь посредством юридических формул, приобретает форму правоприменительного акта [12]. Понимание (интерпретация) правовых норм и социальных отношений (ситуаций) является центральным моментом всякого правоприменительного процесса, а там, где есть процесс понимания, всегда присутствует элемент творческого участия.

Являясь представителем определенной социокультурной общности, носителем этнокультуры, судья, неосознанно внося правотворческий момент в процессе правоприменения, реализует те представления о справедливости, которые являются доминирующими на данном этапе развития общественной жизни. Участвуя в дискурсе, порожденном участниками дела, «вживаясь» в рассматриваемое дело судья осуществляет акт подведения нормы через свой «предрассудок». Только так происходит согласование справедливости (цели) и формальности (средства) права. Интерпретируя норму в конкретной ситуации, судья должен найти «золотую середину» между формальностью, всеобщностью закона и индивидуальными, особенными чертами конкретного случая; между справедливостью воздаяния и догматичностью права. При этом ему приходится каждый раз, в каждом новом случае, в каждой конкретной ситуации понимать норму заново.

В процессе правовой коммуникации достигается некоторая область пересечения мнений сторон, в которой судья и пытается найти середину и справедливое решение. При этом обвинение смотрит на дело с высоты «буквы закона», всеобщности норм, а защита пытается показать его своеобразие, не тождественность иным делам, неподводимость под предлагаемые обвинением абстрактные предписания позитивного права конкретных обстоятельств дела. Закон и судебное правотворчество становятся при этом необходимыми и взаимодополняющими правовыми структурами, позволяющими осуществлять правосудие.

В юридической герменевтике положение, согласно которому судья осуществляет применение норм с помощью логического приема - дедукции (дедуктивного силлогизма), не испытывая никаких чувств (в «оптимальном» варианте), отвергается. Судья понимает и применяет нормы через «желаемое право», часто неосознаваемое, интуитивное, зависящее от ценностных предпочтений человека и возникающее под влиянием правового чувства. Это утверждение корректирует, на наш взгляд, широко распространенную ориентацию взглядов ученых-

юристов, согласно которой оптимальным вариантом для функционирования правовой системы является создание «беспробельных», «всеохватных» законов с ликвидацией или минимизацией судебного правотворчества. Необходимо понять, что социальная действительность не представляет собой нечто существующее и развивающееся по определенным законам, аналогичным естественным, и которое можно с помощью норм запрограммировать для достижения определенных целей. Не существует целиком тождественных ситуаций и случаев, как не существует двух одинаковых людей. Закон не в силах предусмотреть бесконечное число возможных ситуаций, предвидеть все многообразие случаев своего применения, так как существует нечто неподдающееся рациональному мышлению и объяснению – человеческая свобода.

Еще Аристотель указывал, что существует неизбежное напряжение между законом и конкретностью практического действия, поскольку всякий закон носит всеобщий характер и потому не может охватить практическую действительность во всей ее конкретности [13]. Именно здесь и скрывается подлинная проблема юридической герменевтики, которую поставил Х.Г. Гадамер. Она исходит из того, что закон не совершенен не потому, что он несовершенен сам по себе, а потому, что человеческая действительность по сравнению с тем порядком, который подразумевается законами, неизбежно остается несовершенной и, следовательно, не допускает простого применения закона. Невозможно все правовые явления выразить в общих понятиях, а затем правовую реальность рассматривать как проявление или применение содержания этих понятий в частных случаях. Ведь закон, как наиболее рациональная форма права, вершина его формальности, и мир социума, до тех пор пока человек не превратился в рационально-предсказуемое существо - в биоробота, всегда будут существовать в состоянии напряжения между собой. Поэтому знание о праве, правовое мышление глубоко герменевтично по своей сути: оно постоянно пополняется за счет единичных случаев, которые это знание предопределяют, и причем продуктивно. Ведь судья не только применяет закон, но и сам своим приговором вносит вклад в развитие права, осуществляя тем самым «невяное правотворчество». Аналогично этому и ученый осмысляющий правовую жизнь общества посредством понятий в каждом случае их употребления творчески осуществляет конкретизацию, что порождает впоследствии долгие дискуссии, подобные пересмотру судебных решений, по поводу

их адекватности. Думается и в первом, и во втором случае применима известная сентенция римского юриста: «В гражданском праве всякое определение чревато опасностью, ибо мало случаев, когда оно не может быть опровергнуто». Хотя и ее применимость рационально доказать нельзя: поиск правила для применения другого правила уведет в дурную бесконечность. Социальная жизнь и правовое мышление в своих основаниях иррациональны.

Литература

1. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1994. С. 16-17, 22, 57; Честнов И.Л. Диалогическая онтология права в ситуации постмодерна // Правоведение. 2001. № 3; Графский В.Г. Проблемы создания обновленной концепции юриспруденции (общей, интегральной юриспруденции) // Государство и право. 2003. № 5. С. 14; Мартышин О.В. Совместимы ли основные типы понимания права // Государство и право. 2003. № 6. С. 13-21 и др.
2. Алексеев Н.Н. Науки общественные и естественные в историческом взаимоотношении их методов. Очерки по истории и методологии общественных наук. М., 1912.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.,
4. См. подробнее: Ионин Л.Г. Понимающая социология. М., 1979; Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М., 1991; Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 1995; Шюц А. Структура повседневного мышления // Социс. 1988. №2. С. 130 и др.
5. Рикер П. Указ. соч.
6. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988.
7. Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой «понимание» и «интерпретация» - взаимозаменяемые термины. По крайней мере, в рамках настоящей работы нет особого смысла различать их. То же касается и соотношения терминов «понимание» и «истолкование». Последнее, как справедливо указывает Х.-Г. Гадамер, лишь «эксплицитная форма понимания» (См.: Гадамер Х.-Г. М., 1988. С. 364).
8. «Способность суждения» – способность подведения под правило особенного содержания (конкретный случай). Не существует правил для такого подведения, так как потребовались бы общие правила, подходит ли то или иное правило для данного случая, а для этих общих правил потребовались еще более общие правила и т.д. Отсюда «способность суждения» осуществляет

творческий акт, а не логический вывод. Это способность оценочная: судья, подводящий казус, деяние под правовую норму, пользуется «способностью суждения», оценивая случай и пользуясь этой оценкой как «желаемым правом», осуществляет поиск и интерпретацию нормы на предмет ее применимости к данному случаю. Так как норма является целым (обобщающим необозримое число аналогичных ситуаций), а конкретный случай – частным (одной из таких ситуаций), возникает герменевтический круг – чтобы понять целое, необходимо начинать с частного, но, чтобы понять частное, надо иметь представление целого. Поэтому правоприменительный процесс – глубоко интуитивный по своей сути.

9. См. подробнее: *Овчинников А.И.* Правовое мышление в герменевтической парадигме. Ростов-на-Дону, 2002.

10. *Шюц А.* Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. *В.И. Добренкова.* М., 1994.

11. *Аристотель.* Сочинения: В 4 т. М., 1983. Т. 4.

12. *К. Карлос* совершенно точно проводит аналогию между интерпретацией закона и интерпретацией музыкальной партитуры. В качестве учредительных элементов судебного решения называет следующие: Законная структура; Конкретные представления; Переживание судьи (юридическая оценка). Нейтральность же судьи в юридической сфере заключается в том, что он справедлив так, как он понимает это по совести, то есть решает дело, руководствуясь субъективной справедливостью: «Для судьи быть нейтральным значит понимать справедливость по совести, а не с отклонениями, результатом которых были бы решения, вынесенные под влиянием интереса, страсти, лени и т.д.» (*Карлос К.* Право в судебском праве // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. М., 1999. Т. 3).

13. *Аристотель.* Указ. соч. С. 168, 182. По тем же основаниям Аристотель отвергает идею вечного, раз и навсегда данного, неизменного естественного права. Там же. С. 160.

УДК 340

Комова Н.Б.

Доцент Ростовского юридического института МВД России, к.ю.н.

РОССИЙСКАЯ МОНАРХИЯ В КОНТЕКСТЕ КОНСЕРВАТИВНЫХ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ КОНЦЕПЦИЙ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Статья посвящена феномену монархической власти в национальном государственно-правовом пространстве. На основе анализа различных подходов к природе и признакам монархической власти в статье показана ее важная роль для сохранения устойчивого развития российской государственности. Монархия представлена в качестве органичного России государственно-правового института, что соответствует консервативно-правовому подходу к этой проблеме. В целом, в статье выделены юридические, политические и социально-психологические аспекты заявленной проблемы.

The article is devoted to the phenomena of monarchical power in national state-law area. The author studies the revolutionary process as a destructive factor for national state and law order. On the example of opinions of different investigators for the essence of monarchical power in the article demonstration of its important role for the rule of law in Russia in the revolutionary period. In the article has picked out law, political and social-psychological aspects of the problem.

Ключевые слова: Монархическая власть, легитимность, реформы, гражданское общество, традиционные ценности, государство, законность, порядок, демократия, самоуправление.

Keywords: Monarchical power, legitimate, reforms, civil society, liberalism, the rule of law, tradition, state power, law order, state, democracy.

В современной юридической литературе появляется все больше работ, посвященных монархической идее государственно-правового развития

России. Вот типичный ход мысли: «Монархия – это не предание старины глубокой, а принцип единственности. Он есть во всякой здоровой структуре. Вы

можете представить себе семью, устроенную по демократическому принципу, где глава меняется каждые четыре недели? Или завод, где каждые четыре месяца меняют руководителя? Абсурдно. Но менять каждые четыре года власть в гигантском государстве еще абсурднее. Регулярная смена власти разрушает все – и государство, и семью, и завод» [1, с. 14]. Именно в этом контексте в современной России в период стремительных, но, к сожалению, должным образом не продуманных, не взвешенных реформ рассуждают неомонархисты.

Конечно, всплеск монархических настроений – это привычное явление в переживающих кризисное состояние республиках. По крайней мере, опыт государств XX в. в полной мере убедил в этом (Испания, Бельгия, Нидерланды и др.). Обычно «монархической ностальгии» способствуют политические, социально-экономические и иные потрясения, когда существенным образом деформируются основы национальной государственности, ставятся под сомнения стратегии, имеющие место принципы его развития и возникает потребность в политико-правовом оформлении новой государственной идеологии, интегрирующих начал жизни конкретного общества. Например, падение советской власти в 90-е годы, поставившее проблему выбора пути, явилось подобным кризисом и было использовано для повышения авторитета уничтоженной российской монархии.

Следует отметить и то, что многочисленные «пробуксовки» права в постсоветский (переходный) период обуславливались тем, что советская, коммунистическая и социалистическая идеологии были признаны несостоятельными и полностью отвергнуты, а собственного нового современного политико-правового учения, способного адекватно координировать процесс развития государства и одновременно интегрировать общество, предложено не было. И, хотя в Конституции России 1993 г. закреплено положение, детерминирующее отсутствие общегосударственной идеологии, оно фактически является нерелевантным, ибо концепция Конституции полностью сформулирована на идеях и принципах либерально-демократической идеологии, берущей свое начало в учениях Нового времени, Реформации и эпохи Просвещения.

Данная ситуация, конечно, затруднила процесс применения права, так как государственная идеология определяет цели и задачи развития государства и общества. Право же во многих случаях выступает как средство их достижения, причем в отличие от утилитарного понимания права, заложенного в рам-

ках школы реального права, для русского человека правовая цель состоит не столько в извлечении выгоды, сколько в достижении справедливости. Поэтому в состоянии идеологической дезориентации русский человек не всегда может ответить на вопросы: для чего ему и право, и государство, какова их ценность и основные функции и что он ожидает от этих важнейших социальных институтов?

Однако ясно и другое – монархические идейные установки в современной России далеко не всегда подкреплены соответствующими их содержанию научными разработками, что, естественно, никак не способствует их практической реализации, не поднимает уровень привлекательности. Современные авторы в большинстве своем оказались весьма увлечены разработкой разного рода универсалистских государственно-правовых категорий, анализом природы и функций «заемных» институтов и доктрин, практически проигнорировав при этом традиционные для отечественного государства структуры. Только совсем недавно о монархизме заговорили концептуально как в идеологическом, так и в политическом плане и стали постепенно преодолевать «музейно-маскарадный» характер его рассмотрения.

Тем не менее в современной научной литературе монархическая идея все же (в разных вариантах) рассматривается, выявляются ее духовные и доктринальные истоки, анализируется монархическое правовое и государственное мышление, монархическая система властных институтов, идеология, хотя делается это далеко не всегда объективно. Ряд работ грешит известной либеральной ангажированностью. Данное обстоятельство является не только причиной слабой научной разработанности монархической проблематики в теории и истории государства и права, истории политических и правовых учений, политологии, но и показателем общей ситуации дефицита научных исследований, посвященных указанной проблеме.

Хотя здесь ситуация в целом не нова. «Наша историческая наука была до последнего времени незрела и лишена самобытности. Западные писатели почти все долго страдали (иногда и бессознательным) пристрастием или к республиканству, или к феодализму, или к католицизму и протестантству, и потому Византия самодержавная, православная и вовсе уж не феодальная не могла внушать им ни в чем ни малейшего сочувствия» [2, с. 154].

В этом плане наиболее оптимальной методологической схемой рассмотрения доктрины православного монархизма будет выявление его со-

циальных, государственно-институциональных и духовных предпосылок, что становится возможным через погружение теории и практики православной монархии в широкий культурологический контекст.

В этом отношении необходимо выявить несколько основных «тропов» [3] национальной культуры, определяющих ее специфику, оригинальность, самобытность и т.п., а соответственно, и своеобразие всех возникающих в ее рамках явлений.

К таковым следует отнести: способы понимания времени (а значит и истории: циклический в дохристианской Европе, линейный в христианский период и т.д.); способы фиксации и передачи информации (устный, письменный и др.); методы и особенности регуляции общественных отношений (обычные, государственно-правовые, этические, смешанные и др.); имеющие место и господствующие представления о каузальности (понимание закономерностей связи причины и следствия, тенденций и т.п.: через магию, колдовство, религиозную веру, научный рационализм и т.п.).

Осмысление природы, истоков монархической власти в рамках консервативного государственно-правового дискурса всегда, так или иначе, сопряжено с выявлением этих культур-цивилизационных «тропов». Только в этом случае становятся ясными многие моменты этой проблемы: расцвет монархии, ее крушение или трансформация, реставрация и т.п. В этом же контексте, скорее всего, можно и нужно оценивать перспективы монархической власти, ее содержание, общее и отличное в организации монархизма в тех или иных типах государств.

Вообще, история отечественного права и государства показывает, что зарождение российских государствоведческих и юридических доктрин происходило чаще всего в условиях поиска государственной идеологии, национальной идеи, адекватной тем или иным цивилизационным вызовам. В этом плане Россия в своем развитии прошла ряд исторических этапов, каждый из которых характеризуется наличием собственной программы государственного, правового, социально-экономического и духовно-религиозного развития.

Наиболее ранний из них может быть обозначен в качестве русско-византийского периода, в ходе которого и происходило формирование идеологии православного монархизма. Это весьма сложный и длительный этап становления отечественного монархизма, включающий эпоху формирования и развития древнерусской государственности и начальные века Московского государства (вплоть до

падения Константинополя в 1453 г.). В это время, собственно, и возникает образ отечественной государственности, закладываются его архетипы, особенности национальной правовой и политической ментальности, что, конечно же, получает свое отражение и в русской правовой мысли (переживающей свой «золотой век»), имеющей теснейшую связь с византийскими доктринами.

«На Руси сравнительно хорошо были известны политические и правовые идеи и концепции, выработанные в Византии. Однако, распространяясь в среде русского образованного слоя, они не могли подчинить себе его сознание и деформировать тем самым русскую политическую и правовую мысль. Наоборот, византийская политико-правовая идеология сама неизбежно реформировалась на русской почве, приспособляясь к реалиям русской общественно-политической жизни... К тому же политическая и правовая культура Византии развивалась по мере эволюции византийского общества, менялись содержание и смысл старых идей и концепций, появлялись новые идеологические постулаты» [4, с. 113].

В этом плане можно говорить о наличии имперско-византийских истоков формирования российского, оригинального варианта православного монархизма, о византийских корнях этого процесса, но не о копировании возникших в рамках этой самобытной цивилизации государственно-правовой и духовно-нравственной модели (тем более, что исторические события X-XV вв. эту мысль прекрасно подтверждают).

В практической плоскости также идет весьма сложный, но важный для становления русского государства процесс (во многом коррелирующий с доктринальной сферой многовекового русско-византийского взаимодействия) правового оформления идеологии православного монархизма. Так, «от Византии был воспринят ряд более совершенных в технико-юридическом отношении светских правовых кодексов, а также введено новое – церковное право, которое регулировало некоторые вопросы семьи и брака. Как отмечалось в исторической литературе, заимствование кодексов облегчалось тем, что последние в самой Византии составлялись под влиянием славянского элемента. К наиболее крупным реципированным законодательным актам этого времени относятся: Эклога Льва Исаврянина и Константина Копронима (739-741 гг.), Прохирон Василия Македонянина (870-878 гг.), Судебник царя Константина...» [5, с. 93-94].

Ясно, что в этих условиях неизбежно возникает византийско-русский теоретический диалог, в ходе которого (принцип диалога, обоснованный М.М. Бахтиным) каждая из сторон не только сохраняет «свое лицо», но и изменяется в допустимых (в плане сохранения духовной, национальной, государственно-правовой идентичности) пределах.

Единым же духовным истоком и византийских, и русских концепций православного монархизма является история установления царской власти, описанная в Библии. «Государство богоизбранного народа со времени своего основания (примерно в 1200 г. до Р. Х.) управлялось судьями, которых «воздвигал» Господь. При описании этого периода несколько раз повторяется фраза: «В те дни не было царя у Израиля; каждый делал, что ему казалось справедливым» (Суд. 17. 6; 18. 1; 19. 1; 21. 25).

Эта фраза, завершающая Книгу Судей, соотносима с предупреждением Моисея своему народу о будущей жизни в условиях государственности: «Там вы не должны делать всего, как мы теперь делаем, каждый, что ему кажется правильным» (Втор. 12. 8). Фиксацию отсутствия царя в Книге Судей толкователи склонны рассматривать как пессимистическое заключение о всей эпохе судей, представляемой как период безвластия.

Нельзя согласиться с мнением одного из известных правоведов-евразийцев, Н.Н. Алексева, считающего, что «политическая мысль Запада питалась борьбой за власть между государством и независимой от него римско-католической церковью. На востоке церковь не притязала на политическую власть и не боролась за свое первенство. Политический интерес в ней отсутствовал и не давал повода к образованию политической мысли, рождающейся обычно из политической борьбы. Политическая литература Византии по сравнению с политической литературой феодального Запада необыкновенно бедна и лишена оригинальности...» [6, с. 175].

Просто критерии оценки, безусловно, разных в своем содержании и направленности «концептуальных христианских миров» – Запада и Востока – должны существенным образом отличаться (вряд ли можно, например, сказать о римско-католических государствах то, что некоторые современные исследователи говорят о Византийской империи – «главным сокровищем Византии был Бог» [7]).

Даже самые скрупулезные исследователи византийского права и государства смогут выделить в этой исчезнувшей в XV в. империи шесть великих революций, каждая из которых приводила к отрицанию «значительной части старого мира» и утверж-

дению новой парадигмы государственно-правовых, социально-экономических, духовно-нравственных отношений. Напротив, в западном политическом, юридическом и религиозном континууме «каждая революция представляет собой и отказ от старой правовой системы, которая эта революция заменила или радикально изменила... Папа Григорий VII отменил императорские и королевские законы, которые управляли церковью – законы, которые разрешали светским властям назначать епископов и священников, позволяли покупать церковные должности и духовенству жениться» [8, с. 36-37].

В этом плане пафос правовых и политических идей, акцентуация возникающих концепций и доктрин на Западе была, несомненно, иной, но именно иной цивилизационной привязки, принадлежала к иному дискурсу, служила «ответом» на отличающиеся от византийских модернизационные «вызовы», что, конечно же, несколько не умаляет богатства и оригинальности государственно-правовых и политических доктрин восточного христианства. Так или иначе, но «византийское общество... пострадало от равнодушия или недоброжелательства писателей западных, от неприготовленности и долгой незрелости нашей русской науки... Византия представляется чем-то... сухим, скучным, поповским, и не только скучным, но даже чем-то жалким и подлым» [2, с. 156].

В этом плане вряд ли стоит удивляться тому, что в отношении российской православной государственности, отечественного монархизма в самых разных источниках (научных, публицистических и иных) также сформировалось немало имеющих критическую природу стереотипов, а иногда и обычных мифов, искренних и не «совсем искренних» заблуждений, тиражируемых, как правило, либерально ориентированными (зарубежными и отечественными) авторами.

В настоящее время к основным «продуктам» такого рода мифотворчества следует отнести несколько положений:

1. Антиправовой характер традиционного русского государственного устройства, которое, действительно, отличается от западного государственно-правового мира не только по форме, но и по сути: у народов Западной Европы юридическое оформление и функционирование власти вырастает из столкновения отдельных феодальных, а позже – буржуазных «эгоистических настроений и устремлений» с верховной властью, поэтому (в столь напряженной социальной обстановке) никакие иные регуляторы, кроме юридических, просто

не могли сохранить минимальный уровень устойчивости. В этом плане вполне естественно, что процесс секуляризации европейского права был весьма ускорен и юридический рационализм «взял верх» над религиозно-нравственным содержанием общественных отношений (восторжествовали юридико-договорные модели отношений во многих сферах – от сферы публичной власти до брачно-семейных отношений). «В Московской Руси, в отличие от Европы, духовное содержание жизни было важнее формы – это и осталось русской особенностью навсегда. По сравнению с Московской Русью проигрывают и противопоставляемые ей древнерусские «демократии» (Новгород, Псков), в которых верховная княжеская власть ограничивалась интересами торговой аристократии – в ущерб общенациональному идеалу» [9, с. 58]. Самобытные начала российской государственности – твердость быта, проникнутого началами православной религии, а не нормами римского права, мир и нравственное единство.

2. Сложившийся в российском монархическом государстве в силу совокупности объективных и субъективных факторов соборно-служебный государственный и социальный строй некоторыми иностранцами, а позже русскими либеральными историками (Т. Грановским, С.М. Соловьевым и др.) был представлен как «рабство», «восточный деспотизм», что, конечно, вряд ли может быть принято за истину «в последней инстанции» и нуждается в серьезном научном анализе, хотя бы по той простой причине, что, во-первых, «общественный уклад Запада продолжает быть узкоиндивидуалистическим, вплоть до возникновения новейших массовых общественных движений в лице фашизма и расизма ... Для психологии русского человека характерно было скорее воззрение, согласно которому личность неразрывно связана с обществом и находит оправдание только в отправлении некоторой социальной миссии, в «общем деле» [10, с. 46], а во-вторых, Московская монархия имела, разумеется, свою неписаную конституцию, однако эта конституция свое торжественное выражение имела не в хартиях и договорах, не в законах, изданных учредительным собранием... а в том чисто нравственном убеждении, что порядок, устанавливающий характер внешней мощи государства и его распорядителей... установлен свыше, освящен верою отцов и традициями старины» [10, с. 529]; в-третьих, развивающаяся веками система земского самоуправления Московской Руси, организация и деятельность Земских Соборов стимулировали личную ответственность за судьбу Отечества. Так,

В.О. Ключевский отмечал, что между соборным представительством и местным самоуправлением существует «тесная органическая связь», обеспечивающая личную ответственность субъектов публичной власти за настоящее и будущее Российского государства, российской монархии.

3. Российская монархия – «тюрьма народов». Этот государственно-правовой и политический миф был весьма востребован в советской юридической и исторической науках, так как служил одним из обоснований проводимой большевиками государственно-территориальной политики, которая представлялась ими альтернативой прежней, имперской модели организации государственной власти и управления. На самом деле, вряд ли стоит относиться серьезно к утверждениям о «русском империализме», тем более что еще со времен Московского царства татары, башкиры, другие народы Поволжья и Севера видели себя органической частью государства. Нет никаких оснований утверждать о «несвободе» нерусских народов и в отношении реализации ими собственных нормативно-правовых источников обычного права. Основы юридической толерантности царского правительства хорошо известны и подтверждены рядом фундаментальных исследований (исключение здесь составляет еврейское население, подвергавшееся ряду ограничений, снимаемых, правда, при вступлении в православие).

Конечно, можно и продолжить «экскурс» в отечественное государственно-правовое мифотворчество. Однако в завершении статьи следует отметить, что процесс медленного, постепенного преодоления столь опасных стереотипов, кроме всего прочего (поиска оптимальной для современной России формы государственного правления, государственного устройства и т.п.), важен с позиции переживания великой славянской трагедии (А.И. Солженицын), а именно - характерного для начала XXI в. раскола ранее единого славянского мира, который, в целом, сохраняя единое культурное пространство, в силу действия многих причин утратил государственно-правовое единство, тем самым вызвав к жизни множество модернизационных рисков. Трудно утверждать однозначно, но российская монархия всегда была основой национального единения, сохранения духовно-религиозной и государственно-правовой целостности населяющих страну народов.

Литература

1. Ларионов В. Православная монархия. Национальная Монархия в России. Утопия или политическая реальность. М., 2007.

2. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. М., 2007.
3. Под «тропом» культуры мы будем понимать (в духе М.М. Бахтина) способы, которыми выражается культура, особые «референтные точки», дающие возможность оценки ее содержания.
4. История политических и правовых учений / Под ред. О.Э. Лейста. М., 2000.
5. Синюков В.Н. Российская правовая система: введение в общую теорию Саратов, 1994.
6. Алексеев Н.Н. Идея государства. СПб., 2001.
7. Ковалев К. С позиций Третьего Рима. Византийские уроки из Москвы XXI века // Литературная газета. 2008. № 5.
8. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998.
9. Назаров М.В. Вождю Третьего Рима. М., 2005.
10. Алексеев Н.Н. Духовные предпосылки евразийской культуры // Русский народ и государство. М., 1998.

УДК 343.3

Миронов И.А.

Помощник председателя ЮНЦ РАН,

К.Ю.Н.

ПРАВОВАЯ ОСНОВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, РАСПОЛОЖЕННЫХ НА ЮГЕ РОССИИ

В статье рассмотрены современные проблемы нормативно-правового обеспечения противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации, расположенных на Юге России.

The article deals with modern problems of normative-legal providing counter-actions to corruption in the subjects of the Russian Federation, situated in the South of Russia.

Ключевые слова: коррупция, региональные нормативные правовые акты, антикоррупционный мониторинг, антикоррупционная экспертиза.

Key words: corruption, regional normative legal acts, anti-corruption monitoring, anti-corruption expertise

В статье «Россия, вперед!» [1] Президент Российской Федерации Д.А.Медведев, высказывая свое представление о стратегических задачах, которые предстоит решать, отметил, что «наш народ обязан сегодня победить коррупцию», назвав ее «вековой, с незапамятных времён истощавшей Россию», запущенным социальным недугом, сковывающим творческую энергию страны и тормозящим наше общее движение вперед.

Нельзя не согласиться с данным определением. Коррупция снижает дееспособность государства, дезорганизует общество, порождает синдром отчуждения личности от государства, подрывает доверие граждан к власти. Она разрушает всю систему государственного управления, вызывает негативное отношение к государственной службе и государственным служащим, снижает имидж государства в глазах населения нашей страны и на международной арене. Коррупция приводит к при-

нятию заведомо неэффективных решений и огромным финансовым потерям государства, что особенно ощутимо в период экономического кризиса. Все эти и ряд других негативных факторов подрывают идею государственности и, как следствие, создают угрозу национальной безопасности.

Не случайно Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года относит коррупцию к одному из источников угроз национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности [2]. Отдельные условия для коррупции создаются неполнотой и бессистемностью правовой базы противодействия коррупции, а также дефектами правовых норм, оставляющими простор для коррупционных проявлений.

Национальным планом противодействия коррупции [3] (далее – Национальный план) предусмотрено осуществление комплекса мер, направленных на законодательное обеспечение противодействия

коррупции; совершенствование государственного управления в целях предупреждения коррупции; повышение профессионального уровня юридических кадров и правового просвещения.

В сфере законодательного обеспечения в соответствии с Национальным планом был принят Федеральный закон от 25.12.2008 №273-ФЗ «О противодействии коррупции» [4], которым установлены основные принципы противодействия коррупции, правовые и организационные основы предупреждения коррупции и борьбы с ней, минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений, а также нашло законодательное закрепление определения понятий «коррупция», «противодействие коррупции» и т.д.

В соответствии со статьей 2 указанного Федерального закона правовую основу противодействия коррупции составляют Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации, непосредственно Федеральный закон №273-ФЗ и другие федеральные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации, а также нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации, нормативные правовые акты иных федеральных органов государственной власти, нормативные правовые акты органов государственной власти субъектов Российской Федерации и муниципальные правовые акты.

На федеральном уровне на текущий момент принято значительное количество нормативных правовых актов, таких как пакет антикоррупционных законов (внесены поправки более чем в 30 федеральных законов [5]); указы Президента Российской Федерации [6]; постановления Правительства Российской Федерации [7]; многочисленные нормативные правовые акты иных федеральных органов государственной власти [8].

На региональном уровне органами государственной власти практически всех субъектов Российской Федерации, расположенных в Северо-Кавказском и Южном федеральных округах, во исполнение положений Национального плана были приняты нормативные правовые акты, определяющие основные меры предупреждения коррупционных правонарушений и направленные на противодействие коррупции и условий ее проявления [9], образованы Советы при высших должностных лицах субъектов Федерации, утверждены их составы и т.д.

Из принятых в последнее время региональных нормативных правовых актов обращает на себя внимание Закон Волгоградской области от 13.07.2009 №1920-ОД «О дополнительных мерах по противодействию коррупции в Волгоградской области» [10]. Так, указанным Законом определены конкретные полномочия Волгоградской областной Думы, администрации и главы администрации Волгоградской области в сфере противодействия коррупции. Законом предусмотрено участие уполномоченного по правам человека и уполномоченного по правам ребенка в Волгоградской области, органов местного самоуправления муниципальных образований Волгоградской области, общественных объединений и граждан в этой сфере деятельности.

Дополнительные меры по профилактике коррупции в Волгоградской области, кроме установленных Федеральным законом «О противодействии коррупции», предусматривается осуществлять путем разработки и реализации целевых программ противодействия коррупции, антикоррупционного мониторинга и антикоррупционной пропаганды. В частности, целевые программы противодействия коррупции представляют собой комплексы мер по реализации антикоррупционной политики, обеспечивающие согласованное осуществление правовых, экономических, образовательных, воспитательных, организационных и иных мероприятий по противодействию коррупции.

Организация и проведение антикоррупционного мониторинга должна осуществляться органами исполнительной власти области в установленном главой администрации Волгоградской области порядке путем сбора и обобщения сведений о коррупционных факторах.

Антикоррупционный мониторинг проводится в целях повышения эффективности антикоррупционной политики и направлен на изучение коррупционной практики; изучение механизмов коррупционных сделок (от совершения разовых сделок до построения коррупционных сетей); выявление условий, способствующих коррупции, ресурсов антикоррупции, источников возможного сопротивления проведению антикоррупционной политики.

В целях организации антикоррупционного мониторинга руководители органов исполнительной власти Волгоградской области обязаны организовывать сбор и обобщение информации о коррупционных факторах, в том числе содержащейся в теле-, радиопередачах или публикациях в средствах массовой информации, а также в обращениях граждан

или организаций; принимать меры по устранению выявленных коррупционных факторов.

На основании результатов антикоррупционного мониторинга администрация Волгоградской области должна формировать и утверждать не позднее 1 февраля ежегодный доклад о противодействии коррупции в области.

Ежегодный доклад о противодействии коррупции направляется председателю Волгоградской областной Думы, прокурору Волгоградской области, начальнику Главного управления внутренних дел по Волгоградской области, начальнику Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Волгоградской области.

Отметим, что ежегодный доклад о противодействии коррупции в Волгоградской области подлежит обязательному опубликованию в областных средствах массовой информации.

В Ростовской области законом от 12.05.2009 №218-ЗС «О противодействии коррупции в Ростовской области» [11] определены 18 основных направлений деятельности государственных органов области и органов местного самоуправления по повышению эффективности противодействия коррупции.

Указанный закон предусматривает введение антикоррупционных стандартов, которые представляют собой единую для определенной сферы деятельности государственных органов Ростовской области, органов местного самоуправления систему запретов, ограничений и дозволений, обеспечивающих предупреждение коррупции. Установление антикоррупционных стандартов должно способствовать совершенствованию деятельности государственных органов Ростовской области, органов местного самоуправления и созданию эффективной системы реализации и защиты прав граждан и юридических лиц. При этом антикоррупционные стандарты в сфере деятельности государственных органов Ростовской области устанавливаются областными законами, а в сфере деятельности органов местного самоуправления - муниципальными нормативными правовыми актами.

Законом Республики Дагестан от 07.04.2009 №21 «О противодействии коррупции в Республике Дагестан» [12] в качестве меры профилактики коррупции установлено, что основанием для увольнения лица, замещающего должность государственной гражданской службы Республики Дагестан или муниципальной службы в Республике Дагестан, включенную в перечень, установленный нормативными правовыми актами Российской Федерации,

с замещаемой должности государственной гражданской службы Республики Дагестан или муниципальной службы в Республике Дагестан или для применения в отношении его иных мер юридической ответственности выступает установление непредставления им сведений либо представления заведомо недостоверных или неполных сведений о своих доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, а также представления заведомо ложных сведений (выдел. авт.) о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей.

Одной из мер по профилактике коррупции является проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов в целях выявления в них коррупциогенных факторов и их последующего устранения.

В соответствии с Федеральным законом от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [13] коррупциогенными факторами являются положения нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов), устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и тем самым создающие условия для проявления коррупции.

Так, законом Карачаево-Черкесской Республики от 13.03.2009 №1-РЗ «Об отдельных вопросах по противодействию коррупции в Карачаево-Черкесской Республике» [14] определено 20 коррупционных факторов, на наличие которых должно анализироваться как в проектах, так и в действующих нормативных правовых актах Карачаево-Черкесской Республики. Среди указанных факторов следует выделить такие, как широта дискреционных полномочий; определение компетенции по формуле «вправе»; завышенные требования к лицу, предъявляемые для реализации его права; чрезмерная свобода подзаконного нормотворчества; отсутствие административных процедур; отсутствие конкурсных (аукционных) процедур; отсутствие запретов и ограничений для должностных лиц в конкретной сфере деятельности, в случае если установление данных запретов и ограничений отнесено к ведению субъекта Российской Федерации; нарушение режима прозрачности информации.

В Волгоградской области решение о проведении антикоррупционной экспертизы действующего областного закона принимается Волгоградской областной Думой или главой администрации Волгоградской области. Решение о проведении антикоррупционной экспертизы действующих нормативных правовых актов главы администрации Волгоградской области, администрации Волгоградской области и иных органов исполнительной власти Волгоградской области принимается главой администрации Волгоградской области. Антикоррупционная экспертиза проектов нормативных правовых актов органов исполнительной власти проводится в органах исполнительной власти Волгоградской области, а проектов законов Волгоградской области - в Волгоградской областной Думе [10].

В Карачаево-Черкесской Республике принятие решения о проведении антикоррупционной экспертизы действующих республиканских нормативных правовых актов предусматривает иную процедуру. Экспертиза проводится по решению Комиссии по противодействию коррупции в сфере нормотворчества (постоянно действующего межведомственного совещательного органа, в состав которого входят представители органов исполнительной власти Карачаево-Черкесской Республики, Народного Собрания (Парламента) Карачаево-Черкесской Республики, Контрольно-счетной палаты Карачаево-Черкесской Республики и по согласованию представители территориальных органов федеральных органов государственной власти; персональный состав Комиссии утверждается Президентом Карачаево-Черкесской Республики) на основании соответствующего письменного обращения территориального органа федерального органа государственной власти, органа государственной власти Карачаево-Черкесской Республики, иного государственного органа, органа местного самоуправления, организации или гражданина в адрес руководителя органа государственной власти Карачаево-Черкесской Республики или любого члена Комиссии или по инициативе члена Комиссии [14].

В отдельных субъектах Российской Федерации порядок проведения экспертизы нормативных правовых актов исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации нормативно закреплён в актах высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта Российской Федерации. Например, постановление главы

администрации (губернатора) Краснодарского края от 07.05.2009 № 350 «Об экспертизе проектов нормативных правовых актов исполнительных органов государственной власти Краснодарского края и нормативных правовых актов исполнительных органов государственной власти Краснодарского края на коррупциогенность», Указ Президента Карачаево-Черкесской Республики от 14.07.2009 № 107 «Об утверждении Порядка организации и проведения антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов Карачаево-Черкесской Республики и иных документов» [15].

В ряде муниципальных образований в субъектах Российской Федерации, расположенных на Юге России, также приняты муниципальные правовые акты органов местного самоуправления, предусматривающие проведение антикоррупционной экспертизы. Так, в Кабардино-Балкарской Республике решением Эльбрусского районного Совета местного самоуправления от 29.06.2009 № 18/1 установлен «Порядок проведения антикоррупционной экспертизы муниципальных правовых актов органов местного самоуправления Эльбрусского муниципального района КБР и их проектов» [16]. В соответствии с Порядком обязательной антикоррупционной экспертизе подлежат следующие муниципальные правовые акты органов местного самоуправления Эльбрусского муниципального района КБР, а также проекты правовых актов: затрагивающие права и свободы человека и гражданина; связанные с распределением бюджетных средств; связанные с управлением муниципальной собственностью и размещением муниципального заказа; регламентирующие осуществление полномочий подведомственных организаций; регламентирующие контрольные, разрешительные и регистрационные полномочия структурных подразделений, отраслевых (функциональных) органов местного самоуправления Эльбрусского муниципального района КБР. Иные действующие акты и проекты актов подлежат антикоррупционной экспертизе по решению Совета местного самоуправления Эльбрусского муниципального района КБР. Проведение антикоррупционной экспертизы действующих актов и проектов актов организует административно-правовой отдел местной администрации в срок до 10 рабочих дней. Порядок определяет перечень коррупциогенных факторов, которые должны выявляться и оцениваться при проведении антикоррупционной экспертизы муниципальных правовых актов.

В сфере противодействия коррупции нельзя обойти вниманием и иные муниципальные право-

вые акты. Например, постановлением администрации Руднянского муниципального района Волгоградской области от 18.05.2009 № 306 «О Порядке уведомления представителя нанимателя (работодателя) о фактах обращения в целях склонения муниципального служащего администрации Руднянского муниципального района к совершению коррупционных правонарушений» [17] предусмотрено, что во всех случаях обращения к муниципальному служащему каких-либо лиц в целях склонения его к совершению коррупционных действий муниципальный служащий обязан не позднее текущего рабочего дня, следующего за днем обращения к нему каких-либо лиц в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений, уведомить о данных фактах главу Руднянского муниципального района в письменной форме. Рассмотрение сведений, содержащихся в уведомлениях о фактах обращения в целях склонения муниципального служащего к совершению коррупционных правонарушений, проводится комиссией, созданной по распоряжению главы муниципального района с целью проведения служебной проверки.

В ряде муниципальных образований уже приняты программные документы в сфере противодействия коррупции. В Республике Адыгея постановлением главы муниципального образования «Город Майкоп» от 10.07.2009 № 516 утверждена «Программа по реализации антикоррупционной политики в муниципальном образовании «Город Майкоп» на 2009 - 2010 годы» [18].

Программа предусматривает проведение мероприятий по совершенствованию работы с кадрами и кадровой политики, созданию политических условий для реализации антикоррупционной политики, совершенствованию регулирования экономики и деловой активности, регулированию социальной сферы, работы со средствами массовой информации, общественными организациями, мониторингу и аудиту антикоррупционной политики.

Не вызывает сомнения, что законодательное обеспечение противодействия коррупции является крайне важной и актуальной задачей, нуждающееся в постоянном совершенствовании.

Органами государственной власти субъектов Российской Федерации, расположенных в пределах Южного федерального округа, уделяется повышенное внимание проблеме коррупции, необходимости противодействия ей комплексной системой мер регионального и муниципального уровня.

К числу причин, способствующих совершению коррупционных преступлений, относятся слабый

контроль руководителей за деятельностью подведомственных служб, ликвидация ведомственных контрольно-ревизионных служб, отсутствие у граждан уверенности в возможности решения правового вопроса законными способами, недостаточное законодательное обеспечение. Населением ставится под сомнение действенность принимаемых антикоррупционных мер в социальной сфере при предоставлении набора гарантированных государственных услуг.

На Юге России, с населением более 23 млн. человек, на сегодняшний день действуют только 17 многофункциональных центров предоставления гражданам и организациям государственных и муниципальных услуг, в том числе: в Республике Ингушетия – 2, Ставропольском крае – 5, Астраханской области – 1, Волгоградской области – 1, Ростовской области – 8. В основном указанные многофункциональные центры оказывают услуги в социальной сфере и в сфере имущественно-земельных отношений. Очевидно, что количество функционирующих центров недостаточно, а в большинстве субъектов Российской Федерации на Юге России они вообще отсутствуют, даже, к примеру, в Краснодарском крае, что естественно, наводит на определенные размышления.

Анализируя сложившуюся ситуацию, можно сделать вывод об отнесении коррупции к серьезным детерминирующим факторам, способным вызвать напряженность и расслоение в обществе, препятствующим стабилизации социально-экономической и общественно-политической ситуации в регионе.

По нашему мнению, на текущем этапе в субъектах Российской Федерации в первоочередном порядке необходимо принять меры управленческого характера и организовать проведение ряда мероприятий, направленных на профилактику и предупреждение коррупции:

- устранение коррупционных норм в действующих региональных и муниципальных правовых актах, договорах (соглашениях) и приведение их в соответствие с федеральным законодательством;
- проведение антикоррупционной экспертизы проектов всех правовых актов;
- внедрение системы межведомственного электронного документооборота органов власти, обеспечивающей межведомственное взаимодействие органов власти в субъекте Российской Федерации с гражданами и организациями в рамках оказания государственных услуг;
- проведение анализа должностных регламентов гражданских служащих и (или) их проектов на

наличие в них положений, способствующих коррупциогенным проявлениям;

- разработка и внедрение в органы власти административных регламентов исполнения государственных функций, в том числе исполнения государственных функций по: осуществлению организационно-распорядительной или административно-хозяйственной деятельности; предоставлению государственных услуг гражданам и организациям; осуществлению контрольных и надзорных мероприятий; подготовке и принятию решений о распределении бюджетных ассигнований, субсидий, межбюджетных трансфертов, а также распределению ограниченного ресурса (квоты, частоты, участки недр и др.); управлению государственным имуществом; осуществлению государственных закупок либо выдаче лицензий и разрешений; хранению и распределению материально-технических ресурсов;

- создание в субъектах Российской Федерации многофункциональных центров по предоставлению государственных услуг населению и расширение перечня услуг, оказываемых на базе действующих многофункциональных центров;

- создание механизма эффективного использования кадрового резерва органов власти для замещения должностей гражданской службы, гарантирующего равный доступ граждан к гражданской службе, открытость процедур по формированию и использованию кадрового резерва;

- обеспечение открытости, добросовестной конкуренции, объективности, эффективности и целевого расходования средств региональных и местных бюджетов при размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг;

- совершенствование контроля за использованием имущественных объектов государственной и муниципальной собственности, в том числе переданных в аренду, хозяйственное ведение и оперативное управление;

- обеспечение доступа граждан к информации о деятельности органов власти различного уровня через средства массовой информации и сеть Интернет.

Дополнительно представляется целесообразным более широкое информирование населения через средства массовой информации о деятельности правоохранительных органов по противодействию коррупции, о возбуждении уголовных дел и вынесении обвинительных приговоров по уголовным делам коррупционной направленности.

Полагаем, что комплекс правовых, организационных и иных мер, разработанных органами

государственной власти субъектов Российской Федерации, расположенных на Юге России, будет способствовать снижению уровня коррупции, снимет остроту проблемы, что будет способствовать повышению уровня доверия населения к органам власти.

Литература

1. «Россия, вперед!». Статья *Дмитрия Медведева*. 10.09.2009 // <http://www.kremlin.ru>

2. Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Российская газета. 2009. 19 мая.

3. Национальный план противодействия коррупции. Утвержден Президентом РФ 31.07.2008. Пр-1568 // Российская газета. 2008. 5 августа.

4. Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

5. См. напр.: Федеральный закон от 25.12.2008 № 280-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года, Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6235; Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 29. Ст. 3609 и др.

6. Указы Президента Российской Федерации от 18.05.2009 №№ 557-561 // <http://www.kremlin.ru>; Указы Президента Российской Федерации от 21.09.2009 №№ 1065-1066 // Российская газета. 2009. 22 сентября.

7. См. напр.: Постановление Правительства РФ от 05.03.2009 № 195 «Об утверждении Правил проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции» // СЗ РФ. 2009. № 10. Ст. 1240; Постановление Правительства РФ от 05.03.2009. № 196 «Об утверждении методики проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции» // СЗ РФ. 2009. № 10. Ст. 1241.

8. См. напр.: Приказ ГТК РФ от 26.04.1995 № 287 «О состоянии работы по борьбе с коррупцией, должностными преступлениями и задачах по обеспечению собственной безопасности таможенных органов Российской

Федерации»; Приказ Генпрокуратуры РФ от 06.05.2009 № 142 «О порядке уведомления прокурорскими работниками и федеральными государственными гражданскими служащими руководителей органов и учреждений прокуратуры Российской Федерации о фактах обращения к ним в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений и организации проверок поступающих уведомлений» // Законность. 2009. № 7.

9. См. напр.: Указ Президента Республики Дагестан от 11.09.2008 № 190 «О мерах по противодействию коррупции в Республике Дагестан» // Собрание законодательства Республики Дагестан. 2008. № 17. Ст. 734; Распоряжение Президента Республики Дагестан от 19.09.2008 № 53-рп «О Плане противодействия коррупции в государственных органах Республики Дагестан» // Собрание законодательства Республики Дагестан. 2008. № 18. Ст. 774; Закон Республики Ингушетия от 04.03.2009 № 8-РЗ «О противодействии коррупции в Республике Ингушетия» // Ингушетия. 2009. 12 марта; Распоряжение Правительства Ставропольского края от 30.09.2008 № 312-рп «Об утверждении Плана мероприятий по противодействию коррупции в органах исполнительной власти Ставропольского края» // Сборник законов и других

правовых актов Ставропольского края. 2008. № 37. Ст. 7872; Постановление Губернатора Астраханской области от 18.09.2008. № 482 «О плане противодействия коррупции в исполнительных органах государственной власти Астраханской области» // Сборник законов и нормативных правовых актов Астраханской области. 25.09.2008. № 50; Закон Республики Калмыкия от 10.07.2009 № 107-IV-3 «О внесении изменений в отдельные законы Республики Калмыкия в связи с принятием Федерального закона «О противодействии коррупции» // Хальмг Унн. 2009. 11 июля. и др.

10. Волгоградская правда. 2009. 27 июля.
11. Наше время. 2009. 13 мая.
12. Дагестанская правда. 2009. 8 апреля.
13. Собрание законодательства РФ. 2009. № 29. Ст. 3609.
14. День Республики. 2009. 21 марта.
15. Кубанские новости. 2009. 22 мая; День Республики. 2009. 25 июля.
16. Эльбрусские новости. 2009. 1 июля; 8 июля..
17. Трибуна. 2009. 26 мая.
18. Советская Адыгея. 2009. 14 июля.

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА

УДК 347

Медведев С.Н.
Профессор Ставропольского
государственного университета, д.ю.н.

LAESIO ENORMIS В РИМСКОМ И СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

В статье рассматривается оговорка laesio enormis, которая была введена императором Диоклетианом как стабилизатор цен на сельские земельные участки, продаваемые по низкой цене, невыгодной для продавцов. В современной России наблюдаются случаи скупки земель за бесценок. Положение о laesio enormis усилило бы правовую защиту таких продавцов.

In article is considered the reservation laesio enormis which has been entered by emperor Diokletianus as the stabilizer of the prices for the rural ground areas sold under the low price, unprofitable for sellers. In modern Russia cases of buying up of the earths for nothing are observed. Position about laesio enormis would strengthen a legal protection of such sellers.

Ключевые слова: Оговорка laesio enormis, Кодекс Юстиниана 4.44.2, император Диоклетиан, Договор купли-продажи и laesio enormis

Key words: The reservation laesio enormis, Codex Justinianus 4.44.2, Imperor Diokletianus, The contract of purchase and sale and laesio enormis.

Сущность “laesio enormis” в договоре купли-продажи, как это сложилось в Древнем Риме, состоит в том, что если продавец терпит убытки в размере более половины рыночной цены вещи, то он имеет право расторгнуть такой договор или требовать повышения уплаты покупной цены [1, с. 123].

Эта оговорка направлена на защиту слабой стороны. Ею может быть как продавец, так и покупатель. Российское гражданское право до сих пор не знало такого правила. Его введение в Гражданский кодекс РФ необходимо потому, что в имущественных рыночных отношениях принимают участие слабые стороны, которые требуют повышенной правовой защищенности. Опубликованная недавно «Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса РФ» [2, с. 1-8] обходит эту проблему молчанием, как это было и ранее. Нам представляется, что она заслуживает внимания.

В классическом римском праве не надо было строго придерживаться эквивалентного обмена. Павел указывал, что «... при купле-продаже естественным образом допускается покупать за меньшую цену то, что стоит дороже, продавать за большую то, что стоит дешевле» [3].

Правило “Laesio enormis” возникло во времена императора Диоклетиана и Максимиана и сохранилось в двух Конституциях 285 и 293 гг. (хотя некоторые авторы берут под сомнение это утверждение [4, с. 19], дошедших до нашего времени в Кодексе Юстиниана (С. 4.44.2 и С. 4.44.8). Чаще всего цитируется положение первого фрагмента С. 4.44.2 – «Imp. Diocletianus et Maximianus AA. Aurelio Lupo. Rem maioris pretii sit tu vel pater tuus minoris pretii distrazit, humanum est, ut vel pretium te restituyente emptoribus fundum venditum recepias auctoritate intercedente iudicis, vel, si emptor elegerit, quod deest iusto pretio recopies, minus autem pretium esse videtur, si nec dimida pars veri pretii solute sit» [5, с. 179]. Эта идея восходит к Аристотелю, который утверждал, что ни одна сторона во взаимоотношениях не должна обогащаться за счет другой. Далее они были развиты Фомой Аквинским и оказали влияние на доктрины канонического права. Однако с ростом христианского влияния закон был вынужден сделать некоторое признание доктрины справедливых цен», - пишет Ф. Цулуета де [6, с. 63], ссылаясь при этом на авторитет Макса Казера («Отцы церкви благословляли это») [7, с. 283]. Средневековые

ученые разработали принцип справедливых цен (a fair price) в доктрине "laesio enormis", «институт, захватывающий дух экспансией» (a breathtaking expansion of the institute), как назвал его Рейнхард Циммерманн, посредством чего его любое ограничение зависело от пути, по которому шло применение и интерпретация римского закона [8, с. 159]. На ранних этапах развития естественного права его сторонники оценивали это правило как пригодное только в определенных крайних случаях и неудовлетворительное во всех остальных. Laesio enormis вызывает многочисленные споры. Средневековые юристы применяли эту «оговорку к договору купли-продажи» к покупателю и продавцу, распространяли ее не только на сделки с землей, как в Кодексе Юстиниана, но и на движимые вещи [9, с. 64]. В современном праве допускается применение то к продавцу, то к покупателю.

Основная причина введения Диоклетианом оговорки "laesio enormis" (огромная потеря) заключалась в том, что Римская империя в то время переживала экономический кризис и богатые скупали за бесценок земли крестьян. Мероприятия, проводимые Диоклетианом, были нацелены на то, чтобы стабилизировать цены сельской земли, создать достаточный слой мелких собственников и тем самым обеспечить потребности голодной империи, которая вела непрерывные войны. Безземельные крестьяне вообще освобождались от военной службы, так как во времена Диоклетиана различные классы обязаны были снаряжать себя оружием и другой амуницией в соответствии с тем, что они могли позволить себе. Но нам представляется и другая причина - христианская мораль, которая проникала уже к тому времени в римскую общественную жизнь. На это указывает работа Алана Ватсона «Тайные причины происхождения принципа "laesio enormis"» [10, с. 186-193]. Христианское учение и стоическая мораль предусматривали влияние этики гуманизма на право. Этот дух, как представляется, оказывал давление на императора, и тот оказывал помощь слабому, чтобы смягчить суровость закона [11, с. 261]. Идея «о справедливой цене» существовала и в еврейской культуре. А. Эрман писал, что «в еврейском праве (Biblical and Rabbinic) справедливая цена и laesio enormis играли более важную роль, чем в римском праве» [12, с. 64].

Римское решение не было воспринято с воодушевлением в современном гражданском праве. Гражданское уложение Российской империи 1835 г. также не знало влияния laesio enormis на договор купли-продажи. Однако в Законе от 18 июня 1892 г.

предоставлялось право «требовать доплаты до действительной стоимости проданного хлеба», «если скупщик приобрел у крестьян хлеб (на корню, снопами или зерном) по несоразмерно низкой цене, воспользовавшись заведомо тяжелым положением продавцов» [13, с. 149].

Объясняется это неясностью самой правовой природы "laesio enormis", поскольку она противоречит основному принципу консенсуальных договоров - свободе соглашения, трудностью определения вреда, нестабильностью торгового оборота. По меткому выражению средневекового юриста Христиана Томазия, она напоминает гидру: после ответа на один вопрос, возникает другой ("vides quod capita habeat haec hydra?") [14, с. 263].

Но в некоторых законодательствах она присутствует. Прусское законодательство конца XVIII в. (P. Landrecht 1, 11, § 69) допускало правило "laesio enormis" в римском размере, но только лишь в пользу покупателя, оценивая как его ошибку. Французское и австрийское гражданское право пользуются этой оговоркой к договору купли-продажи, но только в измененном виде. Кодекс Наполеона применяет ее, но в исключительных случаях, специально указанных в законе (ст. 1118): при разделе наследства, когда одна из сторон терпит убытки больше четверти цены (ст. 887), при продаже недвижимости ниже 7/12 цены (ст. 1674), при сделках несовершеннолетних (ст. 1305). В австрийском гражданском праве признается правило "laesio enormis". Если сторона потерпела убытки в размере более половины стоимости вещи, она может потребовать расторжения договора купли-продажи. Отказ должен быть заявлен в течение трех лет и рассматривается в судебном порядке (934 ABGB). Но если договор представляет собой коммерческий контракт, то сторона не может в соответствии с параграфом 351 ABGB требовать его расторжения по причине убыточности, указанной в параграфе 934 [15].

В германском гражданском праве нет твердо закрепленного в законе принципа "laesio enormis", для этого используется положение параграфа 138 о добрых нравах. Если сделка составляет разницу 100%, то она признается «аморальной» и подлежит отмене. Такова практика Верховного суда Германии [16, с. 183-207].

Швейцарский кодекс обязательств в ст. 21 «Обман» (Übervorteilung) устанавливает, что «если существует очевидное несоответствие между ценой вещи и ее компенсацией, то такой договор, заключенный по причине затруднительных положений, неопытности или по неосторожности, может быть

расторгнут в течение года, и потерпевшая сторона возвращается в первоначальное положение (zurückverlangen)» (абз. 1). Срок начинает течь с момента заключения договора (абз. 2) [17, с. 2].

Доктрина “laesio enormis” всегда оценивалась как причуда (as an oddity). О ней нет упоминания в Дигестах, и только дважды указывается на нее в Кодексе Юстиниана (С. 4.44. 2 и 8). В длительной истории ее развития после рецепции римского права она знала то значительное расширение, то устойчивое снижение. Положение “laesio enormis” не было воспринято большинством кодексов континентальной Европы, за исключением некоторых указанных выше.

Каково наше отношение к римской оговорке “laesio enormis”? Поскольку она защищает интересы слабой стороны в гражданских правоотношениях, она должна быть учтена при совершенствовании современного российского гражданского законодательства. Но ее конструкцию следует увязать с добросовестностью (bona fides) как общим принципом гражданского права, о закреплении которого в действующем российском законодательстве говорится в Концепции совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации, так как “laesio enormis” основана на принципе доброй совести (“... the doctrine of laesio enormis” was based on the principle of good faith” [18, с. 385].

В современный период российской действительности наблюдаются многочисленные случаи скупки земель за бесценок; таких продавцов следует признать слабой стороной и усилить их правовую защиту, применив доктрину “laesio enormis” в той или иной форме. Таким образом, для российского гражданского законодательства рассматриваемая тема весьма актуальна.

Литература

1. *Медведев С.Н.* Римское право. Ставрополь, 2007.
2. Концепция совершенствования общих положений гражданского кодекса Российской Федерации. Совет при Президенте Российской Федерации по кодификации

и совершенствованию гражданского законодательства // Internet.

3. D.19.2.22.3 Paulus. .. Quemadmodum in emendo et vendendo naturaliter concessum est quod pluris sit minoris emere ,quod minoris sit pluris vendere... ».
4. *Zulueta F.* De. The Roman law of Sale. Oxford, 1945.
5. Corpus iuris civilis.Codex Iustinianus. Berolini. MDCCCLXXX.
6. *Zulueta F.* De. Op. cit.
7. *Kaser M.* Das Römisches Privatrecht. Die Nachklassischen Entwicklungun. München, 1957.
8. *Lokin J.H.A., Brandsma F., Jansen C.J.* Roman-Frisian law of the 17th and 18 the century. 2003.
9. *Ehrman A.* Pretium iustum and laesio enormis in Roman and jewish sources.
10. *Watson A.* The hidden originis of the enorm lesion // Journal of Legal History. V. 2. Issue 2 September, 1981.
11. *Zimmermann R.* The law of obligations: Roman foundation of the civilian tradition. Oxford, 1996.
12. *Ehrman A.* Pretium iustum and laesio enormis in Roman and jewish sources: «The Starting point here is Lev 2: “ And if thou sell aught into thy neighbor or buy of the neighbor’s hand, ye shall not wrong one another» (И если вы продадите то, что нужно соседу, и купите у соседа, то не должны быть несправедливыми друг к другу).
13. *Новицкий И.Б.* Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1.
14. Цит. по: *Zimmermann R.* The law of obligations: Roman foundation of the civilian tradition. Oxford, 1996.
15. Laesio enormis (aus Wikipedia, der freien Enzyklopädie) [http:// de wikipedia.org/wiki/Laesio_enormis](http://de.wikipedia.org/wiki/Laesio_enormis). S. 2 (...ein Partner, für den der Vertrag ein Handelsgeschäft ist, kann sich gemäß § 351 ÖUGB nicht darauf berufen. S. 2.
16. *Finkenauer T.* Zur Renaissssance der laesio enormis beim Kaufvertrag // Festschrift für Harm Peter Westermann zum 70. Geburgstag. Köln, 2008.
17. Laesio enormis (aus Wikipedia, der freien Enzyklopädie) [http:// de wikipedia.org/wiki/Laesio_enormis](http://de.wikipedia.org/wiki/Laesio_enormis).
18. *Zwalve W.J. Snell V. Beadle*-The privy council on Roman Law, Norman customary and The Jus commune // Internet. PDF 362_004.

Шансугова М. Д.
Преподаватель Северо-Кавказской
академии государственной службы

ФИНАНСОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ ФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются финансовые правоотношения как объекты финансовой деятельности.

The article observes financial law relations as the object of financial activity.

Ключевые слова: *объекты финансовой деятельности, финансовые правоотношения, финансовая деятельность.*

Key words: *financial activity, objects of financial activity, financial law relations.*

В структуре любого вида деятельности важнейшее место занимает её объект.

Опираясь на общетеоретические исследования деятельности, выделим объект финансовой деятельности.

Объектом деятельности является то, на что она направлена. Так, по мнению В. Н. Карташова, объектом можно считать то, на что направлена юридическая деятельность, т.е. прежде всего общественные отношения, но так как люди вступают в отношения друг с другом с целью удовлетворения своих потребностей, необходимо выделять вторичные объекты деятельности: предметы, процессы, состояния природной и социальной среды, объективной и субъективной реальности, материальные и нематериальные блага [1, с. 60-61]

В учебной литературе отмечается, что в качестве объекта финансовой деятельности выступают экономические отношения, а точнее отношения собственности и как результат - доходы, накопления и т.д. субъектов хозяйствования и физических лиц, а также собственные ресурсы государства и муниципальных образований [2, с. 34].

Финансовая деятельность осуществляется по поводу финансовых ресурсов и денежных фондов. При осуществлении финансовой деятельности складываются отношения, которые приобретают форму правоотношений.

По нашему мнению, объектом финансовой деятельности является финансовое правоотношение. Финансовые ресурсы, денежные фонды и поведение субъектов финансовой деятельности можно рассматривать как объекты финансовых правоотношений и (или) как вторичные объекты финансовой деятельности.

Рассмотрим соотношение понятий «отношения в сфере финансовой деятельности», «финансовые отношения», «объекты финансовой деятельности».

Отношения в сфере финансовой деятельности традиционно обозначаются как финансовые отношения. Однако существует мнение, что отношения, возникающие в процессе осуществления финансовой деятельности являются комплексными, т.е. включают финансово-правовые, гражданско-правовые и иные отношения. Например, А.И. Худяков пишет: «При самом поверхностном рассмотрении выясняется, что государство осуществляет формирование, распределение и использование своих денежных фондов не только на основе экономических – финансовых, но и других видов экономических отношений. Так, формирование бюджета может осуществляться, например, путём получения доходов от сдачи внаем государственного имущества. Возникающие при этом отношения с экономической точки зрения являются товарно-денежными. Использование государственных денежных фондов, где государство, выступая в качестве покупателя товаров (работ, услуг), оплачиваемых за счет средств соответствующего денежного фонда (например, бюджета), также осуществляется в рамках отношений, являющихся товарно-денежными. Причем в обоих случаях отношения регулируются гражданским правом, т.е. с правовой точки зрения они являются гражданско-правовыми» [3].

Представляется, однако, что данная точка зрения является неточной. А. И. Худяков, вопреки постулатам экономической теории, считает финансовые отношения не имеющими никакого отношения к товарно-денежным. Между тем финансовые отношения возникают и функционируют только в сфе-

ре товарно-денежных отношений, выступающих необходимым условием существования финансовых отношений.

Кроме того, не следует путать процесс формирования источников финансовых ресурсов с самими финансовыми ресурсами. По поводу доходов, приведенных А.И. Худяковым в качестве примера, можно сказать также, что сам процесс получения этих доходов не изучается финансовым правом. Источник дохода бюджета рассматривается как источник финансовых ресурсов бюджета. Таким образом, попадая в казну, доход приобретает особый финансово-правовой режим, отличный от правового режима процесса его получения и, соответственно, гражданско-правовых и иных методов регулирования этого процесса.

Трудно согласиться с утверждением, что отношения по использованию государственных денежных фондов, когда государство выступает в качестве покупателя товаров (работ, услуг), оплачиваемых за счет средств соответствующего денежного фонда (например, бюджета), являются исключительно гражданско-правовыми, в большинстве случаев они выступают как комплексные и регулируются также административным правом.

Вызывает также возражение отнесение финансовых отношений к сфере гражданского права исключительно по методу регулирования, поскольку финансово-правовые отношения отличаются от гражданско-правовых по сути [4, с. 70-73]. Это касается и вопроса финансовых отношений в финансах организаций, или, как их принято называть, «частных децентрализованных финансов».

Не соглашаясь с трактовкой предметной области финансового права А.И. Худяковым, следует, тем не менее, согласиться с его предложением различать понятия «отношения в сфере финансовой деятельности» и «финансовые отношения». К отношениям в сфере финансовой деятельности, помимо финансовых, А. И. Худяков, относит также гражданско-правовые и иные отношения, которые не могут выступать предметом финансового права, если не полагать, что эта отрасль права является самостоятельной и не комплексной. Следовательно, понятие отношений в сфере финансовой деятельности шире понятия финансовых отношений и является межотраслевым.

Таким образом, по нашему мнению, отношения в сфере финансовой деятельности включают две группы отношений:

1) финансовые отношения;

2) сопутствующие им гражданско-правовые и иные отношения.

Объектами финансовой деятельности являются отношения в сфере финансовой деятельности. Исходя из изложенного выше, к объекту финансовой деятельности следует отнести в первую очередь финансовые правоотношения, а также сопутствующие им гражданско-правовые, административные и иные отношения.

В настоящей статье остановимся на исследовании финансовых отношений в организации как разновидности финансовых отношений и как объекта финансовой деятельности.

По нашему мнению, сложившееся в науке финансового права понимание финансового правоотношения является узким. Приведем несколько примеров.

По мнению Ю. А. Крохиной, финансовые правоотношения – это, по сути, экономико-правовые общественные отношения, урегулированные нормами финансового права, имеющие властно-имущественный характер и выражающие публичные интересы, а характерными чертами финансовых правоотношений являются следующие [5, с. 92-93].

- Они возникают и функционируют в процессе планового аккумулирования, распределения и использования государственных и муниципальных денежных фондов.
- Они являются разновидностью имущественных отношений, носящих публичный характер. Следует отметить, что в ходе осуществления финансовой деятельности возникают и процессуальные (организационные) правоотношения, но они имеют вторичный (производный) характер, ибо обеспечивают движение финансовых ресурсов государства и муниципальных образований.
- Финансовые правоотношения требуют обязательного участия государства или муниципального образования в лице компетентных органов или должностных лиц.
- Большинство финансовых правоотношений имеет субординационный характер и построено по схеме «власть – подчинение».
- Юридическая ответственность недобросовестного участника финансового правоотношения наступает не перед второй стороной, как в большинстве других отраслей права, а непосредственно перед государством.

Однако перечисленные признаки финансовых отношений свойственны только публичным фи-

нансовым правоотношениям. Причем государство выступает в этих отношениях в качестве стороны. Поэтому, по нашему мнению, неточно говорить, что ответственность наступает перед государством, а не перед стороной. Данная ситуация ярко характеризует двойственную природу государства как субъекта финансового отношения: с одной стороны, оно регулирует и организует отношение, а с другой – является его непосредственным участником. То же самое в том или ином виде происходит и в других отраслях права, например гражданском праве. Именно поэтому данный признак вряд ли может рассматриваться как квалифицирующий финансовое правоотношение.

Согласно другому подходу финансовые правоотношения – это урегулированные нормами финансового права общественные отношения, участники которых выступают как носители юридических прав и обязанностей, реализующие содержащиеся в этих нормах предписания по образованию, распределению и использованию государственных, муниципальных и других публичных денежных фондов [6, с. 75].

В учебнике под редакцией М. В. Карасевой приводятся следующие характеристики финансового правоотношения, обусловленные спецификой предмета и метода финансово-правового регулирования [7, с. 129-131].

1) финансовое правоотношение возникает и развивается исключительно в сфере финансовой деятельности государства и муниципальных образований;

2) представляет собой форму реализации публичных интересов, в связи с чем должно рассматриваться как публично-правовое отношение;

3) в сущности, является отношением экономическим;

4) одна из характерных черт финансового правоотношения – его имущественный характер. В качестве имущественных благ в финансовых правоотношениях выступают денежные средства (финансовые ресурсы) в наличной и безналичной форме;

5) выступает властеотношением.

Властно-имущественный характер финансового правоотношения служит критерием для отграничения его от гражданско-правового отношения [7, с. 131].

Как видим, в этих определениях много общего: финансовые правоотношения возникают в сфере финансовой деятельности государства и муниципальных образований, имеют властно-имущественный и публичный характер. Думается,

что при характеристике финансового правоотношения стоит делать упор на его понимании не как властеотношения, а как управленческого отношения, строящегося, главным образом, по принципу разграничения прав, обязанностей, компетенций и ответственности.

Сложившееся в финансово-правовой науке понимание финансового правоотношения, по нашему мнению, вызвано узким пониманием финансовой деятельности и отождествлением понятий «финансовая деятельность», «финансовая деятельность государства и муниципальных образований». Объективно существующая финансовая деятельность организации не включается в финансово-правовое понятие финансовой деятельности. А это влечет сужение понятия финансовое правоотношение, которое в соответствии с приведенными выше понятиями возникает исключительно в сфере финансовой деятельности государства и муниципальных образований, носит властно-имущественный, публичный характер.

За рамками такого понимания финансового правоотношения остаются объективно существующие финансовые правоотношения в сфере децентрализованных финансов.

Правоотношение в финансах организаций не отвечает указанной специфике. Значит ли это, что отношение финансов организаций не является финансово-правовым? Думается, нет.

То, что отношения финансов организаций не вписываются в предмет финансового права в его современном понимании, не может подвергаться сомнению, но правильно ли это? Почему отношения, имеющие финансовую природу, должны быть гражданско-правовыми, а не финансово-правовыми?

Финансы организаций существуют, они являются звеном финансовой системы, их отрицание в финансовом праве не меняет объективной ситуации.

Поэтому представляется необходимым скорректировать определение финансового правоотношения с учётом финансовых правоотношений, возникающих в финансах организаций. По нашему мнению, понятие финансового правоотношения шире понятия публичного финансового правоотношения и включает, помимо публичных, и частные финансовые правоотношения.

Таким образом, по критерию сфер финансовой деятельности финансовые правоотношения можно подразделить на два вида:

- публичные финансовые отношения, возникающие в сфере финансовой деятельности государства и муниципальных образований;

- частные финансовые отношения, возникающие в сфере финансовой деятельности организаций и физических лиц.

Сложившиеся в науке финансового права и приведенные выше признаки финансового правоотношения являются признаками публичных финансовых правоотношений. Такое разграничение потребует дальнейшего выявления признаков частных финансовых правоотношений, а также общих признаков финансовых правоотношений обеих групп (и частных и публичных финансовых правоотношений) и нового понимания финансового правоотношения вообще. Вместе с тем нужно отметить, что провести такое разграничение по методу регулирования довольно затруднительно, поскольку отношения в обеих группах отношений испытывают воздействие как императивных, так и диспозитивных методов регулирования, вопрос состоит в мере присутствия того или иного метода в доминирующем (публичного в частном и частного в публичном).

Поскольку мы исходим из единства и целостности финансовых отношений, считаем, что правовое регулирование финансового правоотношения будет строиться на едином методе координации, включающем систему подметодов: обязательных предписаний, согласования (автономии воли) и рекомендаций.

Финансовые отношения могут возникать и между равноправными субъектами, однако эта проблема требует специального рассмотрения. Считается, что все дискуссии вокруг предмета финансового права сводятся к вопросу о самостоятельности либо комплексном характере этой отрасли. По нашему мнению, дискуссия имеет причиной неверные исходные посыпки, которые и порождают несуществующее противоречие. Она вызвана традиционными подходами к пониманию предмета и метода финансового права, не учитывающими новых тенденций. Между тем вопрос о предмете отрасли должен перейти в плоскость сущности, единства и целостности отношений, ею регулируемых, а не поверхностных различий. В случае с финансовым правом – это финансовые отношения, в том числе и финансовые отношения в организации. Это потребует пересмотра предмета и метода финансового права.

Итак, финансовые отношения как предмет финансового права в его традиционном понимании – это прежде всего отношения по формированию,

распределению и использованию публичных денежных фондов.

Представляется однако, что такое определение характеризует лишь одну из разновидностей финансовых отношений – публичные финансовые отношения.

Под финансовыми правоотношениями следует понимать урегулированные нормами права общественные отношения по формированию, распределению и использованию финансовых ресурсов.

Принято считать, что финансовые отношения, составляющие предмет финансового права, являются властеотношениями, однако сегодня в финансовом праве используется и диспозитивный метод. Это положение вещей отражает общую закономерность взаимного проникновения публичных и частных отраслей права. Тем не менее нужно отметить, что в финансовом праве в его современном понимании властеотношения с участием публичных субъектов занимают основной массив отношений предмета регулирования. В рамках финансов организаций основное внимание уделяется внутрихозяйственным отношениям, отношениям с контрагентами по договорам, отношениям по уплате обязательных платежей в бюджет.

Финансовые правоотношения имеют разнородный характер: это и отношения субординации, и отношения, основанные на равенстве.

Финансовые правоотношения организации могут существовать одновременно в трех плоскостях: 1) по-вертикали – в отношениях с органами регулирования и контроля; 2) по-горизонтали – в отношениях с иными субъектами хозяйствования; 3) как внутрихозяйственные отношения – финансовые отношения внутри организации.

Рассмотрим структуру финансового правоотношения в организации. В этой структуре принято выделять субъекты, объекты, содержание. Субъект отношений в сфере финансовой деятельности обладает комплексным межотраслевым статусом. Его отраслевые статусы взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Предпосылкой выступления в качестве субъекта финансового правоотношения является финансовая правосубъектность. Однако и здесь возникает сложность. Никаких особых общих признаков субъекта именно как субъекта финансового права в специальной литературе не выделяется. Обычно при характеристике субъектов финансового права приводится их перечисление, совершенно не отражающее их специфику. Поэтому отраслевую принадлежность субъекта финансового права не-

возможно определить в отрыве от его прав и обязанностей в финансовом правоотношении или его межотраслевого правового статуса и финансовой право-дееспособности.

Правосубъектность в частных и публичных финансовых отношениях имеет свои особенности. Общие признаки правосубъектности будут определяться единством сферы финансовой деятельности. Финансовые отношения в организации можно подразделить на внешние и внутренние (внутрихозяйственные). Субъектами финансовых правоотношений в финансах организаций являются сами организации, а во внутрихозяйственных финансовых отношениях также их подразделения и органы. Сама организация как субъект налоговых отношений, отношений по валютному контролю, отношений с банковскими и страховыми организациями, очевидно, таким свойством, как финансовая правосубъектность, обладает. Сложности возникают при определении финансовой правосубъектности отдельных подразделений организации. В соответствии со сложившейся традицией её нельзя назвать финансово-правовой. Однако вопрос о правовом регулировании внутрихозяйственных отношений связан с регулированием бухгалтерского учета и его отраслевой принадлежности и требует самостоятельного рассмотрения. По сложившейся традиции внутрихозяйственные отношения не включаются в предмет финансового права. Вопрос о понятии, составе, правовом статусе обособленных подразделений является дискуссионным и требует специального исследования.

Как отмечает Л. Н. Древаль, «в истории развития финансового законодательства был такой период, когда субъектами финансового права - налогоплательщиками согласно нормам Федерального закона «О налоге на имущество предприятий и организаций» (1991 г.) – признавались именно филиалы и другие аналогичные подразделения, имеющие отдельный баланс и расчетный счет. Однако для финансового права выделение коллективных субъектов в такой интерпретации в качестве самостоятельного вида представляется не совсем целесообразным. [9, с. 94]

Н.И. Химичева считает, что для вступления в финансовые правоотношения предприятия и иные коммерческие организации, как коллективные субъекты финансового права, должны обладать юридической самостоятельностью, иметь свой финансовый план, однако законодательством предусматривается, что филиалы, другие обособленные подразделения предприятий могут исполнять обя-

занности последних, в частности по уплате налогов по месту своего нахождения (ст. 19 НК РФ). [6, с. 86]

В соответствии со ст. 19 Налогового кодекса РФ [10], налогоплательщиками и плательщиками сборов признаются организации и физические лица, на которых в соответствии с настоящим Кодексом возложена обязанность уплачивать соответственно налоги и (или) сборы; в порядке, предусмотренном НК РФ, филиалы и иные обособленные подразделения российских организаций исполняют обязанности этих организаций по уплате налогов и сборов по месту нахождения этих филиалов и иных обособленных подразделений.

В соответствии со ст. 11 НК РФ, обособленное подразделение организации – это любое территориально обособленное от нее подразделение, по месту нахождения которого оборудованы стационарные рабочие места. Признание обособленного подразделения организации таковым производится независимо от того, отражено или не отражено его создание в учредительных или иных организационно-распорядительных документах организации, и от полномочий, которыми наделяется указанное подразделение. При этом рабочее место считается стационарным, если оно создается на срок более одного месяца.

Допуская, что во внешних финансовых отношениях, прежде всего налоговых, филиалы и представительства не являются субъектами финансовых правоотношений, считаем, что они обладают отдельными элементами финансовой правосубъектности, в частности, исполняют обязанности по уплате обязательных платежей российских организаций.

Внутрихозяйственные отношения обладают особой спецификой, во внутрихозяйственных отношениях подразделения организации являются полноправными субъектами.

Правосубъектность предполагает наличие правоспособности и дееспособности. Финансовой правоспособностью обладает любая организация с момента её создания. Финансовая дееспособность зависит от наступления определенных юридических фактов или наличия фактических составов, в зависимости от вида финансового отношения организации. Например,

- в налоговых отношениях: наличие всех элементов налога;
- финансовые отношения по выплате дивидендов – решение общего собрания, наличие акций и доли, отсутствие обстоятельств, ограничивающих выплату дивидендов по закону;

- при начислении заработной платы – наличие трудового договора, приказа о приеме на работу, документов бухгалтерского учета и т.д.

Объектом является то, на что направлено правоотношение. Существуют разные подходы к пониманию объекта правоотношений. К ним относятся такие, как благо или поведение. Есть и не совсем обычные, которые понимают под объектом правовой режим вещи. Видимо, тот или иной подход применим в той или иной мере к различным объектам в рамках конкретной отрасли. Так, в гражданском праве объектами правоотношений можно считать и блага и поведение. По нашему мнению, объектами финансовых правоотношений и прав выступают и блага и поведение субъектов.

Объект должен обладать свойством правообъектности, т.е., признан в качестве объекта финансовых прав государством. В законодательстве понятие «объект финансовых прав» не содержится. Однако, отдельные объекты все же можно отнести к объектам финансовых прав исходя из признаков, которыми, по нашему мнению, должны обладать эти объекты.

Не следует забывать о различиях объектов прав и правоотношений.

Правообъектность, т.е. признание в качестве объекта прав, есть предпосылка выступления конкретного блага или поведения в качестве объекта правоотношения. Объект прав - абстрактное понятие, характеризующее однородную совокупность благ и деятельности. В правоотношении происходит его конкретизация в качестве объекта финансового правоотношения. Этот процесс аналогичен процессу различения субъекта права и субъекта правоотношения.

Поскольку финансовые отношения носят денежный распределительный характер, то объектами финансовых правоотношений как благ является то, что подлежит распределению. Таким образом, основным свойством объектов финансовых прав и правоотношений как благ будет их потенциальная «распределимость», т.е. способность быть распределенными. В каждой группе финансовых отношений конкретный объект будет различным, однако общим будет именно то, что этот объект распределяется или может распределяться в будущем. Правовой режим распределения объекта финансовых прав, его общие рамки должны быть, так или иначе, определены государством. Правовой режим распределения будет отличаться по методу регулирования для публичных и частных финансов. В случае с централизованными финансами механизм

распределения регламентируется публичным образованием преимущественно императивно, в случае с децентрализованными финансами метод будет иметь черты и императивного и диспозитивного. Диспозитивные правила могут устанавливаться физическим и юридическим лицом только после соблюдения всех императивных требований закона. В некоторых случаях речь будет идти о мере императивности и диспозитивности в режиме распределения того или иного объекта. Например, при распределении прибыли объектом распределения будет прибыль. Правовой режим распределения будет определяться:

- направлениями распределения: на налог, на дивиденды, на реинвестирование, и т.д. Что касается налога на прибыль, то он будет распределяться в императивном порядке, распределение прибыли на предприятии после налогообложения будет определяться предприятием диспозитивно, с учетом законодательных ограничений на распределение прибыли (напр., ст. 29 ФЗ «Об ООО» [11]).

- правилами бухгалтерского и налогового учёта;

Направления распределения будут определять в той или иной мере методы распределения. Таким образом, если объектом финансовых прав является благо, то оно в обязательном порядке должно обладать как минимум следующими признаками: 1) распределимость/распределяемостью, 2) денежным характером.

В случае когда объектом финансового правоотношения является поведение, то оно должно осуществляться по поводу формирования, распределения и использования фондов и финансовых ресурсов (в финансовом обязательстве).

С позиций общей теории права блага должны признаваться таковыми со стороны государства, чтобы обладать такими свойствами, как оборотоспособность (т.е. способность переходить от одного лица к другому), как средства закрепления объекта за субъектом, отделимость от других объектов.

Объекты финансового права как блага обладают особыми свойствами, отличающими их от объектов других отраслей права, а именно - они должны иметь качество распределяемости (распределимости).

Объектами финансовых прав, по нашему мнению, являются:

- финансовые ресурсы (в том числе имеющие фондовую форму); виды финансовых ресурсов в публичных финансах и в частных будут различаться;

- денежные фонды;
- поведение субъектов по формированию, распределению и использованию фондов и финансовых ресурсов (в финансовом обязательстве);

Конкретные объекты финансовых правоотношений будут различаться в зависимости от вида финансового правоотношения по сфере финансовой деятельности (в публичных и частных финансовых отношениях поведение будет заключаться в разных конкретных действиях, имеющих единую природу, по каждому виду финансовых отношений различаются и конкретные виды финансовых ресурсов).

Различные экономические классификации финансовых отношений предприятия выделяются в экономической литературе по финансам организаций [12].

Условно все финансовые отношения, возникающие в финансах организаций, можно условно разделить на три группы:

- 1) внешние;
- 2) внутрихозяйственные;

3) финансовые отношения внутри холдингов, финансово-промышленных групп, ассоциаций и союзов. Поскольку, с одной стороны, предприятие является в том или ином виде их участником, а с другой - эти объединения носят надфирменный характер и не подменяют собой юридическую личность организации, их, по нашему мнению, необходимо выделить в особую группу.

Внешние отношения могут быть «вертикальными» и «горизонтальными».

Внутрихозяйственные отношения также могут быть «вертикальными» и «горизонтальными». В горизонтальных отношениях стороны равны, отношения строятся преимущественно по методу согласования и рекомендаций. В вертикальных отношениях воля одной из сторон будет определяющей. Эти отношения основываются преимущественно на методе обязательных предписаний.

Рассмотрим внешние финансовые правоотношения в финансах организаций. Как было отмечено выше, они могут быть горизонтальными и вертикальными. По нашему мнению, к вертикальным внешним отношениям относятся финансовые отношения предприятия с бюджетной системой: по уплате обязательных платежей в бюджет: налоги, сборы, таможенные пошлины, страховые взносы во внебюджетные фонды. К горизонтальным внешним финансовым отношениям относятся финансовые отношения предприятия с другими организациями, финансовые отношения предприятия с банковским и страховыми компаниями (отношения органи-

заций с банками имеют двойственную природу и представляют собой сочетание горизонтальных и вертикальных отношений; с одной стороны, отношения основываются на договоре, а с другой - банк наделён полномочиями по осуществлению банковского контроля).

В качестве примеров внутрихозяйственные финансовых отношений можно привести горизонтальные (финансовые отношения организации по поводу начисления заработной платы, финансовые отношения организации и её учредителей при формировании уставного капитала, финансовые отношения организации и её акционеров и участников, финансовые отношения между равноправными подразделениями юридического лица, финансовые отношения, возникающие между предприятием и его работниками по поводу начисления заработной платы и т.д.) и вертикальные (финансовые отношения между находящимися в отношениях субординации структурными подразделениями организации и др.).

Каждая из перечисленных групп имеет свои особенности, и сферу применения, и методы реализации. Однако не все они носят односторонний характер и их материальную основу составляет движение денежных средств, благодаря их использованию формируются денежные потоки, ими сопровождается формирование уставного капитала организации (предприятия), начинается и завершается кругооборот средств, формирование и использование денежных фондов различного назначения, финансовых резервов и в целом финансовых ресурсов организации [13, с. 9].

Итак, в рамках деятельностного подхода финансовое правоотношение представляет собой объект финансовой деятельности и взаимную связь субъектов, выражающуюся в правах и обязанностях по поводу объектов правоотношений (финансовых ресурсов и денежных фондов) в процессе их формирования, распределения и использования. Общими признаками всех финансовых правоотношений, по нашему мнению, являются следующие:

- Они существуют в сфере финансовой деятельности, т.е. возникают в процессе формирования, распределения и использования финансовых ресурсов.
- Объектом их являются финансовые ресурсы.
- Финансовые правоотношения являются имущественно-управленческими денежными отношениями.

- Выступают как регулятивные отношения.

Финансовые правоотношения в финансах организации, по нашему мнению, не могут быть гражданско-правовыми. Гражданские правоотношения строятся на принципах равенства и автономии воли. В финансовых правоотношениях в организации принцип автономии воли ограничен. Формирование, распределение и использование финансовых ресурсов в финансах организаций осуществляется на частно-публичных началах.

Таким образом, необходимость в расширении понятия финансового правоотношения с учётом финансовых отношений организаций существует. Такая необходимость обусловлена внутренней логикой и системностью категории финансов. Все существующие определения финансового правоотношения, по сути, отражают специфику только правоотношений, возникающих в сфере государственных и муниципальных финансов, и не учитывают специфику финансовых правоотношений, возникающих в сфере децентрализованных финансов и финансов организаций в частности. В связи с этим можно сделать вывод о назревшей необходимости в разработке уточнённого общего понятия финансового правоотношения, учитывающего специфику правоотношений финансов организаций. Кроме того, следует произвести классификацию финансовых правоотношений с учётом уточнённого определения на финансовые правоотношения в сфере государственных и муниципальных финансов и финансовые правоотношения в рамках децентрализованных финансов. Критерии такого разграничения требуют дальнейшего уточнения. Разграничение возможно по преобладающему подметоду регулирования, по сфере финансовой деятельности, воз-

можно, критерий должен быть комплексным. Этот вопрос, по-видимому, требует дальнейшего изучения, как и вопрос о нефинансовых отношениях возникающих в сфере финансовой деятельности.

Литература

1. *Карташов В.Н.* Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. Саратов, 1989.
2. Финансовое право / Отв. ред. *М. В. Карасева*. М., 2007.
3. *Худяков А.И.* Дискуссионные вопросы предмета финансового права // СПС «Консультант Плюс».
4. *Шансугова М.Д.* О концептуальной целостности финансовых отношений // Северо-Кавказский юридический вестник. 2009 № 3.
5. Финансовое право России: Учебник / *Ю. А. Крохина*. М., 2008.
6. Финансовое право / Под ред. *Н. И. Химичевой*. М., 2008.
7. Финансовое право / Под ред. *М. В. Карасевой*. М., 2007.
8. Деньги. Кредит. Банки / Под ред. *О.И. Лаврушина*. М., 2006.
9. *Древаль Л.Н.* Субъекты российского финансового права / Под ред. д.ю.н., проф. *Е. Ю. Грачевой*. М., 2008.
10. Налоговый кодекс РФ (часть первая) // Собрание законодательства РФ. № 31. 03.08.1998. Ст. 3824.
11. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 27.12. 2009) // Собрание законодательства РФ. № 7. 16.02.1998. Ст. 785.
12. *Карасева М.В.* Финансовое правоотношение / Дисс. на соиск. уч.ст. д.ю.н. Воронеж, 1998.
13. Финансы организаций (предприятий): Учебник / Под ред. *Н.В. Кончиной*. М., 2007.

УДК 347

Супрун В.В.

Аспирант Северо-Кавказской академии государственной службы

О ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ РЕШЕНИЯХ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ СТАБИЛИЗАЦИЮ ПОЛОЖЕНИЯ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА

Статья посвящена рассмотрению законодательных решений, обеспечивающих стабилизацию положения участников гражданского оборота: дается их общий анализ и исходная классификация.

The article is devoted to consideration of legislative solutions that ensure the stabilization of participants of civil traffic. The author gives them an overall analysis and initial classification.

Ключевые слова: *Стабилизация, потребности гражданского оборота, участники гражданского оборота.*

Key words: *Stabilization, needs of civil traffic, participants of civil traffic.*

По нашему мнению, одной из составляющих потребности укрепления гражданского оборота является стабилизация правового положения его участников. При этом необходимо учитывать, что влияние идеи необходимости повышения стабильности гражданского оборота, в том числе посредством придания устойчивости положению его участников, проявляется на начальном этапе процесса правового регулирования общественных отношений: на стадии объективации, изменения и прекращения юридических норм [1]. В частности, в данном случае сама потребность стабилизации оборота в диалектической взаимосвязи с требованием его динамизации выступает в качестве фактора формирования источников объективного права.

В то же время преодоление возможной нестабильности правового положения участников гражданского оборота происходит на завершающем «витке спирали» юридического опосредования явлений социальной действительности: в рамках конкретного правоотношения. В этой связи представляется необходимым обозначить и систематизировать законодательные решения, обеспечивающие упрочение правовых позиций субъектов, участвующих в гражданском обороте, на стадии возникновения, действия, возможного изменения и прекращения конкретного правоотношения.

Устойчивость правового положения участников гражданского оборота, безусловно, определяется прочностью системы источников гражданского права и постоянством и непротиворечивостью действия заключенных в данных источниках правовых норм. Каким образом законодатель может оградить субъектов от возможных негативных последствий нестабильности в данной сфере? Стабилизирующая оговорка является одним из примеров таких нормативных решений. Стабилизирующая оговорка, как указывает Йоханнес Рат, - это оговорка, определенная действующим законодательством или определенная в рамках договора между государством и иностранным и (или) национальным субъектом права, применяемая с целью защиты правового положения сторон договора в случае последующего внесения изменений в действующее законодательство [2, с. 46]. Примером закрепления таких оговорок могут служить положения ст. ст. 17, 18 ФЗ «О соглашениях о разделе продукции» [3] и ст. 9 ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» [4], которые основаны на принципе, сформулированном в ст. 422 ГК РФ: если обязательные для сторон правила, содержащиеся в договоре, со-

ответствовали действующим в момент его заключения законодательным и иным правовым актам, то они по общему правилу сохраняют силу и после их последующего законодательного изменения [5, с. 1-2]. Наряду со стабилизирующей оговоркой к примерам нормативных решений, имеющих целью не допустить дестабилизации правового положения участников гражданского оборота в связи с изменением законодательства, следует отнести запрет обратной силы закона, закрепленный в п. 1 ст. 4 ГК РФ.

Стабилизация положения субъектов происходит и в рамках процессов осуществления и защиты гражданских прав, а также исполнения обязанностей. В данном случае укрепление правового положения участников гражданского оборота обеспечивается, в первую очередь, посредством закрепления требования добросовестного поведения и запрета злоупотребления субъективными гражданскими правами.

Прочность системы объектов гражданских прав, несомненно, также способствует укреплению правового положения участников, а следовательно, и всего гражданского оборота. Так, исключение из числа вещей таких объектов гражданских прав, как безличные деньги и ценные бумаги, должно привести к устранению ряда серьезных практических проблем и противоречий [6]. Достаточно вспомнить давний спор о возможности применения вещно-правовых способов защиты для восстановления прав на указанные объекты, чтобы удостовериться в практической значимости необходимости решения этих фундаментальных вопросов для целей стабилизации правового положения субъектов, участвующих в обороте этих благ.

Не менее значимой для поддержания прочности правового положения участников гражданского оборота является стабильность системы вещных прав. Важнейшее значение в этом аспекте приобретает, к примеру, необходимость преодоления правовой неопределенности судьбы добросовестного приобретателя движимой вещи; нерешенность вопроса о порядке приобретения такими добросовестными приобретателями права собственности, безусловно, дестабилизирует правовое положение данных субъектов [7].

В рамках системы обязательственных правоотношений стабильность положения участников гражданского оборота определяется в первую очередь устойчивостью существования самого обязательства. Так, в частности, в п. 5.2.1 разд. II Кон-

цепции развития гражданского законодательства отмечается, что вследствие широкого распространения судебной практики признания сделок ничтожными на основании статьи 168 ГК РФ стабильность и предсказуемость гражданского оборота поставлены под серьезную угрозу. В этом случае сокращение легальных возможностей для необоснованного признания сделок недействительными и последовательная реализация принципа сохранения однажды заключенного договора, безусловно, должны укрепить правовое положение добросовестных сторон обязательства. Для эффективного достижения этих целей следует поддержать предложения по введению ряда законодательных ограничений, в частности, предусматривающих следующие специальные правила оспаривания договоров: признание, что заинтересованным лицом для целей оспаривания договора может считаться лишь лицо, чьи права или охраняемые законом интересы нарушены договором; расширение круга возможных последствий несоответствия сделки требованиям закона (в том числе возможность определения последствий недействительности договора соглашением сторон) при условии, что применение этих последствий не нарушает общественных интересов и права третьих лиц; закрепление применительно к недействительности договора презумпции оспоримости договора, не соответствующего требованиям закона или иных правовых актов [8].

Стабильность системы прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации во многом предопределяет и устойчивость правового положения участников гражданского оборота. Так, в настоящий момент существует неопределенность правовых характеристик Интернет-сайтов и иных сложных информационных ресурсов, в результате чего возникают практические трудности в возможности распоряжения правами на объекты, объединенные в составе таких ресурсов в едином комплексе [9]. Подобная ситуация, вне всяких сомнений, не обеспечивает стабильности правового положения управомоченных субъектов. Другим важнейшим вопросом, «без решения которого невозможно обеспечить эффективную защиту результатов интеллектуальной деятельности в информационно-телекоммуникационных сетях, является определение условий привлечения к ответственности лиц, обеспечивающих доступ к информационно-телекоммуникационной сети, функционирование ресурсов в сети и размещение на них соответствующих объектов («провайдеров»») [10].

Таким образом, сфера нормативного регулирования прав на интеллектуальную собственность также представляет собой «благодатную почву» для дальнейшей реализации идеи стабилизации гражданского оборота путем повышения правовой определенности и укрепления положения его участников. Этот процесс, безусловно, будет актуализироваться по мере накопления практики применения норм раздела VII ГК РФ, вступившего в действие с 1 января 2008 года.

«На стыке» таких элементов системы стабилизации гражданского оборота, как стабилизация вещных прав, обязательств и прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, можно выделить законодательные решения, направленные на укрепление правового положения участников оборота посредством придания устойчивости их субъективным правам вообще. К числу таких решений в первую очередь следует отнести закрепление в законе сроков исковой давности. Подобная позиция находит поддержку в научной и учебной литературе. В частности, в одном из учебников по гражданскому праву указывается, что институт исковой давности во многом обеспечивает стабильность гражданского оборота: участники гражданских отношений знают, что по истечении исковой давности никто не может предъявить к ним требований и провести «ревизию» принадлежащих им прав [11, с. 110]. Принципиальное значение исковой давности для обеспечения устойчивости оборота отмечается и в ряде специальных исследований [12]. Другим примером нормативных решений, обеспечивающих стабилизацию правовых позиций участников гражданского оборота с помощью упрочения их субъективных прав, могут служить положения ст. 20 ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» [13], гарантирующие стабильность прав субъектов инвестиционной деятельности. В указанной сфере, к сожалению, также существуют недостатки в правовом регулировании, негативно влияющие на определенность правового положения субъектов. Так, в литературе обоснованно отмечена необходимость укрепления положения концессионера в отношении объекта концессионного соглашения путем закрепления его принадлежности за концессионером в качестве объекта его субъективного права. Причем допускается инвариантность определения права концессионера как вещного либо обязательственного в зависимости от выбранных критериев [14, С. 5-6].

Отдельную самостоятельную группу образуют законодательные решения, обеспечивающие стабилизацию правового положения участников гражданского оборота посредством придания устойчивости самому существованию юридических лиц в качестве субъектов права. Речь в данном случае идет о нормах, регулирующих процессы создания и прекращения деятельности юридических лиц. Прочность правового положения участников оборота здесь предопределяется защитой интересов инвесторов и кредиторов юридических лиц от возможного быстрого исчезновения последних в качестве субъектов права и «вывода» их имущества. Идея необходимости обеспечения стабильности существования юридических лиц в целях упрочения оборота нашла поддержку у современных ученых-цивилистов. Так, Е. А. Суханов, критикуя законопроекты, упрощающие процедуры реорганизации юридических лиц, справедливо отмечает, что «гражданский оборот должен быть стабильным, в том числе и с точки зрения состава его участников, и не может подвергаться постоянным и частым изменениям» [15, с. 23]. Д. И. Степанов, рассматривая негативные последствия аннулирования сделки, лежащей в основании создания юридического лица, указывает на принципиальное значение стабильности существования юридических лиц для стабилизации оборота в целом [16, с. 32-33].

Таким образом, стабилизация положения участников гражданского оборота обеспечивается различными законодательными решениями. При этом представляется необходимым выявить те негативные факторы, которые обуславливают нестабильность положения участников гражданского оборота. К ним, по нашему мнению, следует отнести:

1) непостоянство системы источников права, а также наличие коллизий, противоречий и пробелов в правовом регулировании определенной сферы общественных отношений;

2) неинформированность субъектов в правоотношении относительно каких-либо юридически значимых обстоятельств;

3) недобросовестное поведение других участников оборота;

4) непостоянство существования правовых связей между участниками оборота;

5) неустойчивость существования юридических лиц в качестве субъектов права.

Данные обстоятельства выступают в качестве критериев исходной классификации нормативных установлений, обеспечивающих стабилизацию положения участников гражданского оборота.

Литература

1. Подробнее об этапах процесса правового регулирования см.: *Зинченко С.А.* Юридические факты в механизме правового регулирования. М., 2007.
2. *Рат И.* Соглашения о разделе продукции: анализ правового регулирования отношений в сфере реализации в Российской Федерации. М., 2008 // СПС Консультант плюс.
3. Федеральный закон от 30.12.1995 г. № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции» // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996 г. № 1. Ст. 18.
4. Федеральный закон от 09.07.1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 12.07.1999 г. № 28. Ст. 3493.
5. *Шарифуллина А.* Стабильность условий договора - основа стимулирования инвестиций в России // Законодательство и экономика. 2000. № 4. // СПС Консультант плюс.
6. Пп. 1.2-1.4, 2.1-2.5 разд. III проекта Концепции совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник ВАС РФ. 2009. № 4.
7. П. 3.4.5 разд. IV Концепции развития гражданского законодательства // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.
8. П. 7.1 разд. V Концепции развития гражданского законодательства // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.
9. П. 2.2 разд. VII Концепции развития гражданского законодательства // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.
10. П. 2.5 разд. VII Концепции развития гражданского законодательства // Вестник ВАС РФ, 2009. № 11.
11. Гражданское право: Учебник. В 2 т. Т. 1 / Под ред. *О.Н. Садикова*. М., 2006 // СПС Консультант плюс.
12. *Терещенко Т.А.* Исковая давность и иные гражданско-правовые и гражданско-процессуальные сроки // Юрист. 2005. № 12. С. 2; *Степанов Д.И.* Аннулирование реорганизации: повод задуматься над концептуальными подходами в области создания юридических лиц // Закон, 2007. № 3. С. 3 // СПС Консультант плюс.
13. Федеральный закон от 25.02.1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // Собрание законодательства РФ. 01.03.1999 г. № 9. Ст. 1096.
14. *Зинченко С.А., Ломидзе О.Г., Галов В.В.* Концессионное соглашение - правовая форма взаимодействия бизнеса и государства // Закон. 2007. № 2 // СПС Консультант плюс.
15. П. 2 разд. II экспертного заключения Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства по проектам Федеральных законов «О реорганизации

коммерческих организаций» и «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации и в Федеральные законы «Об акционерных обществах», «Об обществах с ограниченной ответственностью», «О производственных кооперативах» и «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» / Суханов Е.А. Из практики работы Сове-

та по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства при Президенте Российской Федерации // Вестник гражданского права. 2007. № 1 // СПС Консультант плюс.

16. Степанов Д.И. Устав как форма сделки // Вестник гражданского права. 2009. № 1 // СПС Консультант плюс.

УДК 351.712

Банников И.А.

Аспирант Северо-Кавказской академии государственной службы

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РАЗМЕЩЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКАЗОВ В РФ

Статья посвящена вопросам правового регулирования размещения заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд. Выделены проблемы и пробелы в действующем законодательстве РФ по тематике исследования. Отражены основные сложности позиции государственного и муниципального заказчика. Предложены варианты разрешения выявленных проблем в действующем законодательстве.

The article is devoted to the questions of the legal regulation of placing orders on the delivery of goods, doing jobs, providing services for state and municipal needs. The problems and gaps in the acting legislature of the RF on the theme of the research are pointed out. The main complexity of the position of state and municipal order-maker. Variants of the solution of the selected problems in the acting legislation are offered.

Ключевые слова: Государственные и муниципальные нужды, государственный и муниципальный заказ, размещение заказов, открытый аукцион, открытый конкурс, запрос котировок цен

Key words: state and municipal needs, state and municipal order, placing of orders, the open auction, the open tender, the inquiry of the prices quotation.

Реформа российского законодательства в сфере размещения государственного заказа начата давно и продолжается в настоящее время. В целях совершенствования правовых форм размещения заказов принят Федеральный закон от 21.07.2005 N 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» (далее - Закон N 94-ФЗ). Данный нормативно-правовой акт, несомненно, является важной вехой в становлении и развитии института государственного и муниципального заказа. Но он не совершенен. В ходе реализации его на практике возникает множество проблем, которые разрешались путем его неоднократных изменений (порядка 20 редакций за пять лет). Однако до сих пор остались нерешенные вопросы. Некоторые из них рассмотрены в настоящей статье.

ОТКРЫТЫЙ КОНКУРС

Проблемы с данной формой размещения государственного заказа начинаются уже с опубликования извещения. Согласно ч. 1 ст. 21 Закона 94-ФЗ «извещение о проведении открытого конкурса публикуется заказчиком, уполномоченным органом, специализированной организацией в официальном печатном издании и размещается на официальном сайте». То есть, по мысли законодателя, извещение сначала публикуется в печатном издании (для Ростовской области - это газета «Торги и конкурсы», официально выходящая дважды в неделю), а потом размещается на официальном сайте (torgi.donland.ru). В нашем регионе все наоборот – извещение размещается на сайте и позднее, с использованием автоматизированной системы, публикуется в печати. Складывается ситуация: если извещение размещено на сайте в понедельник во второй половине дня, то в печать оно попадет лишь в пятницу.

Четыре дня, которые оно будет находиться в открытом доступе на сайте, в тридцатидневный срок для подачи заявок, предусмотренный Законом, не входят. Хотя в некоторых случаях даже три дня могут иметь весьма важное значение.

Следующий «подводный камень» для государственного заказчика связан с указанной выше проблемой и кроется в ч. 2 ст. 23 Закона 94-ФЗ. Статья обязывает заказчика со дня опубликования в официальном печатном издании или размещения на официальном сайте извещения о проведении открытого конкурса предоставить конкурсную документацию потенциальному участнику размещения заказа (УРЗ) в течение двух рабочих дней со дня получения соответствующего заявления. Предположим, что извещение размещено на сайте в понедельник, и в этот же день УРЗ обратился с заявлением о предоставлении документации к заказчику. Два рабочих дня со дня обращения в таком случае – это вторник и среда. То есть в среду заказчик обязан предоставить документацию УРЗ. В то же время ч. 3 той же статьи содержит запрет на предоставление конкурсной документации до опубликования (публикация будет произведена только в пятницу) и размещения на официальном сайте извещения о проведении открытого конкурса.

И это при том, что ст. 7.30 КоАП РФ регламентирует ответственность за несоблюдение заказчиком порядка предоставления конкурсной документации. И, как бы ни поступил заказчик в сложившейся ситуации, – штрафа ему не избежать. Последний, к слову сказать, весьма значительный – 15 тысяч рублей для ответственного должностного лица и 50 тысяч – для юридического лица.

Выход из сложившейся ситуации видится лишь в одном – отсчет сроков подачи заявок на участие в конкурсе, сроков предоставления документации по заявлению УРЗ необходимо вести с момента опубликования извещения о проведении конкурса в официальном печатном издании.

Интересные положения содержатся и в ст. 25 Закона 94-ФЗ. В частности, Законом предусматривается, что «заявка на участие в конкурсе подается в запечатанном конверте», «заявка должна содержать» перечень необходимых документов. В то же время в ч. 3.3 указанной статьи появляется новое понятие – «том заявки». Однако не совсем понятно, что это такое. Часть 3 ст. 25 четко указывает все документы, которые должны входить в состав заявки (именно заявки, а не ее тома). Требовать от УРЗ иных документов Закон не позволяет. Поэтому во-

прос о том, из каких документов формируется тогда «том заявки», остается без ответа уже который год.

Сложно все и в процедуре оценки конкурсных заявок. Согласно ст. 12 Закона 94-ФЗ заказчик не вправе отклонить УРЗ на стадии рассмотрения заявок в случае непредоставления документов, подтверждающих его квалификацию, если заказчиком установлен критерий оценки «квалификация участника и (или) качество работ (услуг)». Практика подготовки конкурсной документации у большинства государственных заказчиков сложилась следующим образом: в качестве дополнения к заявке УРЗ предоставляет на отдельном бланке показатели для оценки конкурсной заявки по указанным в документации критериям. В подтверждение уровня квалификации участник прикладывает документы. Проблема возникает тогда, когда заявленный в показателях уровень не соответствует документально подтвержденному. Контролирующие органы предлагают в таких случаях выставлять УРЗ балльные оценки согласно вытекающему из представленных документов уровню.

В случаях проведения конкурсов на оказание услуг заказчик вправе установить лишь два критерия: цена и квалификация и (или) качество оказываемых услуг. Если участники не предоставили документы, подтверждающие квалификацию и (или) качество услуг, суть конкурса нивелируется, оценка производится лишь по критерию цены, заказчик, по сути, приходит к аукциону, не имея возможности оценить участников.

Нельзя также забывать, что установленный Правительством РФ порядок оценки заявок на участие в конкурсе, применительно к процедурам размещения заказов на оказание услуг, ограничивает количество применяемых критериев и устанавливает их значимость следующим образом: 80% - цена контракта, 20% - квалификация участника и (или) качество услуг. Существует вероятность следующего: УРЗ, не имеющий опыта работы, необходимой квалификации и численности кадров, материальной базы, снизив в конкурсной заявке начальную (максимальную) цену контракта более, чем на четверть, независимо от мнения комиссии по качеству предлагаемых им услуг и его квалификации, станет победителем.

Решением проблемы может стать указание в Законе случая непредоставления документов, подтверждающих квалификацию, в качестве основания для отклонения конкурсной заявки.

ОТКРЫТЫЙ АУКЦИОН

Для открытого аукциона характерны те же проблемы со сроками предоставления аукционной документации и пониманием термина «том заявки», что и в открытом конкурсе.

Имеют место затруднения и другого рода. Абсолютное большинство участников процедур размещения заказов по организационно-правовой форме составляют общества с ограниченной ответственностью. Статья 46 Федерального закона № 14-ФЗ от 8 февраля 1998 года «Об обществах с ограниченной ответственностью» регламентирует процедуру заключения крупных сделок и правовые последствия ее несоблюдения. Заключение контракта, как разновидность сделки, под действие указанного закона подпадает. Памятуя об этом, законодатель в 2009 году внес соответствующие изменения в Закон 94-ФЗ, обязав УРЗ предоставлять документы, подтверждающие одобрение крупных сделок, если таковыми являются заключенные контракты, внесение денежных средств в качестве обеспечения конкурсной (аукционной) заявки, обеспечения исполнения контракта. И вроде бы проблема была снята, но правотворцы, как нам представляется, оказались непоследовательными. Статья 25 Закона 94-ФЗ устанавливает, что вышеназванное решение об одобрении требуется независимо от того, что является предметом конкурса.

Для открытого аукциона ситуация иная. Одобрение требуется лишь в случаях, когда предмет аукциона является исключительно поставка товаров.

Заказчик, проводя открытый аукцион на выполнение работ, находится в подвешенном состоянии – велик риск того, что участник организации-победителя, не желая исполнять условия контракта, в судебном порядке признает сделку недействительной. Такое развитие событий возможно, если УРЗ, не рассчитав своих возможностей и прибылей, сделает ценовое предложение ниже пределов рентабельности.

Необходимость наличия одобрения сделки (контракта, обеспечения заявки, обеспечения исполнения контракта) в составе заявки, если такое одобрение требуется в соответствии с законодательством и учредительными документами УРЗ, независимо от предмета аукциона, кажется автору очевидной.

ЗАПРОС КОТИРОВОК

Запрос котировок – самая распространенная форма размещения государственного заказа. Такое

отношение к ней заказчиков вызвано, в первую очередь, быстротой подведения итогов и заключения контракта соответственно, а также отсутствием необходимости разрабатывать документацию. Но быстро – не значит просто. Именно в запросе котировок особенно остро отражается проблема, характерная и для иных форм размещения заказа.

Речь идет вот о чем. Согласно ст. 43 Закона № 94-ФЗ запрос котировок должен содержать наименование, характеристики и количество поставляемых товаров. В свою очередь, котировочная заявка должна содержать наименование и характеристики поставляемых товаров. Количество предлагаемых к поставке товаров заявка содержать не должна. С таким ходом мысли законодателя можно согласиться, ведь УРЗ соглашается с условиями запроса котировок, а в нем количество товара указано четко.

Проблема возникает в случае, если заказчиком не указывается торговое наименование товара, сопровождаемое словосочетанием «или эквивалент», а просто указываются характеристики желаемых к поставке товаров. В таких случаях обычно УРЗ также не указывает торгового наименования товаров, предлагаемых к поставке. К примеру, заказчиком А опубликовано извещение о проведении запроса котировок на приобретение строительного оборудования. В качестве характеристик заявлены: мощность аппаратов, рабочее напряжение, их масса. В заявке УРЗ указывает характеристики товара, соответствующие заявленным заказчиком, делает наименьшее ценовое предложение и побеждает в запросе котировок. Контракт заключается путем включения условий, предложенных УРЗ, в приложенный к запросу котировок проект контракта. К моменту поставки оказывается, что характеристикам, указанным в контракте, соответствуют несколько аппаратов, носящих разные торговые наименования, а в связи с этим имеющих особенности эксплуатации, обслуживания. Имея на складе несколько моделей подходящих по параметрам аппаратов, поставщик осуществляет их поставку заказчику. В соответствии с одним контрактом, с одним наименованием в товарной накладной на склад заказчика поступают аппараты с различными торговыми наименованиями, странами производства, эксплуатационными особенностями. В таких случаях заказчик до последнего момента не знает, что именно ему привезет поставщик. Думается, что в таких случаях говорить о четком определении предмета контракта нельзя. Фактически, предмет не определен до момента исполнения обязательств поставщика по контракту. Практика контролирующих органов в

Ростовской области сложилась таким образом, что действия заказчиков по отклонению заявок, не содержащих торговых наименований предлагаемых товаров, признаются незаконными. Заказчик вынужден оставаться в неведении.

Решение видится в одном – изложить п. 3 ст. 44 Закона 94-ФЗ следующим образом:

«Котировочная заявка должна содержать следующие сведения:

1) наименование, место нахождения (для юридического лица), фамилию, имя, отчество, место жительства (для физического лица), банковские реквизиты участника размещения заказа;

2) идентификационный номер налогоплательщика;

3) торговое наименование и характеристики поставляемых товаров в случае проведения запроса котировок цен товаров, на поставку которых размещается заказ» - далее по тексту Закона.

РАЗМЕЩЕНИЕ ЗАКАЗА У ЕДИНСТВЕННОГО ПОСТАВЩИКА, ИСПОЛНИТЕЛЯ, ПОДРЯДЧИКА

Указанная форма размещения заказа при своей кажущейся простоте является на самом деле довольно сложной. Не углубляясь в иные случаи, указанные в ст. 55 Закона 94-ФЗ, остановлюсь на одном, предусмотренном

п. 14 ч.2. указанной статьи. Пункт посвящен случаям размещения заказа, когда между заказчиком и единственным поставщиком, исполнителем, подрядчиком возникают обязательственные правоотношения, размер которых не превышает 100 тысяч рублей. В таких случаях заказчик вправе заключить контракт либо иной гражданско-правовой договор, предусмотренный Гражданским кодексом РФ. В таких случаях налицо двойственный характер правового регулирования. Проявляется он в следующем. Если заказчик заключаемый с исполнителем договор называет контрактом, к данным правоотношениям применяются положения ст.9 Закона 94-ФЗ. Это и ограничения возможности изменения суммы контракта, и установление неустойки для исполнителя не ниже минимального императивно установленного размера, ограничение возможности изменения условий приемки товара.

Если же договор контрактом не назван – все указанные ограничения на него не распространяются.

Непонятно одно – это недоработка законодателя или сознательно оставленная заказчику лазейка, аналогичная той, что предоставляет последнему возможностью указывать в извещении о проведении открытого аукциона в электронной форме (если аукцион проводится в соответствии со ст. 41 Закона 94-ФЗ), торговые наименования товаров без сопровождения словосочетанием «или эквивалент».

УДК 371.471

*Кляморова Ю. С.
Аспирант Южного
федерального университета*

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ И ПУБЛИЧНЫХ КОРПОРАЦИЙ

Статья посвящена сравнительному анализу деятельности государственных корпораций и публичных учреждений в сравнительном контексте их деятельности в РФ и за рубежом. Учреждения, схожие по наименованию с российскими государственными корпорациями, действуют и в зарубежных странах. В отечественной юридической литературе они называются децентрализованной администрацией или децентрализованными учреждениями. Зарубежный и отечественный анализ законодательства в области регулирования деятельности организаций дает основание выделить три основных признака корпорации:

- статус юридического лица;
- совместное участие группы лиц в ее деятельности, в принятии управленческих решений и их реализации, а также в собственности и доходах организации;
- профессиональная или отраслевая целевая направленность этой деятельности.

Clause is devoted to the comparative analysis of activity of the state corporations and public establishments in a comparative context of their activity in the Russian Federation and abroad. The establishments similar under the name with the Russian State corporations operate and in foreign countries. In the Russian scientific literature they refer to as the decentralized administration or the decentralized establishments. The analysis of the foreign and domestic legislation in the field of regulation of activity of the organization:

- *the status of organization persons*
- *Joint participation of group of persons in its activity in acceptance of decisions*
- *Professional or area direction of this activity.*

Ключевые слова: *Государство, корпорация, учреждение, закон, Управление регулирования железных дорог, публичная корпорация, иностранное правовое регулирование.*

Key words: *State, corporation, establishment, law, Office of Rail Regulation, public corporation, foreign legal regulation.*

В последнее время тема госкорпораций одна из самых обсуждаемых в прессе и в научных кругах. Совет при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства разработал Концепцию развития законодательства о юридических лицах» [1], которая была опубликована 16 марта 2009 г. В ней (3.3) обосновывалась целесообразность упразднения организационно-правовой формы госкорпорации и преобразования существующих госкорпораций в юридические лица тех форм, которыми они, по сути, и являются: в органы публичной власти (Росатом и Олимпстрой), фонд (Фонд содействия развитию жилищно-коммунального хозяйства), хозяйственные общества со 100%-ным государственным участием (Роснано, Ростехнологии, Олимпстрой, Внешэкономбанк и Агентство по страхованию вкладов) и предусматривали в качестве первого шага на этом пути (3.4) установление законодательного запрета на создание новых госкорпораций.

Следует также отметить, что в августе 2009 г. Президент РФ Д.А. Медведев поручил Генеральному прокурору и начальнику Контрольного управления Администрации Президента провести комплексную проверку госкорпораций и до 10.11.2009 г. представить предложения, в том числе и о целесообразности использования такой организационно-правовой формы, как госкорпорация. 10 ноября Ю.Чайка доложил о результатах проверки деятельности государственных корпораций, о предложениях по изменению организационно-правовой формы ряда госкорпораций, а также законодательства, регулирующего деятельность данного института.

Юрий Чайка отметил, что «деятельность корпораций в основном отвечает установленным законом целям. Вместе с тем проверкой установле-

ны факты невыполнения возложенных законом на государственные корпорации функций и задач, несоответствие деятельности корпораций целям, сформулированным в федеральных законах об их создании, нецелевого и неэффективного использования государственными корпорациями имущества и финансовых средств, переданных им государством. Выявлены нарушения законодательства при реализации государственными корпорациями функций, предусмотренных федеральными законами об их создании» [2]. Отметим, что, несмотря на столь бурную критику самого института государственных корпораций в России, он продолжает существовать и функционировать, а разнообразие мнений в научной литературе и законодательной инициативе по этому вопросу добавляет значимости рассматриваемой теме.

Исходя из актуальности проблем функционирования государственных корпораций в России и для наиболее полного рассмотрения такой формы юридического лица, как «госкорпорации» в РФ, представляется необходимым обратиться к зарубежному опыту, «поскольку учреждения, схожие по наименованию с российскими государственными корпорациями, действуют и в зарубежных странах. В российской научной литературе они называются децентрализованной администрацией или децентрализованными учреждениями» [3, с. 118-139].

Децентрализованные учреждения впервые были образованы на рубеже XIX - XX в. в странах прецедентного права. Их создание связывалось с малой эффективностью традиционных органов управления, низким качеством оказываемых ими услуг или завышенными ценами на них. Децентрализованные учреждения могут именоваться независимыми агентствами, публичными агентствами,

государственными корпорациями, публичными корпорациями, внеминистерскими учреждениями и т.д.

Децентрализованные учреждения получили широкие управленческие полномочия и стали субъектами публичного права. В силу этого они обязаны выражать не частные, а общественные интересы. Эти учреждения напрямую не включены в систему государственных органов, а, напротив, организационно обособлены от них. Такая обособленность выражается в административной автономии, т.е. самостоятельности в решении вопросов собственной компетенции, и финансовой автономии - наличии собственного имущества и бюджета.

Децентрализованные учреждения представляют собой автономные структуры публичной администрации и как публично-правовые образования выполняют только те функции, которые указаны в акте об их создании. При этом децентрализованные учреждения подотчетны одновременно органам законодательной власти и министерствам, а в некоторых случаях - и Главе государства.

Изначально децентрализованные учреждения были созданы для помощи министерствам. Они сочетают методы деятельности, характерные и для государственных органов и для хозяйствующих субъектов. В их задачи входит также коммерческая деятельность, поэтому они действуют и как субъекты частного права. Децентрализованные учреждения лучше приспособлены к работе в условиях рынка и весьма успешно оказывают гражданам и юридическим лицам публичные услуги. Общеизвестно, что эти учреждения наиболее эффективно функционируют в социальной и экономической сферах» [4].

До настоящего времени в отечественной научной литературе не сложилось единообразной трактовки термина «корпорация». Так, «по мнению П. Степанова, сам «термин «корпорация» происходит от латинского выражения «*corpus habere*», обозначающего права юридической личности». Такие права стали признаваться за частными союзами в Римской империи, начиная со 160-х годов н.э. На основе сказанного можно предположить, что термин «корпорация» изначально является синонимом термина «юридическое лицо» [5].

С. Чернышев отмечает существование нескольких подходов к определению термина корпорация. По его мнению, первое значение слова корпорация – конкретный тип юридического лица, переводимый калькой с английского «*corporation*» (сообщество). Второе значение слова корпорация – профес-

сиональное объединение. Такого рода объединения были широко распространены в средние века (корпорация кожевников, суконщиков, золотых дел мастеров и пр.). Третье значение слова «корпорация» – некое зеркальное отражение или возобновление, возрождение этого исторического феномена на новой основе. С. Чернышев считает, что современная корпорация – это определенная группа лиц, профессионально занимающихся выработкой и принятием управленческих решений, обладающая в этом качестве самосознанием и шаг за шагом употребляющая развитые современные технологии принятия решений».

Таким образом, экономическая история показывает, что термин «корпорация» прошел несколько этапов в своем развитии. Если раньше он рассматривался как аналог профессионального союза (объединения по профессиональному признаку), то к настоящему времени его содержание трансформировалось в характеристику типа хозяйствующего субъекта.

Зарубежный опыт таких стран, как США, Франция, Великобритания, и отечественный опыт, анализ законодательства в области регулирования организационно-правовых форм деятельности организаций в условиях рыночной экономики дают основание выделить три основных признака корпорации: во-первых, статус юридического лица, во-вторых, совместное участие группы лиц в ее деятельности, в принятии управленческих решений и их реализации, а также в собственности и доходах организации, в-третьих, определенная профессиональная или отраслевая целевая направленность этой деятельности. Чаще всего корпорации организуются в форме акционерного общества» [6].

На основе анализа критериев деления корпораций на публичные и частные, рассмотрим зарубежный опыт их функционирования на примере США, Франции, Великобритании.

«Американская доктрина различает теорию фирмы и теорию корпорации. Фирма - это не всегда юридическое лицо, ее создание обусловлено, в первую очередь, потребностью снижения трансакционных издержек при упорядочивании экономической деятельности. В рамках же корпорации решаются проблемы, связанные с созданием крупного капитала и ограничением личной ответственности учредителей (участников, акционеров) по долгам этой «юридической фикции». Бессрочность корпорации устраняет необходимость в специальном соглашении, ограничивающем возврат средств или ликвидацию. Ответственность акционера в ней

пропорциональна стоимости его акций, а заемные инвестиции имеют дополнительную защиту в виде 1) системы юридических прав в отношении менеджмента и любой контролирующей группы акционеров, 2) разделения капитала корпорации на доли сравнительно небольшой ценности, которые могут обладать полной или ограниченной оборотоспособностью. В США выделяют следующие виды корпораций: «де-юре» и «де-факто», публичные и частные, федеральные и штата, коммерческие и некоммерческие, а также закрытые корпорации, S-корпорации, профессиональные корпорации и пр.» [7, с. 525-526].

Публичные корпорации по американскому праву учреждаются в правительственных или общественно значимых целях (обычно для прямого управления, например, поселком, городом, округом) [8, с. 335].

Большинство корпораций подпадает под категорию частных, т.е. созданных для частных целей. Общественные коммунальные службы имеют черты корпораций обоих видов (так называемые квазипубличные корпорации - частнособственнический бизнес, созданный в публичных целях).

Термин «публичная корпорация (public corporation)» неоднозначен. Изначально он употреблялся для обозначения корпораций, предназначенных для решения общественных задач, создаваемых или поддерживаемых государством, правительствами штатов или муниципалитетами.

По мере развития акционерной собственности данный термин стал все чаще применяться по отношению к частным корпорациям, акции которых без ограничений обращаются на фондовых биржах (publicly traded corporations) [9, с. 64-65].

В доктринальных источниках термин «публичная корпорация» нередко используется как антоним понятию «закрытая корпорация». «В США корпорации могут быть частными или публичными. При этом входить в листинг на фондовой бирже могут только публичные корпорации. Различие между публичной и частной корпорацией не всегда может быть проведено по признаку объема предпринимательской деятельности» [10, с. 127].

Публичная компания может привлекать акционерное финансирование, используя следующие механизмы:

- частное размещение, когда выпущенные акции являются ограниченными в распространении на 2 года, т.е. не могут продаваться неквалифицированным (частным, средним и мелким) инвесторам в течение этого периода. Некоторые из ограничений

снимаются по истечении первого года. При этом каждый отдельный держатель соответствующих акций имеет право продавать до 1 % их общего объема в квартал.

Акции в данном случае оцениваются с 30-35% дисконтом по отношению к среднеквартальной цене, предшествующей привлечению финансирования;

- публичное размещение, когда компания выпускает акции, которые свободно торгуются на рынке ценных бумаг. Цена акций устанавливается с 7-10% дисконтом к среднеквартальной цене на дату финансирования. Чем лучше ликвидность и финансовые показатели компании, тем меньше дисконт по размещаемым акциям. Для повышения объема финансирования при минимальном размывании пакета акций изначальных владельцев необходимо увеличить котировки и ликвидность акций. Для этого на протяжении нескольких кварталов, предшествующих размещению, информация о компании распространяется среди максимального количества инвесторов, что стимулирует рыночный спрос и, соответственно, ликвидность и рост котировок на фондовом рынке.

Во Франции отсутствует специальное понятие публичной или открытой компании. Однако только акционерные общества определенного вида обладают возможностью осуществления публичного предложения. В этом случае к ним предъявляются повышенные законодательные требования.

Публичное предложение ценных бумаг во Франции сопровождается изданием проспекта, который рассматривается и утверждается регулятором (Autorite des marches financiers, AMF). При этом установлен ряд дополнительных правил, связанных с соблюдением нотификации, авторизации и публичности.

Рассматривать опыт Великобритании в использовании некоего аналога российских госкорпораций следует на примере Network Rail – квазигосударственной корпорации Великобритании.

Из числа разнообразных юридических лиц государственного сектора в развитых странах британская Network Rail квазигосударственная «бесприбыльная корпорация без акционеров» (a company limited by guarantee) – по своему формальному статусу, на первый взгляд, наиболее близка к российским государственным корпорациям. Однако более углубленный анализ показывает, что различия весьма существенны.

Network Rail появилась в начале текущего десятилетия в результате политического компромисса,

необходимость которого была вызвана неудачной попыткой приватизации железнодорожной инфраструктуры. Неудача объяснялась тем, что правительство консерваторов, предпринявшее в 1996 г. реформу, опиралась на теоретически несостоятельную и экономически деструктивную концепцию принудительного разделения «естественно-монопольных» и «потенциально конкурентных» видов деятельности. Государственная монополия British Rail была разделена, следующим образом: подвижной состав разделили между 130 компаниями-операторами, а все рельсовые пути общей длиной в 21 000 миль стали собственностью акционерной компании Railtrack. Однако последняя не получила полных прав собственника железнодорожной инфраструктуры. На компанию было наложено множество регулятивов и запретов, в частности: обязанность предоставлять «равный и недискриминационный доступ» ко всем участкам пути для всех компаний-операторов; «государственное вмешательство во всех случаях, когда со стороны компании будет проявляться стремление получить сверхприбыль от инвестиций или отказаться от проектов развития «без достаточно обоснованных причин»; монопольные права на услуги по предоставлению рельсов операторам-перевозчикам и т.п. Все это подкреплялось субсидиями, которые, снижая стоимость услуг Railtrack, уничтожали стимулы к строительству альтернативных частных линий, способных составить конкуренцию монополисту. Удешевление прав пользования рельсовыми путями способствовало чрезмерно интенсивному использованию дорог перевозчиками (в 1996-2000 годах объём перевозок вырос на 31%). Кроме того, Railtrack не имела права действовать на своих собственных дорогах в качестве оператора; компания принуждалась государством к осуществлению конкретных инвестиционных проектов, которые акционеры не находили привлекательными; ей, в частности, не позволили закрыть линию Лондон-Манчестер-Глазго на ремонт, когда руководители компании приняли такое решение. На Railtrack распространялась изощрённая система различных государственных премий и штрафов, призванных изменить её стимулы, направив усилия менеджмента не на максимизацию прибыли, а на соблюдение разных технических и статистических критериев.

В результате Railtrack быстро стала убыточной, хотя и субсидируется государством. Она не смогла найти достаточных средств для поддержки путевой сети и не могла выйти из этой ситуации путем сокращения части сети, например, закрыв

некоторые линии или продав их другой компании. В итоге после нескольких серьёзных катастроф (во всём обвинили приватизацию, и доказательств этого обвинения никто не спрашивал) Railtrack стала исключительно непопулярной и правительство прекратило ее субсидирование, сохранив, однако, все требования к сети. В конце концов, произошло неизбежное банкротство, однако активы Railtrack не достались кредиторам и не были проданы с аукциона, а были переданы National Rail (2002 г.).

Таким образом, в Великобритании форма, напоминающая российские государственные корпорации, фактически была использована как паллиативная мера, призванная смягчить последствия провальной концепции приватизации (аналогичной концепции реструктуризации российского железнодорожного транспорта, принятой ныне в России) без полного восстановления послевоенной системы государственной экономики. Здесь просматривается явное сходство с российской практикой: в нашем случае госкорпорации также представляют собой «приватизацию без приватизации» в условиях политической затрудненности настоящей приватизации.

Серьезные различия между российской и британской практикой относятся к формам и степени государственного и общественного контроля. Согласно уставу корпорация Network Rail в лице Совета директоров подотчетна собранию «членов» корпорации, каждый из которых занимает эту должность сроком на три года. Общее число членов корпорации – около 100. Члены представляют партнеров корпорации – компании, имеющие лицензии на осуществление железнодорожных перевозок – и различные категории лиц, так или иначе, заинтересованных в деятельности Network Rail (stakeholders), например, профсоюзы, бизнес-ассоциации, местные общины (муниципалитеты), экологические организации и др.

Государство осуществляет контроль через Управление регулирования железных дорог (Office of Rail Regulation) Министерства транспорта. К методам контроля относится бюджетирование, ориентированное на результат, являющееся основой бюджетной процедуры в Великобритании. Министерство транспорта устанавливает набор показателей и их значения, которые должны быть достигнуты за счет выделяемых бюджетных ассигнований. Кроме того, Управление железных дорог осуществляет мониторинг показателей деятельности Network Rail (в том числе объемных, финансовых показателей, а также показателей удовлетворенно-

сти потребителей и безопасности), используя в качестве основы для сравнения значения показателей, указанные в долгосрочном бизнес-плане корпорации и в регулятивных документах. Неудовлетворительные результаты по этим показателям влекут за собой публичную критику и санкции со стороны общего собрания членов корпорации, ее партнеров (через соответствующие статьи их контрактов) и административные санкции со стороны Управления железных дорог в соответствии с регулятивными нормативными актами.

Network Rail действует в условиях достаточно жестких требований в отношении информационной открытости. Она, в частности, обязана публиковать все отчеты, начиная с ежеквартальных [11].

Изучение вышеизложенного зарубежного опыта работы учреждений, схожих по наименованию с российскими государственными корпорациями, позволяет сделать следующие выводы:

Компаративный анализ трёх ведущих юрисдикции показал, что четкой унифицированной системы или даже одного общего критерия деления юридических лиц на публичные (открытые) и частные (закрытые) нет.

1. Во Франции отсутствует специальное понятие публичной или открытой компании. Однако только акционерные общества определенного (законодательно) вида обладают возможностью осуществления публичного предложения. При этом в отношении обществ, осуществляющих публичное предложение, установлены повышенные законодательные требования.

2. В США нет отдельного термина для обозначения открытых корпораций. Но в отношении компаний, осуществивших публичное предложение, в том числе допущенных к биржевым торгам, законодательно закреплены более строгие правила. Этот же режим распространяется на компании, количество акционеров и активы которых достигли установленных законом лимитов (500 акционеров и размер активов 10 млн. долларов США) [12].

3. Подвергая анализу российский опыт функционирования госкорпораций и аналогичный опыт Великобритании, можно сделать вывод, что британский аналог российских госкорпораций находится

под несравнимо более жестким контролем со стороны государства, партнеров и общественности. В то же время следует отметить, что с момента создания Network Rail прошло слишком мало времени, чтобы судить об успешности или неуспешности этой формы. Однако, исходя из того, что ее создание, по сути дела, не решило ни одной из экономических проблем, приведших к банкротству Railtrack, можно ожидать, что этот опыт не приведет к заметным положительным результатам.

Литература

1. «Концепция развития законодательства о юридических лицах». Проект рекомендован Советом к опубликованию в целях обсуждения (протокол № 68 от 16 марта 2009 г.).
2. Nano Week. 1016 ноября 2009 г. № 88.
3. Козырин А.Н., Глушко Е.К., Штатаина М.А. Публичная администрация и административные реформы в зарубежных странах: Учебное пособие. М., 2006.
4. Глушко Е.К. Административно-правовая природа государственных корпораций // Реформы и право. 2008. № 3.
5. Степанов П.В. Корпорации в российском гражданском праве // Законодательство. 1999. № 4.
6. Цит. по: Табачникас Б.И. Государственные корпорации - «за» и - «против» // Проблемы современной экономики. 2004. № 2.
7. Помер Р. Экономический анализ права / Под ред. Б.Л. Тамбоецева. СПб., 2004.
8. Emerson R.W. Business Law. Barron's 4th edition. 2004 г.
9. Кочетков Г. Б., Сутин В. Б. Корпорация. Американская модель СПб., 2005.
10. Гражданское и торговое право зарубежных стран / Под ред. В. В. Безбаха, В. К. Пучинского. М., 2004.
11. Доклад экспертного Совета при комитете Совета Федерации РФ по промышленной политике «Государственные корпорации в современной России», 2008 г. // Интернет ресурс www.yandex.ru
12. Макеева Е.В. Компания: с чего начинается и где заканчивается публичность? // Корпоративный юрист. 2006. № 5.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СЕМИНАР ЮЖНОГО ФИЛИАЛА ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВА И ПРАВА «ГОСУДАРСТВО И ПРАВО КАК ОБЪЕКТ ПОЗНАНИЯ»

УДК 340

Бойко А.И.

*Зав. кафедрой Северо-Кавказской академии
государственной службы, д.ю.н., профессор*

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ СВОБОДА И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ДИСЦИПЛИНА В ПРАВОВЕДЕНИИ

В эпоху реформ общество критически переосмысляет прошлый опыт, в том числе юридические технологии. Статья посвящена тому, как правоведы должны сохранять благоразумие в череде постоянных смен социально-экономического строя.

In the epoch of reforms the society is critically rethinking the past experience, the juristic technologies including. The article is devoted to how the lawyers should keep reasonable in the row of constant changes of socio-economic formations.

Ключевые слова: Мироззрение, методология, политика, идеология, юриспруденция, дихотомия, правопонимание.

Key words: world outlook, methodology. Politics, ideology, jurisprudence, dichotomy, legal understanding

1. Постоянные и современные причины постановки названной темы. Российская специфика государственного управления и национального менталитета (отечественная цивилизационная среда)

Автор посвящает свое выступление анализу способов обеспечения беспристрастности юридического анализа в обстановке очередного (вначале – оголтелого) обновления, что заведомо трудно. В неэволюционные эпохи голос разума подавляется общественной экзальтацией, политическим прожектерством, необузданными социальными фантазиями. Но есть еще несколько причин для обстоятельного разговора в этой плоскости:

1. Построение оптимальной социальной организации есть более сложная задача, чем приспособление к стационарной природе, которую человечество давно использует для повышения собственных удобств, именуемых стандартами жизни, и преуспело в этом настолько, что пришлось дать обратный ход этому движению (или видимость этого) под названием «экология».

2. Если точные науки монологичны (активный субъект обследует стационарный объект), то гуманитарные покоятся на диалогическом мышлении.

3. Россия давно доказала неистовую любовь к революционным качелям [1].

4. Наша страна отстает от европейского экспресса в среднем на 150 лет, однако использует этот временной лаг традиционно неумело – путем механического заимствования чужеземного опыта без учета национальных традиций [2].

5. Давно доказано, что любой относительно обособленный анклав знаний со временем коснеет в силу дисциплинарной замкнутости, экстенсивный сбор информации всегда превосходит по времени и объемам критический пересмотр накопленного знания или интенсификацию, теоретический багаж любой науки намного увесистее ее методологического фундамента, объект любого анализа всегда ограничен, опускается до уровня так называемого предмета.

2. Закономерности и опасности отхода от классических познавательных технологий в эпохи реформ. Политизация знания и методологический модерн

Любая революция сопровождается критическим пересмотром накопленных знаний, методов их получения и реализации на практике. Прежде всего

и наиболее безжалостно ревизуются социальные науки – понятно, почему. Рвущаяся к природным закромам и накопленной трудом нескольких предшествующих поколений т.н. «вторичной реальности» (имущественная масса, производственные мощности, драгоценности, интеллектуальные открытия) будущая элита нуждается в обругании прежних идеологических знамен и управленческих технологий. Это нужно и по той примитивной причине, чтобы скрыть истинную причину очередной социальной трансформации (передел собственности в свою пользу), замаскировав ее под какую-либо идеологическую химеру (хлеб и зрелища, коммунизм, права и свободы человека и гражданина, etc). Если же прогнанный режим еще и «подставился» бесчеловечной практикой управления (тоталитаризм и прочее), то инициаторы перемен запросто могут открыть шлюзы общественного негодования, представив тщательно и скрытно режиссируемое ими в собственных корыстных целях обновление как проявление естественного хода истории.

Революции – это время крайностей, неблагоприятия, экзальтации, фантазии, обмана масс [3, с. 52]. Причем наиболее азартные критики прошлого прежде были самыми верными его сторонниками. Как ярко пишет В.М. Сырых, «некогда благочестивые адепты марксистской теории права бросают в предмет своего многолетнего обожания не то что камни, а целые булыжники» [4, с. 17]. Для того, чтобы огоршить обывателя и заставить его поверить в благочестивость надвигающегося обновления, в обществе накануне приватизации распространялись совершенно противоестественные мысли о повальной деидеологизации, департизации и деполитизации государственного управления [5, с. 35]. Но этим умонастроениям активно и убедительно возражали и возражают А.А. Белкин, Г.М. Миньковский, А.В. Наумов, А.Ф. Черданцев [6]. И даже С.С. Алексеев, обласканный прежним режимом, а затем стремительно поменявший мировоззренческую ориентацию, все-таки признался, что «правоведение... оказалось одной из наиболее идеологизированных областей знания» [7, с. 402]. Но вспомним конец 90-х гг., когда «дело» или передел собственности в пользу 3% «избранного» населения уже состоялся и последовали откровенные высказывания Г.Х. Попова, Е.Т. Гайдара, А.Б. Чубайса об истинных (идеологических, партийных, политических) мотивах реформ [8]. На другом полюсе – откровения Н.Ф. Кузнецовой о баррикадных боях ограбленной бедноты с олигархией по поводу конфискации имущества и уголовной ответственности за критические

высказывания в адрес имущественного и социального неравенства, в результате чего победа в виде реванша за 1917 год пока осталась за последними [9, с. 43, 331].

Рынок – это прагматизм до кончиков ногтей, это почти намеренный и в то же время самоубийственный отказ от фундаментальных исследований. Буквально крик по поводу разрушения фундаментальных основ юриспруденции с заменой их сиюминутными прагматичными расчетами издал на страницах центрального журнала представитель общей теории государства и права с Алтая [10, с. 51-55]. Революционные периоды характерны также тем, что интеллигенцию тянут в разные стороны: политик А.А. Подберезкин сетует по поводу бесхребетности и «разрухи в головах» отечественных гуманитариев [11, с. 5-10], проф. А.Э. Жалинский призывает государственных юристов к «конституционной лояльности», к отказу от поиска политического содержания в принятых законах [12, с. 89], профессора А.Я. Сухарев и В.Д. Филимонов требуют освободить уголовно-правовую науку и криминологию от «некритических заимствований, очередного идеологического наваждения» пересмотра отраслевых постулатов под флагом очередных идеологических настроений [13].

Известно, что человечество давно использует две явно соперничающие, но в то же время дополняющие друг друга методики управления - право и политику. О преимуществах и недостатках обоих средств спор идет давно, и конца ему не видно. Юристам же полезно помнить, что у них два хозяина - дальний (народ или суверен) и ближний (правящая элита), что по Гегелю закон есть «царство спокойного», а политика, получается, - беспокоеное и нечистоплотное «начало». Не зря ведь древние римляне утверждали, что политика должна согласовываться с законом, а не закон с политикой (*politiae legibus, non leges politus adaptande*). А у нас ныне политика является безоговорочным распорядителем и диктатором юридических технологий, в результате чего законодательные решения по борьбе с преступностью все больше отрываются от тенденций и показателей той самой преступности [14].

Освобождение социальной науки от мировоззренческих сторожей и однопартийной цензуры - это, конечно, хорошо; но свободой нужно еще разумно распорядиться. Это для России сложно. Ну не любим мы «золотую середину» и все тут; если уж отказываться от чего-то, то до конца. Мы являемся свидетелями почти полной смены декораций: проклинаям догматику, достали из сундука

естественно-правовую доктрину, весьма произвольно занимаемся социологическими опытами, жадно поглощаем синергетику и герменевтику, но более всего приветствуем методическую для юриспруденции экзотику - эмпатию, правовую биоэтику, методы ролевых и имитационных игр, вероятностные приемы познания... Все это хорошо и полезно, только не переусердствовать бы. Не позабыть в этих азартных увлечениях новым о классике, в первую очередь о догматике, которая была и останется важнейшим приемом правопонимания.

Р. Паунд как-то назвал представителей догматической школы юридическими монахами [15, с. 173], что наверняка справедливо. Но еще вопрос в том, какие монахи худшие - юридические или политические? и в каких отраслях права (знания) предпочтительнее те или другие? Выскажем предположение, что догматическое направление должно побеждать другие методики преимущественно в «чернорабочих» отраслях юриспруденции, к каковым, бесспорно, относится уголовное право. А. Бебель утверждал, что «все юристы-реакционеры». Этой кличкой можно, пожалуй, и гордиться; ведь юрист обслуживает все сферы жизни, в силу чего вынужден божиться на среднестатистического обывателя и стационарный текст закона. В силу это догматика есть классика, которая не подведет как старый конь в борозде; нормативные тексты - самый надежный, так сказать, калиброванный инструмент проверки правовых представлений.

3. Проблема достоверности гуманитарной науки вообще

Все мои предшествующие рассуждения объединены одним генеральным настроением – как бы не натворить беды обществу с помощью ученой юриспруденции; как обустроить процесс познания государственно-правовых явлений так, чтобы он выглядел дорогой к любой, пусть самой неприглядной, истине, а не к результатам, заказанным политиками очередной волны. В связи с этим закономерна постановка вопроса о достоверности гуманитарного знания вообще. Ведь каждый из присутствующих, наверняка, слышал убийственные сентенции естествоиспытателей о том, что есть только одна наука – физика, а все остальное – собирание марок (Э. Резерфорд), что науки бывают естественные, неестественные и противоестественные (П. Ландау), что существует лишь то, что можно измерить (М. Планк).

Лично же на меня более всего действует привычка англосаксов почитать за «настоящую» науку лишь естествознание по тем причинам, что 1) гуманитарий (в том числе и юрист) включен в исследуемый объект, что 2) у общественных наук нет постоянно работающей экспериментальной базы (у криминалистов, правда, есть хотя бы статистика), что 3) правящий класс сильно давит на обществоведов в целях распространения веры в справедливость установившихся порядков. Как следствие, обществознание представляется на Западе ничемной игрой в слова и дефиниции, набором ценностных суждений, результатом классификаторских упражнений, заведомо продажным знанием [16, с. 529-534]. Отсюда: Если даже изначально праведные естествоиспытатели изобрели теорию относительности (А. Эйнштейн), то нам, гуманитариям, тем более нужно проповедовать релятивизм.

4. Мироззрение – идеология – политика – методология – методика

Поставленные в название доклада слова обязывают нас внести ясность в содержание и соотношение таких понятий, как «мироззрение», «идеология», «политика», «методология». Первое обычно трактуется как «совокупность принципов, взглядов и убеждений, определяющих направление деятельности и отношение к деятельности отдельного человека, социальной группы или об-ва в целом» [17, с. 247]. По большому счёту мироззрение базируется на философии, предполагает удовлетворительное решение её основных вопросов и опору на это решение при определении стратегий и границ познания. Сложнее обстоит дело с идеологией: «идеологические посылки не лежат на поверхности философской рефлексии. Связь между философией и идеологией или, если ставить вопрос шире, мироззрением и идеологией носит глубинный характер» [18, с. 83-84]. Идеология есть система взглядов по поводу стратегии общественного развития. В отличие от неё политика олицетворяет тактику управления социумом. Политика всегда находится в собственности правящей элиты, а вот идеология может принадлежать различным группам населения, собственно элите или всему обществу. Правящий слой обычно вызывает к общенациональной идеологии только в тех случаях, когда он завёл страну в эволюционный тупик и не знает, как оттуда выбраться, при неудаче реформ и прочих вариантах политического банкротства. Классический пример – последние годы ельцинского правления Россией.

Дополнительные пояснения можно позаимствовать в уже готовом виде у проф. Ю.В. Голика. «Понятия метода и методологии, – пишет он, – зачастую смешивают, употребляют как синонимы, что приводит к размыванию границ и того, и другого понятия. Метод – это способ получения результата, избранный исследователем путь познания, конкретные приёмы и операции действия и воздействия. Поэтому в уголовном праве целесообразно рассматривать вопрос о методе в двух аспектах: во-первых, метод познания, метод изучения уголовно-правовой материи и, во-вторых, метод правового регулирования общественных отношений. В первом случае можно говорить о методе науки уголовного права, а во втором – о методе уголовного права как отрасли права» [19, с. 11]. Уточнение бесспорно; но как быть с применимостью методологии к праву и науке? Прямого ответа на данный, просящийся в строку любого учебника, вопрос Ю.В. Голик не даёт, но одаривает читателя блестящим различением метода и методологии: а) методология – понятие интегральное, дополнительно включающее в себя помимо общенаучных и специальных приёмов познания также мировоззрение, фундаментальные теоретические концепции, диалектические категории и законы; б) «метод позволяет узнать одну из сторон изучаемого явления», а «методология позволяет познать сущность этого явления» [20]; в) «методология – это (целая – А.Б.) система координат, а метод – (всего лишь один. – А.Б.) вектор поиска и действия» [20, с. 11-12].

В другой работе [21, с. 348] тот же автор, отталкиваясь от работ представителей общей [22] и отраслевой [23] юриспруденции, утверждает, что метод – это способ получения результата, путь познания, а методология – «понятие интегральное, объединяющее в себе ряд компонентов: мировоззрение и фундаментальные теоретические концепции, диалектические категории и законы, обще- и частнонаучные методы» (с. 43). Из этой подборки весьма кратких, но чётких и выверенных суждений мы бы выделили те обстоятельства, что какой-либо подход к уголовному праву можно именовать методологическим направлением лишь в том случае, если он подкрепляется несколькими частными приёмами познания, если сугубо познавательные поиски усиливаются присоединением мировоззренческих основ и концепций.

5. Плоды уже состоявшегося идеологического рвення в общей и отраслевой юриспруденции

Корыстные мотивы правящей элиты, механическое применение заёмной идеологии к российским реалиям, господство политики в сфере управления уже привели к нескольким негативным результатам, которые предстоит медленно нейтрализовать: дисгармония прав и обязанностей; возвеличивание суда в государственном механизме и возложение на него внеюрисдикционных полномочий; утверждение очередной идеологемы «личность – общество – государство»; восхваление субъективного и проклятие объективного вменения; противопоставление права и закона [24].

Особо оговорим опасность политического идолопоклонства в уголовном праве – отрасли управления, где используется государственное насилие, пусть и процессуально (страховочно) обеспеченное. Здесь надо вести себя так, чтобы у населения даже шальная мысль не появилась, будто власти намеренно создают преференции тем или иным социальным группам населения либо намеренно прячут от граждан свои антикриминальные правила. Именно поэтому следует приветствовать и пропагандировать монополизм парламента на изготовление уголовных кодексов [25] и впервые появившуюся в самом УК оговорку, что «преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом» (ч. 1 ст. 3).

6. Что делать? (или пора собирать камни)

Критика легка – искусство мудрено. Пришло время отвечать на любимый риторический вопрос национального ума. Alias: можно ли противостоять (хотя бы временно и в ограниченных пределах) перманентной повальной идеологизации юридического мышления и как? поскольку любимой игрушкой и самую судьбою России стали революционные качели, есть ли шанс у правоведов условиться о благоразумии на будущее, о предохранительных прививках против ситуативного политического усердия в пользу спасительной «золотой середины»? В нашем понимании ответ должен быть положительным и сводится он к следующим мерам:

1. Юристы в основу своего промысла, обеспечения смычки права и жизни, политики и закона должны положить дихотомию, которая представляет собою частную отводку от общего диалектического ствола, испытанный прием страхования

от пристрастий, которая перекликается с вековыми представлениями о двуликом Янусе и созвучна наметившемуся в общенаучном познании переходу от быстро костенеющих парадигм к оперативно и успешно мимикрирующим синтагмам [26, с. 330]. Профессиональное сообщество юристов могло бы условиться, что упоминание и обсуждение строго полярных или крайних вариантов управленца либо взглядов будет обязательным для научных диспутов и трактатов, для парламентских чтений.

2. Противоядием против чрезмерной политизации юриспруденции, ошибок и нечистоплотности в анализе правовых явлений могло бы стать широкое и обязательное заимствование инструментальных приемов естественных наук, прежде всего математизация юридических знаний [27].

3. Давно назрел пересмотр, а точнее ужесточение (силами ВАК, ИГП РАН, УМО по правоведению, Минобразования РФ и пр.) социологических стандартов для юридических исследований. Сегодняшние ритуальные ссылки в авторефератах диссертаций на якобы изученную местную практику и результаты анкетирования магических ста (именно 100 и ни одним респондентом больше или меньше!) сотрудников правоохранительных органов уже не гипнотизируют просвещенный мир. С открытостью правовой информации в современной России это предложение вовсе не обременительно – бери и твори.

4. Гармония юриспруденции и политики может пойти и по линии расширения классической методологии правопонимания – в первую очередь в части более углубленной трактовки социальной детерминации и практического применения добытых данных о ней. Имеется в виду постепенный отход от ставки только на примитивную причинно-следственную связь, подкрепление старинной лапласовской или механической каузальности отношениями симметрии, пространственно-временными коррелянтами, функциональными и вероятностными зависимостями, достижениями науки о феномене и значении так называемой пушковой причинности [28, с. 92-102].

5. Сложные и полидетерминированные объекты исследования, а право безусловно к таковым относится, многоаспектны; данное свойство диктует необходимость в многочисленном и разнообразном теоретическом инструментарии, что справедливо признается свидетельством зрелости правоведения [29, с. 31]. В этом свете, на наш взгляд, полезно сопряжение частных методик в сложные познавательные узлы либо технологии (исторический

компаративизм, дополнение правовой аксиоматики презумптивным знанием, объединение теорий криминализации и эффективности в учение о мониторинге юридических средств, классификация и архивирование знаний) [30, с. 333-494].

7. Допустимые выводы

Наш разговор о сочетании методологии с идеологией и политикой позволяет сделать несколько обобщений:

1. Исторически доказано, что цунами идеологических увлечений накатывают на Россию исключительно с Атлантики, а глашатаями перемен выступают либо представители формирующейся элиты (будущие хозяева страны), либо нанятые ими пропагандисты (в том числе от юридической науки), именуемые их противниками «пятой колонной»; чаще всего первые и вторые действуют одновременно и совместно. При этом протрезвление от иноземного идеологического нектара всегда бывало тяжёлым.

2. Отсутствие (точнее декларация отсутствия) идеологии общественного развития в начале реформ – почти безальтернативное доказательство эгоистических мотивов узкой группы людей, осознавших «сказочную» реальность быстрого и беспоследственного присвоения ими природных ресурсов и созданного трудом прежних поколений общественного богатства, но при условии умолчания или искажения главного мотива своих призывов к реформам.

3. Идеология полезна и необходима для законодательства, юридической теории и практики, ценность же политики – проблематична, ибо власть пьянит [31], а неконтролируемая обществом власть ещё и вытравливает профессионализм в своей среде и не пускает в свои ряды знающих работу новичков [32].

4. Для уголовного права, резко выделяющегося среди других отраслей юриспруденции «гвардейской правоспособностью» или принуждением, политическое идолопоклонничество особенно нетерпимо [33]. Давно сказано, что «в науке нельзя петь с чужого голоса, и притом даже не стараясь дать себе отчёт, не фальшиво ли поёт первый голос» [34, с. 51], что «наука начинается там, где она может сказать законодателю: «Нет!»» (Шаргородский М.Д., 1963) [35, с. 251]. Но поют – и побеждают. Как точно подметил П. Фейерабенд, развитие гуманитарной науки иррационально: новые теории побеждают старые не обязательно потому, что они ближе

них к истине, точнее и глубже отражают объективную реальность, а вследствие того, что они наиболее интенсивно (мы бы сказали, агрессивно – А.Б.) пропагандируются их сторонниками [36, с. 203].

И последнее. Если кто-то поймёт настоящие мысли как банальный протест против экономического, социально-политического и юридического обновления страны, он ничего не понял. Бабелевский юрист-реакционер всегда отдаст предпочтение унылой умеренности перед сладким обольщением; будет хорошо помнить известные слова из профессиональной присяги, будто народу юристы служат исполнением законов, а не политических прихотей; при первой возможности и твердо реализует тысячелетнюю заповедь, что *in mediam viam tutissimus ibis* [37]; будет придерживаться той непреложной истины, что предназначение юриста – в поддержании гражданского мира на базе общих стандартов поведения, рассчитанных на типовую жизнь обывателей в течение нескольких десятилетий.

Конечно, «всё новое проявляет несправедливость к старому». А «реформация никогда не возникает в наилучшей юридической форме, но всегда проявляется лишь своеобразным, неожиданным, незаконным (курсив наш. – А.Б.) образом». Понятно также, что «каждый реформатор неизбежно является узурпатором, каждая реформация – духовное насилие» [38, с. 380]. Будем помнить эти справедливые слова, когда приходится читать или слушать истеричные обличения старых правовых несправедливостей, почему-то всегда сопряжённые с призывами к новым жертвам и реформациям. Если юристу на роду написано быть служкой политических хозяев общества, пусть он и ограничивается рутинным оформительством заказанных ему новых правил, но не превращается в азартного проповедника идеологических опытов; ведь политическое агитаторство всегда ведёт к разрушению чувства законности и правоприменительной культуры (дисциплины); ведь Бог юриста – сложившийся стереотип. В общем, *sapienti sat* [39].

Литература и комментарии

1. Один из Духовников русской нации с горечью, но справедливо написал: «одна черта, замеченная давно, действительно составляет несчастье русских: это во всем доходить до крайностей, до пределов возможного... Хорошо это или плохо? Не берусь судить. Но что Россия благодаря этой своей черте всегда находилась на грани чрезвычайной опасности, – это вне всякого сомнения, как и то, что в России (никогда поэтому – А.Б.) не было счастливого настоящего, а только заменяющая его мечта

о счастливом будущем» (*Лихачев Д.С. О национальном характере русских // Из истории русской гуманистической мысли. М., 1993. С. 279*).

2. Во время лекции в Международном университете 25.02. 1999 г. мэр столицы небезосновательно утверждал, что «неудачи реформ есть закономерный результат небрежного отношения к российским реалиям, что западная традиция управленческого фольклора по грустной ошибке родилась не у нас, что для России нужны законы, предусматривающие неполучение результата еще на стадии постановки задач, что мы живем по правилу рискованного оптимизма и принципу обязательной незавершенности, что наша отечественная цивилизационная среда любит небесную манну, крайности, вечный опыт разрушения, скорый энтузиазм, но никак не последовательную спокойную работу по должности, исполнение банальных операций. В общем мы живем по законам Паркинсона» (*Лужков Ю. Российские «Законы Паркинсона». М., 1999. С. 11, 17-18, 21, 43, 53, 59*).

3. Как мастерски писал *И.А. Бунин* в своих «Окаянных днях», в эпохи реформ создается бездна новых (никчемных) административных учреждений, образуется особый (хвастливый) язык, в человеке просыпается бешеная жажда игры, позы, лицедейства балагана) Цит. по: *Горбаневский М.В. В начале было слово... М., 1991*.

4. *Сырых В.М. Логические основания общей теории права: В 2 т. Т. I: Элементный состав. М., 2000*.

5. *Колдаева Н.П. К вопросу о роли идеологических факторов в правообразовании // Теория права: новые идеи. Вып. 4. М., 1995*.

6. *Белкин А.А. Комментарии к решениям Конституционного Суда Российской Федерации (1992-1993). СПб., 1994. С. 9; Миньковский Г.М. Правовая политика в сфере борьбы с преступностью и проблемы законодательного регулирования этой борьбы // Проблемы формирования уголовной политики Российской Федерации и ее реализация органами внутренних дел. М., 1995. С. 34; Наумов А.В. Обновление методологии науки уголовного права // Советское государство и право. 1991. № 12. С. 24; Черданцев А.Ф. Теория государства и права. М., 1999. С. 25*.

7. *Алексеев С.С. Право. Опыт комплексного исследования. М., 1999*.

8. *Чубайс А. Приватизация по-русски. М., 1999. С. 99; Гайдар Е. Государство и эволюция. М., 1995. С. 143*.

9. *Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Науч. ред. и предисл. академика В.Н. Кудрявцева. М., 2007*.

10. *Сорокин В.В. Демонтаж отечественной юриспруденции (О месте и роли теории права и государства в контексте современного юридического образования) // Российская юстиция. 2007. № 7*.

11. *Подберезкин А.А. Русский путь. 4-е изд., дополн. и перераб. М., 1999*.

12. *Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М., 2008*.

13. *Сухарев А.Я.* Преступность в России переходного периода: меры государственного реагирования // Преступность и законодательство. М., 1996. С. 18; *Филимонов В.Д.* Охранительная функция уголовного права. М., 2003. С. 21.
14. См. наши доказательства: *Бойко А.И.* Система и структура уголовного права. В 3 т. Том II: Системная среда уголовного права. Ростов н/Д, 2007. С. 10-14. О разрыве уголовной политики с реальной криминальной обстановкой, складывающейся в стране и регионах см. также *Номоконов В.А.* Современная российская уголовная политика: желаемое и действительное // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М., 2007. С. 22.
15. Цит. по: *Алексеев С.С.* Право на пороге нового тысячелетия: Некоторые тенденции мирового правового развития - надежда и драма современной эпохи. М., 2000.
16. *Бернал Дж.* Наука в истории общества. М., 1956.
17. *Философский словарь* / Под ред. *М.М. Розенталя*. 3-е изд. М., 1975.
18. *Плетников Ю.К.* Деятельность: теории, методология, проблемы. М., 1990.
19. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник / Под ред. *О.Н. Ведерниковой и С.И. Никулина*. СПб., 2005.
20. Точнее было бы говорить, что в рамках любого отдельного метода изучается «внешний» объект, а на уровне методологии центр тяжести перемещается от объекта к инструментарию исследования.
21. *Философия уголовного права* / Сост., ред. и вступ. статья докт. юрид. наук, проф. *Ю.В. Голика*. СПб., 2004.
22. *Байтин М.И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001; *Керимов Д.А.* Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2000; *Лейст О.Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002; *Лукич Р.* Методология права. М., 1981; *Мальцев Г.В.* Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999; *Матузов Н.И.* Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003; *Сырых В.М.* Метод правовой науки. М., 1980.
23. *Горбуза А.Д., Козаченко И.Я., Сухарев Е.А.* Понятие методологии уголовно-правовой науки // Уголовно-правовые меры борьбы с преступностью в условиях перестройки. Свердловск, 1990; *Наумов А.В.* Обновление методологии науки уголовного права // Советское государство и право. 1991. № 12.
24. См. подробнее наше: *Бойко А.И.* О естественности правовых обязанностей и некорректности возвеличивания субъективных прав // Правовая политика и правовая жизнь. 2004. № 1. С. 54-67; Реформы, идеология и мировоззренческая культура правоведа // Правовая политика и правовая жизнь. 2004. № 3. С. 6-20.
25. См. убедительные и красочные доводы на сей счет в работе: *Беляев В.Г.* Применение уголовного закона: Учебное пособие. 2-е изд. М., 2006. С. 92-125.
26. *Философия, основные идеи и принципы*. М., 1990.
27. См. предложения на сей счет: *Блувштейн Ю.Д.* Криминология и математика. М., 1974; *Гаврилов О.А.* Математические методы в социально-правовом исследовании. М., 1980; его же. Право и математика: взаимосвязь и взаимодействие // Журнал российского права. 1998. № 7; *Селезнев Л.И.* Математические методы в юриспруденции. М., 2001; он же. Математические методы в юриспруденции // Законность. 2002. № 4.
28. *Жданов Ю.А.* Пусковая причинность // Избранные. Т. 2. Ростов-на-Дону, 2001.
29. *Лукашева Е.А.* Общая теория права и многоаспектный анализ правовых явлений // Советское государство и право. 1975. № 4.
30. Развернутое обоснование см.: *Бойко А.И.* Система и структура уголовного права. В 3 т. Том III: Структура уголовного права и его идентификация в национальной юриспруденции. Ростов-на-Дону, 2008.
31. Великий Кони на процессе о самоуправстве земского начальника говорил: «Власть имеет сама в себе много привлекательного. Она даёт облеченному ею сознание своей силы, она выделяет его из среды безвластных людей, она создаёт ему положение, с которым надо считаться. Для самолюбия заманчива возможность приказывать, решать, приводить в исполнение свою волю и, хотя в узкой сфере, карать и миловать» (Цит. по: *Смолярчук В.И.* Гиганты и чародеи слов. М., 1984. С. 171).
32. Как заманчиво, но не реалистично звучит требование *И.В. Ильина*, чтобы только «духовно-зрячий» компетентный человек, профессионал, мог взять на себя властное руководство общественной жизнью (О сущности правосознания. М., 1993. С. 135).
33. «Судебный орган, – указывал *М.О. Хадсон*, – должен оставаться в рамках норм и порядка, которые не изменяются вместе с каждым перемещением политиков, резко отличаясь в этом отношении от политического органа, предназначенного для того, чтобы служить выразителем преобладающих направлений общественного мнения и применяться к ситуациям, создаваемым постоянными изменениями этих направлений» (Международные суды в прошлом и будущем. М., 1947. С. 310).
34. *Чубинский М.* Очерки уголовной политики. Харьков, 1905.
35. Данные приводятся по: *Кузнецова Н.Ф.* Наука российского уголовного права и законотворчество // История развития уголовного права и её значение для современности: Материалы V Международной научно-практической конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 26-27 мая 2005 г. М., 2006.
36. Цит. по: *Радугин А.А.* Философия: Курс лекций. М., 1998.
37. Посередине дороги ехать безопаснее – лат.
38. *Таранов П.* Интеллектуальные крылья. М., 2000.
39. Умный поймёт – лат. (Прим. редактора).

Овчинников А.И.
Профессор
Северо-Кавказской академии
государственной службы, д.ю.н.

ИНСТИТУТЫ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ В ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

В статье рассмотрены основные направления реформы российского законодательства в области семейного права, предполагающие либерализацию мер юридической ответственности несовершеннолетних и ужесточения ответственности родителей за воспитание и обеспечение благополучия детей. Выявлены и систематизированы угрозы и вызовы радикальной реформы в сфере ювенальной политики государства и отказа от нравственных и правовых традиций в данной сфере.

Ключевые слова: Правовая политик государства, ювенальная юстиция, правовое регулирование семейного воспитания, либерализация отечественного права.

В современных СМИ, публицистической литературе нет более актуального и популярного вопроса из правовой сферы общественной жизни, чем вопрос о ювенальной юстиции. Обсуждают его и политики, и юристы, и общественные деятели, но среди ученых наблюдается «минута молчания», затянувшаяся пауза. Между тем решение вопроса о введении или нет западной модели ювенальной юстиции в России «выходит» на решение крайне интересных с точки зрения юридической науки вопросов: Во-первых, может ли западная модель правового развития общества и государства быть перенесена на российскую почву? Во-вторых, является ли эта модель перспективной с точки зрения дальнейшего развития государства и права, т.е. не является ли она тупиковой (западная цивилизация переживает духовно-нравственный кризис, повлекший за собой и экономический, и экологический, и демографический, и культурный закат многих народов Европы, стремительно теряющих свое лицо, язык, культуру, этническую идентичность в ходе глобализации)? В-третьих, насколько общественные отношения, регулируемые сложным комплексом, симбиозом нравственно-правовых норм, понятий и традиций, поддаются абсолютной юридизации, полному переводу из морально-нравственной сферы в государственно-правовую?

Отвечая на первый вопрос, следует отметить: появляется все больше свидетельств, указывающих на то, что современная российская государственность продолжает претерпевать масштабную трансформацию своих традиционных институтов в рамках доктринерского неолиберализма, зачастую без учета самобытности Российского государства и специфики его современного состояния, что при-

водит к сбоям в функционировании многих институтов. Даже поверхностный взгляд обнаружит, что новые реалии правовой жизни России выглядят совсем не так, как это представляли реформаторы. Если в экономической области реформы породили спад производства и сырьевой тип экономики, в политической - привели к элитизации власти, а в культурной - к нравственному релятивизму, то в области правовой жизни можно наблюдать «кризис современного правосознания», рост преступности, коррупции, «теневого права», пренебрежения российскими законами и иными нормативными актами. Важнейшим фактором, спровоцировавшим все эти процессы, являются не только и не столько экономические проблемы, сколько «слом» прежней системы ценностей, социальных приоритетов общественного развития, в том числе и приоритетов правовой политики.

Для представителей юридической науки очевидно, что правовая политика должна соответствовать внутренним и внешним угрозам национальной безопасности государства. Относительно вызовов национальной безопасности Российского государства следует выделить, в первую очередь, демографический спад, спровоцированный, на мой взгляд, не столько экономическими причинами, сколько духовно-нравственными – распространением идеологии общества потребления, разрушением традиционных семейных ценностей, индивидуализацией и эгоизацией социума. Поэтому любые новеллы в семейном праве, в сфере семьи, материнства и детства должны проходить тщательную антропологическую, этнокультурную, социологическую экспертизу, должны сопровождаться изучением общественного мнения и научным прогнозированием.

Поэтому вопросы ювенальной юстиции требуют крайне внимательного и осторожного отношения.

Ювенальная юстиция, понимаемая широко, не только как система судопроизводства в отношении несовершеннолетних, а скорее, как вектор государственной политики в отношении семьи, детства, материнства, представляет собой систему мероприятий, направленных на создание специальных институтов, позволяющих государству активно влиять на процесс воспитания, обучения, бытовой жизни несовершеннолетних. В Советском Союзе такие институты были введены в систему государственного управления намного раньше, чем в странах Европы, так как советская власть уделяла особое внимание социальным вопросам, в том числе вопросам детства и материнства. Эти институты существуют и сегодня (инспекции по делам несовершеннолетних, органы опеки и попечительства и др.), однако они не вызвали болезненной реакции общества, которая наблюдается сегодня. Причин этому несколько.

Ювенальная юстиция в странах Евросоюза, США, являясь результатом нелиберальной правовой доктрины, предусматривает создание системы институтов, направленных на обеспечение прав и свобод детей, их автономизацию, индивидуализацию и обособление от семьи, на принудительную либерализацию семейного воспитания, семейных отношений. Именно в таком понимании коренится суть общественных опасений в России, где нет предпосылок для нелиберальной системы ценностей.

Опасения не беспочвенны, так как система ювенальной юстиции, предусмотренная пакетом законопроектов, внесенных в разные годы последнего десятилетия в Государственную Думу ФС РФ (Проект ФЗ «Об основах системы ювенальной юстиции», «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации» и ряд других, вносящих изменения в действующие законы, в том числе в ФЗ «О судебной системе в Российской Федерации») предполагает введение целого комплекса институтов и технологий, позволяющих принципиально изменить облик семьи и образования в современном обществе, среди которых различные формы, структуры и элементы механизма ювенальной юстиции: организация сбора жалоб, информационных сообщений и доносов, создание разветвленной сети центров по защите прав ребенка, школьных омбудсменов, уполномоченных по правам ребенка и т.п.; государственные и негосударственные структуры – дома ребенка, детские дома,

интернаты, фирмы, обслуживающие иностранных и отечественных усыновителей; суды и структуры судебной власти, и проч.

Многие из названных законопроектов не прошли серьезной научной экспертизы. Даже поверхностный взгляд обнаружит в них множество нарушений действующего законодательства, не говоря уже о традициях семейного воспитания, приоритетах и ценностях современного семейного права, национальных интересах России.

Например, одним из законопроектов в текст Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон) вводится понятие воспитания, а также понятие надлежащего воспитания. В пояснительной записке к законопроекту говорится, что «введение указанных понятий позволяет сформулировать требования к процессам воспитания детей в образовательных учреждениях и иных социальных учреждениях для детей, к информационной безопасности детей, задействовать существующий механизм уголовно-правовой защиты детей от тех недобросовестных родителей, иных законных представителей, которые не обеспечивают надлежащее воспитание, что до сих пор было затруднено из-за неопределенности понятия «надлежащее воспитание». Между тем воспитание определяется в данном законе как «целенаправленный и непрерывный процесс воздействия на физическое, психическое и духовно-нравственное развитие ребенка, направленный на подготовку его к самостоятельной жизни и заключающийся в формировании у ребенка навыков поведения, соответствующего духовно-нравственным ценностям и интересам российского общества». Каковы ценности и интересы российского общества закон сказать не может, так как Конституция РФ гарантирует идеологическое многообразие, а значит, и многообразие духовно-нравственных ценностей. Поэтому данное оценочное понятие оставляет широкий простор для усмотрения правоприменителя, что может служить основой для многочисленных злоупотреблений со стороны чиновников.

Другой Проект Федерального закона «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации», предусматривает возможность ускоренного порядка рассмотрения судами дел о лишении родительских прав (до истечения месяца со дня поступления заявления). Вместо того, чтобы помогать, вводить испытательные сроки, искать причины сбоев в семейной жизни, судья призван будет разделять семью, лишая родителей «права на ошибки». При

этом ювенальные суды будут вынуждены нарушать принцип состязательности, так как первоочередной задачей судьи становится теперь обеспечение «приоритета прав, свобод и законных интересов ребенка». Кроме того, ювенальный суд принимает на себя досудебную подготовку уголовных дел, что приведет к следующему: судебная власть получит функции контролирующих и правоохранительных органов, чем будет нарушен принцип разделения властей.

К новеллам ЮЮ можно отнести и уголовную ответственность родителей за физическое или психическое насилие над детьми (при этом окрик или шлепок также подпадают под эти оценочные понятия), либерализацию наказания, повышение возрастного уровня уголовной ответственности несовершеннолетних, минимизацию применения мер наказания, связанных с лишением свободы и прекращение уголовных дел в рамках досудебной подготовки в связи с примирением подсудимого и потерпевшего и т.д.

Между тем зарубежный опыт демонстрирует весьма печальные итоги развития ювенальной юстиции. Главный лозунг ювенальной юстиции на Западе: «Дети не принадлежат своим родителям». Именно этот лейтмотив породил принцип приоритетности прав ребенка, в результате которого права детей ставятся над правами взрослых. На практике это означает, что дети имеют право подавать на родителей и вообще на взрослых в суд и другие инстанции. А суд, руководствуясь принципом презумпции виновности родителей, а также приоритетности прав ребенка, становится на его защиту, разбирая конфликтные ситуации, и верит прежде всего ребенку и пытается его всячески оградить от родителей – «правонарушителей». Об этом свидетельствует западная пресса, многочисленные книги и публикации. Например, совсем недавно на русском языке вышла книга «Пастернак против Нидерландов». Написал ее эмигрант Григорий Пастернак, бывший советский гражданин, ныне живущий в Нидерландах, который потерял ребенка в результате «эффективных действий» ювенальных служб.

По официальным данным, за прошлый год в Германии сотрудники службы по делам защиты детей отобрали у родителей 28,2 тыс. детей и подростков - на 8,4% больше, чем годом раньше. Правозащитник из Вупперталя Пауль Блудай - один из лидеров местной общественной организации, объединяющей родителей, пострадавших от действий службы по защите детей. «Последние изменения в законодательстве привели к тому, что только в зем-

ле Северный Рейн-Вестфалия число изъятий детей из семей выросло на 60 процентов. Чиновники из службы по делам защиты детей приходят в семью и просто забирают ребенка. Они делают это без решения суда. По закону чиновники могут обойтись без судебного ордера, они обязаны лишь сразу же проинформировать суд. На практике это означает, что они проинформируют суд в течение недели. Служба по делам защиты детей не подчиняется никому. Никто не контролирует ее решения [1, с. 12]. По новым данным, количество изъятых из семьи детей за 2009 год выросло на 60%. 28,2 тыс. детей и подростков уже вывезены из семей, еще 125-250 тыс. являются кандидатами на перемещение [2]. Такие же катастрофические процессы происходят в других странах.

Если говорить о причинах изъятия ювенальными службами детей из семей, то вот примерный перечень причин (от уже пострадавших семей), по которым отбирают детей у родителей: непосещение детской молочной кухни; ребенку не были своевременно сделаны прививки; жилье в аварийном состоянии; квартира требует ремонта; квартира ремонтируется; наличие в доме домашних животных; аморальное поведение родителей; несвоевременное прохождение врачей в детской поликлинике; на полу разбросаны игрушки и мусор; отсутствие детских игрушек в достаточном количестве; ребенок играет с посторонними предметами вместо игрушек;

ребенок выполняет домашнюю работу - моет посуду, подметает и моет полы, стирает и т.д.; ребенок находится на кухне вместе с матерью в процессе приготовления пищи; ребенок часто и громко кричит и плачет; в холодильнике присутствует не весь ассортимент необходимых ребенку продуктов или продукты просрочены; жалобы соседей (или домочадцев) на жестокое обращение с ребенком, в том числе анонимные.

Говоря о гуманизации правосудия в отношении несовершеннолетних, следует отметить, что дважды за последние годы в Париже разражались многодневные подростковые бунты. С 2002 г. женская подростковая преступность выросла во Франции на 140%. Аналогично складывается ситуация и в Англии, и в Бельгии, и в Нидерландах, где уже создаются правозащитные организации родителей и учителей, пострадавших от криминализации и безнаказанности собственных детей.

Таковы результаты внедрения ювенальной юстиции в западных странах. Как не согласиться со следующим суждением: «Детей отравляют, за-

ражают различными теориями, расшатывают их веру. Им препятствуют в добром, чтобы сделать их не годными ни на что. Их разрушают с малых лет. И естественно, что из ягнят дети превращаются в юных козлищ. Потом они начинают ужасать своими выходками родителей, учителей и тех, по чьей указке они так себя ведут. Дети переворачивают все вверх дном - митингуют, захватывают школы, отказываются посещать занятия. Но, в конце концов, придут в разум и те, кто подталкивает детей ко злу, - когда развращенные ими дети начнут вспарывать своим злым учителям животы» [3, с. 194].

Если посмотреть на семейное право с точки зрения регулятивной динамики, то мы увидим процесс постепенного освобождения семейных отношений от религиозно-нравственных ценностей и переход этих отношений к юридическим формам регулирования. Иными словами, постепенно происходит юридикация семейных отношений. Государство все сильнее и активнее вмешивается в процесс воспитания детей, в отношения между родителями и детьми, родственниками. Еще двести или триста лет назад и представить себе не могли, чтобы отношения между мужем и женой разбирались публично, регулировались принудительной силой государства, оформлялись брачными контрактами. Только церковь могла вмешиваться в таинство брачных отношений по просьбе одной из сторон, и отношения в семье регулировались большей частью церковным правом, а не гражданским правом. Церковное ведомство совершало браки, удостоверяло их и признавало законными и незаконными, а также расторгло брачные союзы. Государство жестоко наказывало сыновей и дочерей, которые за убийство отца и матери получали смерть без всякой пощады.

В Соборном уложении 1649 года ст. 4 Главы XXII, которая называется «Указ за какие вины кому чинити смертная казнь, и за какие вины смертию не казнити, а чинити наказание», гласит: «А будет кто сын или дочь, не помня закона христианского, учнет отцу или матери грубые речи говорить, или отца и мать в дерзости рукою зашибет, и в том на них отец или мати учнут бити челом, и таких забывателей закона христианского за отца и мать бити кнутом». И статья, карающая за донос на родителей - статья 6, в которой указано: «А будет которой сын или дочь учнут бити челом о суде на отца или на мать и им на отца и на мать ни в чем суда не давати, да их же за такое челобитье бити кнутом и отдать их отцу и матери».

Современное прогрессивное общество, особенно либерально настроенные модернизаторы семей-

ных отношений, вряд ли согласятся с заповедью Библии, которая гласит: «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы тебе было хорошо и чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе». Именно нарушение данной заповеди (5-я из 10, данных Богом древним евреям) вызывает опасение у противников ювенальной юстиции, среди которых и православные, и мусульмане, и иудеи, и католики, т.е. представители всех авраамических конфессий, признающих заповеди Ветхого Завета, данные Моисею на горе Синай.

О том, что ювенальная юстиция является не столько системой институтов и мероприятий, сколько вектором государственной политики в отношении семьи, детства и материнства, свидетельствуют парламентские слушания по ювенальной юстиции, прошедшие 12 ноября 2009 г. в Государственной Думе ФС РФ. На них Уполномоченный по правам ребенка при Президенте РФ А.И.Головань заявил: «В последние годы у нас, несмотря на то, что у нас снижается численность детского населения, у нас увеличивается количество дел, связанных с лишением родительских прав. Это делают наши суды общей юрисдикции» [4]. Иными словами, никаких новых институтов ювенальной юстиции можно не вводить, достаточно существующих – все зависит от судебной политики и государственного невмешательства.

Возникает вопрос, если общество так негативно оценивает ювенальную юстицию, почему лоббируется ее введение и кто лоббирует? Думается причины лоббизма различные.

Для судебной системы введение институтов ювенальной юстиции долгие годы было вопросом дополнительного материального обогащения и карьерного роста, для которого традиционно в России надо быть новатором, модернизатором, передовиком - вестернизатором. Кроме того, судебная власть была заинтересована в ювенальной юстиции по причине обильного финансирования из-за рубежа.

В принятии Россией ЮЮ чрезвычайно заинтересованы иностранные и международные организации, такие, как ЮНИСЕФ, ЮНЕСКО, Департамент международного развития Великобритании (DFID), Human Right Watch, американские, канадские, французские и проч. правозащитники. Они не скупятся на выделение средств и оказывают политическое давление на российскую власть, требуя соблюдения Конвенции о правах ребенка и укрепления демократии. Однако их интерес является на самом деле интересом транснациональных корпораций и мирового правительства, которым необходимо упразднить

национальные государства с их традиционной политической, правовой и экономической культурой, суверенитетом и культурной идентичностью для свободного и безопасного движения транснационального капитала.

Большую выгоду от введения ювенальной юстиции и либерализации семейного законодательства получают представители коммерческих фирм, обеспечивающих интересы усыновителей. Интерес в ювенальной юстиции существует и среди чиновников органов опеки, инспекций по делам несовершеннолетних, так как существенно вырастет их социальный статус, влияние на общественные процессы.

Думается, ювенальная юстиция является одним из глобалистских проектов (наряду с проектами глобального правосудия, гуманитарных интервенций, транснационального правопорядка и т.п.) неолиберальной правовой политики в отношении семьи, материнства, отцовства и детства, основанной на европейских общественно-политических стандартах и идеалах. Это результат процесса вестернизации и модернизации отечественной правовой системы постсоветского периода. Это один из столпов нового мирового порядка, основанного на неолиберальном идеале «общества потребления», члены которого воспитаны в соответствии с материализмом и светским гуманизмом постхристианского Запада («одномерный человек»), вполне лояльного к эвтаназии, гомосексуализму, педофилии, оккультизму и магии.

Предполагаю, что ювенальная юстиция является, скорее, не панацеей от семейных конфликтов, что декларируется ее сторонниками, а эффективным «демографическим оружием», разрушающим традиционные семейные устои, нравственные ценности всех народов России, а также народов других стран, сохраняющих традиционные ценности и идеалы семейной жизни, общественного и политического уклада. Любые молодые супруги оказываются в зоне риска: в силу материального неблагополучия они могут лишиться детей. Поэтому введение ювенальной юстиции серьезно ударит по рождаемости, которая и так крайне низка на фоне смертности российского населения.

Через сеть институтов ювенальной юстиции, к которым, в первую очередь, можно отнести неправительственные общественные организации правозащитного толка, можно осуществлять любую информационно-сетевую атаку на социальные традиции общества. Ведь воспитание детей, точнее система ценностей, в соответствии с которой дети

должны воспитываться, будет отдано на откуп доктринам из ювенальной системы.

Не вызывает сомнения, что в современных условиях органы опеки, инспекции по делам несовершеннолетних не всегда эффективно справляются со своей функцией. Но это не повод для того, чтобы им давать новые полномочия, расширять действующие или вводить упрощенные ускоренные процедуры лишения родителей их прав на детей. Ювенальная юстиция является избыточной системой мер, так как органы опеки, судебной системы и другие структуры, давно и успешно действующие на территории России со времен СССР, вполне эффективны для разрешения конфликтов с участием несовершеннолетних и без системы ювенальной юстиции. Следует их финансировать и проверять чаще, так как бизнес на продаже усыновителям из-за границы российских детей по-прежнему является одним из самых прибыльных.

Делая вывод, отметим угрозы ювенальной юстиции, среди которых:

- нивелируется значение и роль семьи, семейного воспитания, прав родителей самостоятельно решать вопросы семейной жизни, в том числе ограничивать детей, не позволяя смотреть определенно-го рода телепередачи, препятствовать изучению в школах «безопасного секса», вести себя по-хамски и т.п.;

- введение ювенальной юстиции приводит к появлению риска лишения родительских прав и потери ребенка, что станет еще одним ударом по рождаемости и демографической безопасности;

- лишение родительских прав и потеря детей приведет также к росту суицидов, алкоголизму, наркомании среди родителей;

- с введением ювенальной юстиции в школах и появлением омбудсменов школьное воспитание будет исключено, стимулироваться будут доносы на учителей и родителей, а также сверстников, что окончательно разрушит традиционные взгляды на нравственность, среди которых донос пока еще считается предательством;

- существует угроза окончательной утраты учебной дисциплины и уважения учениками школьных учителей;

- ювенальная юстиция может стать юридически законной «крышей» вымогательства у родителей денег за бездействие в отношении них, ювенальные технологии приведут к росту коррупции в системе образования, органов опеки и других причастных к ней структур;

- с помощью технологий ювенальной юстиции дети, изъятые у нормальных родителей, попадают в приемные семьи, в которых содержание детей является лишь способом получения денег у государства;

- ювенальная юстиция не делает различия между родными родителями и приемными, называя первых «биологическая мать» и «биологический отец», что даже при информировании детей в ходе разъяснения им их прав и свобод не может не привести к серьезным психологическим изменениям, к утрате авторитета родителей;

- ювенальная юстиция основана на презумпции виновности родителей и на ограниченной вменяемости несовершеннолетних преступников, либерализация уголовных мер воздействия на которых приведет к росту подростковой преступности;

- невозможность отказаться от оценочных понятий в системе воспитания детей приведет к большой доле усмотрения в деятельности ювенальных судей, сотрудников органов опеки, правозащитников.

Отсутствие национальной системы ценностей (наличие либеральной системы ценностей в Конституции РФ 1993 года не является традиционной для государственности России и потому не может рассматриваться в качестве интегративной для общества национальной идеей) приведет к свободной трактовке и интерпретации ювенальных законов, с помощью которых можно навязать любой общественный идеал, несоответствие которому в родительском воспитании становится причиной для разрушения семей и передачи детей в те семьи, в которых воспитание осуществляется в соответствии

с ценностями, разделяемыми властной элитой. Иными словами, ювенальные технологии – технологии манипулирования обществом, в том числе и технологии, с помощью которых можно добиваться смены политического режима, переворотов и иных проектов социальной инженерии, в изучении которой преуспевают американские политтехнологи.

Рискуют лишиться детей социально не обеспеченные слои населения, а их в России больше половины среди молодых супругов. Недовольство населения, готового «взяться за топоры», в случае реализации замысла сторонников ювенальной юстиции, может быть использовано для смены существующего политического режима оппонентами нынешней власти, поддерживаемыми из-за рубежа.

Литература

1. *Сумленный С.* У них есть формуляры // Эксперт. 2008. 22 декабря. С. 12.
2. *Рыбаков С.* Ювенальная система по своей сути есть система геноцида // http://ruskline.ru/news_rl/2010/03/19/protoierej_sergij_rybakov_yuvenalnaya_sistema_po_svoej_suti_est_sistema_genocida/
3. Цит. по: Как воспитать ребенка православным. М., 2005.
4. Стенограмма парламентских слушаний на тему: «Законодательное обеспечение практики внедрения ювенальных технологий в деятельность судов общей юрисдикции и комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав» // <http://juvenaljustice.ru/index.php/documenty/41-proekty/118-slushanya-parlament-yuvenalnaya-yusticiya>

ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО И УГОЛОВНОГО ПРАВА

УДК 342.9

Тимошенко И.В.
Профессор Северо-Кавказской академии
государственной службы, д.ю.н., доцент,
Вова К.П.,
Аспирант Ростовского юридического
института МВД России

ФАКТИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Статья представляет собой обзор научных взглядов на содержание понятия оснований административной ответственности, анализ содержания фактического основания административной ответственности применительно к области дорожного движения и авторское видение теоретических и практических проблем, обусловленных обозначенной ими тематикой.

The article is a survey of scientific achievements to the contents of the term «basis of an administrative responsibility» and contains the analysis of the structure of the real base of an administrative responsibility in the roadway traffic field in connection of the authors opinion to the theoretical and practical problems of this subject.

Ключевые слова: *Административная ответственность, административное правонарушение, дорожное движение, основания административной ответственности, правила дорожного движения, состав административного правонарушения*

Key words: *Administrative responsibility, an administrative offence, roadway traffic, traffic regulations, the structure of an administrative offence*

Содержание понятия «основания административной ответственности» неоднозначно трактуется в научной литературе.

В советское время в течение многих лет под основанием юридической ответственности понимали правонарушение – уголовное, дисциплинарное, административное и пр. Однако постепенно «в качестве основания привлечения к ответственности было выдвинуто два элемента – закон и правонарушение. Первое основание следует называть юридическим, второе – фактическим, хотя оно также имеет юридическое значение как юридический факт» [1, с. 28-29].

Но существовал и другой подход к определению двухзвенного состава оснований наступления ответственности, в частности, ответственности административной: основания фактические и юридические. Под фактическим основанием административной ответственности понимался акт человеческого поведения, противоречащий нормам,

а под юридическим основанием – состав административного проступка [2, с. 149].

По мере же становления и развития административного процесса как самостоятельного вида юридической процессуальной деятельности взгляды отечественных ученых на категорию оснований административной ответственности стали еще более широкими и, например, Д.Н. Бахрах в своих работах выделяет уже три таких основания:

1) нормативное основание как систему норм, регламентирующих административную ответственность;

2) фактическое основание, выделяя в качестве такового противоправное деяние конкретного субъекта, нарушающее правовые предписания, охраняемые административными санкциями (административное нарушение);

3) процессуальное основание, каковым является акт компетентного субъекта о наложении конкретного взыскания (наказания) за конкретное административное нарушение [3, с. 25-26; 4, с. 478].

Представляется, что позиция Д.Н. Бахраха дает возможность более полно рассмотреть основания административной ответственности, тем более, что такую позицию относительно структуры оснований административной ответственности разделяет большинство современных исследователей, в том числе и один из авторов настоящей публикации [5, с. 17-18; 6, с. 10-11].

Фактическим основанием для наступления административной ответственности является, как уже отмечено, нарушение правовых норм, охраняемых административными санкциями, - административное правонарушение (административный проступок, административный деликт).

В юридической литературе уже довольно давно существует концепция, рассматривающая правонарушение как разновидность юридических фактов, порождающих правоотношение ответственности и в то же время служащих основанием юридической ответственности [7, с. 68]. Причем эта концепция в том или ином виде еще в советское время получила свое распространение не только в общей теории права [8, с. 280-283; 9, с. 11-20; 10, с. 414], но уже тогда и в отраслевых науках административного [11, с. 219], уголовного [12, с. 534-535] и гражданского [13, с. 367] права.

В современной общей теории права под юридическим фактом мы понимаем «конкретные жизненные обстоятельства (условия, ситуации), с которыми нормы права связывают возникновение, изменение или прекращение правоотношений» [14, с. 533]. Причем если проследить динамику существующих в юридической литературе подходов к определению этого понятия, то можно сделать вывод о том, что подобного рода понимание юридического факта является практически устоявшимся, и за последние сорок лет оно претерпело мало изменений.

Юридический факт, на основе которого возникает правоотношение ответственности, представляет собой достаточно сложное образование и включает в себя не только совершение правонарушения – конкретные жизненные обстоятельства, но и формальные моменты, а именно – наличие нормы права, которая связывает возникновение правоотношения ответственности с конкретными жизненными обстоятельствами [7, с. 70].

В этой связи следует отличать правонарушение (административное, уголовное или др.) как явление объективной действительности от формально-юридического понятия правонарушения (административного, уголовного проступка или др.) и от

такой юридической абстракции, как состав правонарушения.

Говоря о формально-юридическом понятии правонарушения применительно к рассматриваемой нами тематике, следует иметь в виду норму права, сформулированную в ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ «Административное правонарушение», и отражающую признаки (общую социально-психологическую и юридическую природу) деяния, именуемого как административное правонарушение. А признаки (элементы) состава правонарушения, с помощью которых закон определяет деяние как административное правонарушение, решают несколько иную задачу: они позволяют не только квалифицировать то или иное конкретное деяние как противоправное, подпадающее под признаки конкретного административного правонарушения, но и привлечь конкретное виновное в его совершении лицо к административной ответственности, если это лицо, конечно, является деликтоспособным, то есть способным вообще в силу закона нести административную ответственность. Поэтому отождествление административного правонарушения как явления объективной действительности и понятия состава административного правонарушения недопустимо и неправильно, однако, увы, иногда бывает.

Понятие административного правонарушения является понятием формально определенным и сформулировано законодателем в ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ, опираясь на положения которой, а также на нормы «позитивного права», регулирующие правоотношения в области дорожного движения, можно сформулировать некое общее понятие административного правонарушения в области дорожного движения, определив его как противоправное, посягающее на здоровье и безопасность граждан, сохранность транспортных средств, дорог и дорожных сооружений, дорожное движение либо установленный порядок управления им противоправное виновное действие либо бездействие, за которое на законодательном уровне Российской Федерации или ее субъектов установлена административная ответственность.

Само по себе подобного рода определение особой смысловой нагрузки в контексте необходимости его формального закрепления не имеет. Его суть в другом, а именно - в правильном понимании самой сущности административного правонарушения как основания административной ответственности в такой области общественной жизни и правового регулирования, как дорожное движение. В этой связи мы готовы поспорить с А.Р. Лиховым, детерми-

нирующим административное правонарушение в области дорожного движения как «создающее угрозу здоровью и безопасности граждан, сохранности транспортных средств, дорог и дорожных сооружений, безопасности дорожного движения и установленному порядку управления им общественно вредное, противоправное, виновное (умышленное или неосторожное) действие либо бездействие, за которое законодательством предусмотрена административная ответственность» [15, с. 25-26]. Определение, как видим, достаточно близкое к нашему, однако в нем, на наш взгляд, допущено несколько принципиально важных ошибок.

Так, в частности, А.Р. Лихов в своем определении делает акцент на таком признаке административного правонарушения в области дорожного движения, как его «общественная вредность», тогда как любое административное правонарушение – это деяние общественно опасное. И применительно к области дорожного движения это относится в первую очередь.

В юридической литературе уже давно подвергнут справедливой и обоснованной критике подход, отраженный в законодательстве (в частности, в ст. 14 УК РФ и ст. 2.1 КоАП РФ), о том, что общественная опасность является специфическим свойством преступлений, а все остальные правонарушения – это общественно вредные деяния. Это не так.

Во-первых, с семантической точки зрения понятия «общественная опасность» и «общественная вредность» тождественны по своему смысловому значению [16, с. 89]. А во-вторых, административным правонарушениям, равно как и преступлениям, присущ именно признак их общественной опасности, а не просто вредности. Ведь нельзя же говорить о том, что лицо, управляющее транспортным средством в состоянии опьянения и совершающее тем самым административное правонарушение, ответственность за которое предусмотрена ст. 12.8 КоАП РФ, не совершает общественно опасного деяния. И здесь уместна известная поговорка о том, что пьяный за рулем – преступник! И совершает он таким образом именно общественно опасное деяние, которое в зависимости от характера последствий может быть как уголовно, так и административно наказуемым. Ведь еще в 1965 году В.И. Курляндский справедливо отмечал, что именно в общественной опасности следует искать основной материальный критерий разграничения уголовной и административной ответственности [17, с. 12-15]. И с тех пор трудами многих ученых юристов давно и справедливо обоснован тезис о том, что степень

общественной опасности является количественным материальным критерием для качественного разграничения правонарушений на преступления и проступки. Поэтому здесь А.Р. Лихов не прав.

Не прав А.Р. Лихов и когда говорит об административном правонарушении, как о «создающем угрозу», ибо такое правонарушение не создает угрозу охраняемым нормами права общественным отношениям, а именно посягает на них. Именно в этом самом посягательстве и проявляется его общественная опасность, тогда как юридическим выражением признака общественной опасности административных правонарушений является их противоправность (и это отражено в самом нормативном определении понятия административного правонарушения в ст. 2.1 КоАП РФ).

Состав административного правонарушения в области дорожного движения, равно как и состав абсолютно любого иного правонарушения, включает в себя совокупность следующих объективных и субъективных признаков (элементов), характеризующих (квалифицирующих) конкретное общественно опасное деяние как административное правонарушение: объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона правонарушения.

Объектом любого административного правонарушения являются те общественные отношения, на которые направлено противоправное деяние. Поэтому для характеристики объекта правонарушений в области дорожного движения необходимо определить те конкретные отношения, которые подпадают под категорию «область дорожного движения» (т. е. обладают соответствующими родовыми признаками) и охраняются административно-правовыми нормами, предусматривающими ответственность за противоправное посягательство на них.

Если идти методом «от противного», то можно сделать вывод о том, что все те общественные отношения, охрану которых законодатель осуществляет нормами главы 12 КоАП РФ «Административные правонарушения в области дорожного движения» (а в ряде случаев – и соответствующими нормами региональных законов об административных правонарушениях) – это и есть в совокупности родовый объект этих правонарушений. Однако следует отметить, что, как нам представляется, в главе 12 КоАП РФ содержатся не только нормы об административной ответственности, собственно, в области «дорожного движения» (как совокупности общественных отношений, возникающих в процессе перемещения людей и грузов с помощью специально предназначенных для этого устройств (транс-

портных средств) или без таковых в пределах обустроенной или приспособленной и используемой для движения таких устройств полосы земли либо поверхности искусственного сооружения, предназначенной для движения безрельсовых транспортных средств, трамваев и пешеходов, участниками которых могут выступать водители транспортных средств и приравненные к ним лица, их пассажиры, а также пешеходы и приравненные к ним лица), но и в области ее безопасности, охраны дорог и дорожных сооружений и пр.

Так, в частности, ст. 12.33 КоАП РФ устанавливает административную ответственность за повреждение дорог, железнодорожных переездов или других дорожных сооружений, которое создает угрозу безопасности дорожного движения, а также за умышленное создание помех в дорожном движении, в том числе и путем загрязнения дорожного покрытия. А субъектами данного административного правонарушения, как указано в санкции анализируемой нормы, могут выступать граждане, должностные лица и юридические лица. При этом касаясь должностных лиц и уж тем более юридических лиц, то они не могут выступать в качестве участников дорожного движения, исходя из приведенного нами выше терминологического анализа соответствующих нормативных дефиниций Правил дорожного движения. Следовательно, указанное в диспозиции ст. 12.33 КоАП РФ противоправное деяние по сути не на дорожное движение и лежит вне плоскости «области дорожного движения» как объекта противоправного посягательства. Оно посягает на безопасность дорожного движения и существующие правила по охране дорог и дорожных сооружений. Поэтому место подобного рода охранительной нормы отнюдь не в главе 12 КоАП РФ, а скорее, в главе 11 КоАП РФ «Административные правонарушения на транспорте» (например, «рядом» со ст. 11.21 «Нарушение правил использования полосы отвода и придорожных полос автомобильной дороги» и ст. 11.22 «Нарушение землепользователями правил охраны автомобильных дорог или дорожных сооружений»).

И примеров, аналогичных ст. 12.33 КоАП РФ в главе 12 КоАП РФ еще несколько, в частности, это ст. 12.31, 12.32, 12.34 и др. Конкретизировать и детализировать их здесь мы не будем, однако отметим, что все это либо «Административные правонарушения на транспорте», либо, соответственно, наоборот, ст. 11.21 и ст. 11.22 КоАП РФ – это административные правонарушения в области дорожного движения (но скорее все таки первое). Либо

еще вариант: сама «область дорожного движения» (и, соответственно, административные правонарушения в этой области) – это нечто большее, нежели, собственно, «совокупность общественных отношений, возникающих в процессе перемещения людей и грузов с помощью транспортных средств или без таковых в пределах дорог» (как это оговаривает пункт 1.2 Правил дорожного движения), но охватывает также и его (дорожного движения) безопасность, регламентированную нормами соответствующего федерального закона. Но это вряд ли.

Объективная сторона административного правонарушения в области дорожного движения – это система предусмотренных законом признаков, характеризующих внешнее проявление конкретного противоправного деяния, посягающего на область дорожного движения, которая включает в себя, прежде всего, само противоправное действие (например, управление транспортным средством, не зарегистрированным в установленном порядке, и др.) или бездействие (например, невыполнение требования Правил дорожного движения уступить дорогу транспортному средству, пользующемуся преимущественным правом проезда перекрестков, и др.), а также наступившие при этом вредные последствия. Объективная сторона в каждом конкретном случае определяется диспозицией той или иной статьи КоАП РФ, предусматривающей ответственность за противоправное деяние, являющееся административным правонарушением в области дорожного движения.

Кроме противоправного деяния (действия или бездействия) и наступивших вредных последствий, в состав объективной стороны административных правонарушений в области дорожного движения, как и любого другого правонарушения, входит наличие причинно-следственной связи между этим деянием и наступившими в его результате вредными последствиями. Установить такую причинно-следственную связь – значит выявить обстоятельства появления вредных последствий от деяния, а также определить, действительно ли они наступили в результате конкретного противоправного деяния либо нет, а также уяснить, как данное конкретное деяние повлияло на величину этих последствий.

Наличие объективной стороны отдельных видов административных правонарушений в области дорожного движения законодатель ставит в зависимость от способа и характера совершения деяния, совершения противоправного деяния в прошлом, в частности, его повторности и прочих условий.

В качестве субъекта административного правонарушения в области дорожного движения следует рассматривать любое лицо, являющееся субъектом административной ответственности, которое подлежит ответственности за предусмотренные законодательством в области дорожного движения деяния (действия либо бездействие), связанные с нарушением правил, которые входят в его установленные законом или иным нормативным правовым актом обязанности в области дорожного движения.

При этом фраза в определении «подлежит ответственности» является обязательной и имеет определенную смысловую нагрузку, поскольку ст. 24.5 КоАП РФ содержит перечень обстоятельств, при наличии которых лицо, совершившее противоправное деяние, административной ответственности за него не понесет.

Субъектом административной ответственности в области дорожного движения может быть только то лицо, на которое возложена обязанность по выполнению тех или иных правил, охватываемых областью правового регулирования дорожного движения. Как правило, в качестве таковых субъектов выступают водители транспортных средств (лица, управляющие транспортным средством), в редких случаях – пешеходы, пассажиры транспортного средства или «иные участники дорожного движения» (за исключением водителя транспортного средства), как это сказано в диспозициях, в частности, ч. 1 и ч. 2 ст. 12.30 КоАП РФ «Нарушение Правил дорожного движения пешеходом или иным участником дорожного движения, повлекшее создание помех в движении транспортных средств либо причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего». И здесь сразу возникает резонный вопрос, требующий, на наш взгляд, своего нормативного урегулирования: о ком, о каких категориях «иных участников дорожного движения» в качестве субъектов административной ответственности идет речь в диспозициях ст. 12.30 КоАП РФ, если согласно положениям Федерального закона «О безопасности дорожного движения» (ст. 2) и Правилам дорожного движения (п. 1.2) в качестве участника дорожного движения признается «лицо, принимающее непосредственное участие в процессе движения в качестве водителя, пешехода, пассажира транспортного средства»? Не ясно, поскольку применительно к нормам главы 12 КоАП РФ понятие транспортного средства определено в примечании 1 к ст. 12.1 КоАП РФ: «Под транспортным средством в настоящей статье следует понимать автомототранспортное средство с рабочим объе-

мом двигателя более 50 кубических сантиметров и максимальной конструктивной скоростью более 50 километров в час, а также прицепы к нему, подлежащие государственной регистрации, а в других статьях настоящей главы также трактора, другие самоходные дорожно-строительные и иные машины, трамваи, троллейбусы». Видимо речь идет о лицах, управляющих мопедами, велосипедами, возчиках, водителях гужевых повозок и саней, погонщиках вьючных, верховых животных, погонщиках (пастухах) стада, а также любых иных водителей и лицах, участвующих в процессе дорожного движения, за исключением водителей транспортных средств.

В ряде случаев, в частности, в ч. 2 ст. 12.29 КоАП РФ, законодатель в качестве субъекта административной ответственности выделяет «другое лицо, непосредственно участвующее в дорожном движении» (за исключением «водителя механического транспортного средства»). С точки зрения на категорию «транспортное средство», как его толкуют нормы Правил дорожного движения («устройство, предназначенное для перевозки по дорогам людей, грузов или оборудования, установленного на нем» - п. 1.2 ПДД), такое указание верно. Однако через призму толкования понятия «транспортное средство» применительно к нормам главы 12 КоАП РФ, отраженное в примечании 1 к ст. 12.1 КоАП РФ, указание «водитель механического транспортного средства» является проявлением так называемой «информационной избыточности» в тексте нормативных правовых актов, поэтому, как нам представляется, слово «механическое» применительно к категории «транспортное средство» из норм главы 12 КоАП РФ следует исключить, оно там абсолютно лишнее.

В некоторых случаях субъектами административной ответственности за правонарушения в области дорожного движения могут быть только должностные лица, ответственные за техническое состояние и эксплуатацию транспортных средств, (это, в частности, предусмотрено статьями 12.31 и 12.32 КоАП РФ), за состояние дорог, железнодорожных переездов или других дорожных сооружений (в частности, по ст. 12.34 КоАП РФ) либо просто любые должностные лица, совершающие указанные в законе противоправные действия, создающие угрозу безопасности дорожного движения (в частности, по ст. 12.33 КоАП РФ).

Субъектами отдельных видов административных правонарушений в области дорожного движения (в частности, ответственность за которые предусмотрена ч. 2 ст. 12.2, а также статьями 12.4,

12.21.1, 12.21.2, 12.33 и 12.34 КоАП РФ) могут быть и юридические лица.

Субъективная сторона состава административного правонарушения в области дорожного движения во многом зависит от того, кто выступает в качестве субъекта правонарушения - физическое или юридическое лицо.

Если субъектом административного правонарушения выступает физическое (в том числе и должностное) лицо, то субъективная сторона состава правонарушения характеризуется виной, которая представляет собой психическое отношение лица к своему противоправному поведению и его последствиям и может выражаться как в форме умысла, так и в форме неосторожности.

Наряду с обязательными признаками субъективной стороны административного правонарушения, каковыми являются умысел и неосторожность, могут быть и факультативные: мотив и цель.

С субъективной стороной как признаком состава административного правонарушения в области дорожного движения, когда субъектами таких правонарушений выступают юридические лица, дело обстоит совсем иначе. Вина юридического лица в совершении административного правонарушения определяется по правилам ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ: для того, чтобы признать юридическое лицо виновным в совершении административного правонарушения в области дорожного движения, необходимо установить (т. е. доказать), что это юридическое лицо (его администрация, коллектив, отдельные должностные лица) могло, но не приняло всех мер, необходимых для соблюдения норм и правил в области дорожного движения, на нарушение которых установлена административная ответственность. При этом применительно к деянию юридического лица КоАП РФ не устанавливает форм вины, наличие которых в форме умысла и неосторожности свойственны для субъективной стороны административного правонарушения, совершенного физическим лицом.

С 1 июля 2008 года вступила в силу статья 2.6.1 КоАП РФ, предусматривающая некоторую особенность административной ответственности собственников (владельцев) транспортных средств.

Данная статья КоАП РФ предусматривает возможность привлечения к административной ответственности за административные правонарушения в области дорожного движения в случае фиксации этих правонарушений работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами. При применении данной системы фикса-

ции правонарушений в качестве доказательств по делу используются показания данных технических средств, личное наблюдение факта совершения административного правонарушения сотрудниками ГИБДД является необязательным и протокол об административном правонарушении в таком случае не составляется.

К ответственности за административные правонарушения в области дорожного движения в случае их фиксации работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами привлекаются собственники транспортных средств либо лица, владеющие транспортным средством на ином законном вещном праве.

Таким образом, для привлечения собственников (владельцев) транспортного средства к административной ответственности вовсе не требуется установления (т. е. доказывания) факта управления ими указанным транспортным средством в момент совершения административного правонарушения. Единственное исключение из этого правила предусмотрено частью 2 ст. 2.6.1 КоАП РФ: возможность освобождения от ответственности собственника (владельца) транспортного средства в случае фиксации административного правонарушения работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами допускается, если в ходе проверки по делу будут подтверждены содержащиеся в его сообщении или заявлении данные о том, что в момент фиксации административного правонарушения транспортное средство находилось во владении или в пользовании другого лица либо к данному моменту выбыло из его (собственника или владельца) обладания в результате противоправных действий других лиц. При этом на собственника (владельца) транспортного средства возлагается обязанность сообщить о выбытии транспортного средства из его владения (пользования). При отсутствии такого заявления освобождению от административной ответственности он не подлежит, даже если факт выбытия транспортного средства из его владения (пользования) имел место.

Налицо так называемый принцип «объективного вменения», т. е. вменение лицу в вину деяния без учета формы вины, мотива, цели и иных признаков субъективной стороны, влияющих на меру ответственности. Субъективное же вменение, наоборот, во многом, определяется мотивом и целью. Мотив и цель побуждают и направляют деятельность лица как до совершения им административного правонарушения, так и в период его совершения. Они лежат не только у истоков правонарушения, но и

придают ему морально-этическую окраску. С их помощью конкретизируется содержание вины и иногда разграничиваются смежные составы административных правонарушений и преступлений. С позиций субъективного вменения мотив и цель могут представлять собой обстоятельство, смягчающее или отягчающее административное наказание. При объективном вменении этого нет и субъекту, совершившему социально-значимое деяние, именуемое административным правонарушением в области дорожного движения, вменяется не только то и не столько то, что охватывалось его сознанием, сколько то, что должно было или могло, по мнению правоприменителя, охватываться сознанием этого лица. Иными словами, объективное вменение есть субъективизм правоприменителя в отношении оценки содержания психики лица, совершившего социально-значимое деяние. При этом с позиций закрепленного в ст. 2.6.1 КоАП РФ принципа объективного вменения совершения административного правонарушения в области дорожного движения собственникам (владельцам) транспортных средств не совсем ясен с точки зрения его практического воплощения принцип назначения административного наказания, сформулированный в ч. 2 ст. 4.1 КоАП РФ, согласно которому при назначении административного наказания физическому лицу учитываются характер совершенного им административного правонарушения, личность виновного, его имущественное положение и обстоятельства, смягчающие и отягчающие административную ответственность. На наш взгляд, это проблема, требующая законодательного урегулирования.

Сам по себе факт введения в действие системы автоматической фиксации нарушений правил дорожного движения, как справедливо отмечается в некоторых публикациях [например: 18, с. 20], должен по замыслу ее разработчиков значительно сократить количество конфликтных ситуаций при назначении административных наказаний на участников дорожного движения, исключить личный фактор при решении вопроса о составлении протокола об административном правонарушении и назначении административного наказания, тем самым неизбежно способствуя реализации такого важнейшего принципа административной ответственности, как принцип равенства всех перед законом.

Однако кроме безусловных плюсов, указанная система и ее правовое сопровождение имеет и определенного рода минусы. И объективное вменение в механизме реализации административной ответственности здесь далеко не единственный минус.

Так, в частности, действующим законодательством предусмотрена юридическая возможность государственной регистрации транспортных средств на юридических лиц. Этот юридический механизм отражен в нормах Правил регистрации автотранспортных средств и прицепов к ним в ГИБДД МВД России, утвержденных Приказом МВД России от 27 января 2003 № 59 «О порядке регистрации транспортных средств».

При этом санкция ряда статей КоАП РФ, привлечение к административной ответственности по которым возможно в том числе и с использованием работающих в автоматическом режиме специальными техническими средствами, например, часть 4 ст. 12.15 КоАП РФ (выезд в нарушение ПДД на сторону дороги, предназначенную для встречного движения), предусматривает административное наказание в виде лишения специального права – права управления транспортными средствами без какой-либо альтернативы, в частности, альтернативы назначения административного штрафа. А лишение специального права – это вид административного наказания, применяемый исключительно к физическим лицам. И как быть в случае, когда собственником транспортного средства является юридическое лицо, а владельца транспортного средства дополнительно установить невозможно, увы, – не ясно. Поэтому представляется, что законодателю следует подумать над этим вопросом и внести в КоАП РФ соответствующие изменения и дополнения и на этот счет.

Литература

1. Административная ответственность в СССР / Под ред. В.М. Манохина и Ю.С. Адушкина. Саратов, 1988.
2. Севрюгин В.Е. Проблемы административного права: Учебное пособие. Тюмень, 1994.
3. Бахрах Д.Н. Принуждение и ответственность по административному праву. Екатеринбург, 1999.
4. Бахрах Д.Н. Административное право России: Учебник. М., 2000.
5. Тимошенко И.В. Административная ответственность: Учебное пособие. М., 2004.
6. Тимошенко И.В. Административная ответственность за правонарушения в области таможенного дела. Ростов н/Д., 2008.
7. Шиндяпина М.Д. Стадии юридической ответственности. М., 1998.
8. Алексеев С.С. Общая теория права. М., 1981. Т. 1.
9. Денисов Ю.А. Общая теория правонарушения и ответственности. Л., 1983.

10. Теория государства и права / Под ред. М.Н. Марченко. М., 1987.
11. Советское административное право / Под ред. Ю.М. Козлова. М., 1985.
12. Курс советского уголовного права / Отв. ред. Н.А. Беляев. М., 1981. Т. 5.
13. Советское гражданское право / Отв. ред. В.А. Рязанцев. М., 1985.
14. Любашиц В.Я., Мордовцев А.Ю., Тимошенко И.В., Шапсугов Д.Ю. Теория государства и права: Учебник. М., 2003.
15. Лихов А.Р. Административная ответственность за правонарушения в области дорожного движения. Нальчик, 2008.
16. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1986.
17. Курляндский В.И. Уголовная ответственность и меры общественного воздействия. М., 1965.
18. Постатейный комментарий к Кодексу РФ об административных правонарушениях / Под ред. Э.Г. Луантова и С.Е. Чаннова. М., 2008.

УДК 343.3

Толков Д.В.

Аспирант Ростовского государственного
экономического университета (РИНХ)

ИНЫЕ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА И УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

В статье рассматривается соотношение иных мер уголовно-правового характера и уголовной ответственности, дается анализ различных точек зрения на природу иных мер уголовно-правового характера и их соотношения с уголовной ответственностью, раскрываются понятие и признаки уголовной ответственности и с учетом этого аргументируется вывод о том, что иные меры уголовно-правового характера не относятся к формам реализации уголовной ответственности.

The article deals with the question of the relationship between other measures of criminal law and criminal responsibility. The author studied different points of view about the nature of other measures under criminal law and their relationship to criminal responsibility. He discussed the concepts and features of criminal responsibility and to reflect this conclusion is argued that other measures under criminal law don't apply to forms of relationship of criminal responsibility. This article will be interesting and useful for students, graduate students and law enforcement officers.

Ключевые слова: Уголовная ответственность, иные меры уголовно-парового характера, наказание, преступление, конфискация имущества, принудительные меры медицинского характера.

Key words: Criminal liability, different measures of penal disposition, punishment, crime, sequestration, compulsory medical measures.

В Уголовном кодексе РФ с момента его принятия используется оборот «иные меры уголовно-правового характера», но не дается его легального определения. С исключением же конфискации имущества из списка наказаний в 2003 году, что вызвало массовые протесты в науке, и последующим переводом ее в ранг иных мер уголовно-правового характера, а также с учреждением специализированного раздела VI «Иные меры уголовно-правового характера» в 2006 году ситуация стала еще более сложной. Это свидетельствует об актуальности доктринальных размышлений о нормативной природе

данных средств борьбы с преступностью, в том числе сопоставления их с таким феноменом, как уголовная ответственность.

В литературе существуют различные точки зрения относительно содержания института иных мер уголовно-правового характера и соотношения его с другими институтами уголовного права.

Так, по мнению С. Курганова, понятие «мера уголовно-правового характера» является более общим (родовым) по отношению к понятию «форма (мера) реализации уголовной ответственности». По основаниям применения он подразделяет меры

уголовно-правового характера на две группы: 1) меры, применяемые за совершение преступлений, т.е. меры, являющиеся формой реализации уголовной ответственности; 2) меры, не связанные с уголовной ответственностью, применяемые по иным основаниям. Например, принудительные меры медицинского характера и принудительные меры воспитательного воздействия полифункциональны. Они могут выступать в качестве форм реализации уголовной ответственности. Основанием их применения является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления (ч. 2 ст. 99 и ч. 1 и 2 ст. 92 УК РФ). Они же могут применяться к лицам, совершившим преступления, по иным основаниям - при освобождении от уголовной ответственности несовершеннолетних (ч. 1 ст. 90 УК РФ) и освобождении от наказания лиц, у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказания (ч. 1 ст. 81 и п. «б» ч. 1 ст. 97 УК РФ) [1, с. 49].

В.В. Мальцев считает, что слово «иные», употребленное в ч. 2 ст. 2 УК РФ, отделяет (отграничивает) меры уголовно-правового характера от уголовной ответственности и наказания и со всей очевидностью показывает, что «иные меры уголовно-правового характера» по объему отнюдь не охватываются содержанием ни каждого из двух других терминов в отдельности, ни вместе взятых. Вместе с тем он считает, что союз «и», стоящий в ч. 2 ст. 2 УК перед термином «иные меры уголовно-правового характера», придает этому термину, применительно к терминам «уголовная ответственность» и «наказание», дополняющее, точнее, даже объединяющее значение. Поэтому он приходит к выводу, что содержание понятия «меры уголовно-правового характера» включает в себя содержание понятия «уголовная ответственность» [2, с. 184-185].

По мнению В.Н. Найдено, такие меры уголовно-правового характера, как конфискация имущества и принудительные меры медицинского характера, применяемые к лицам, совершившим преступление и страдающим психическими расстройствами, не исключаящими вменяемость, обременяют наказание и уголовную ответственность в целом, однако не являются самостоятельной формой ее реализации [3, с. 116]. Аналогичной позиции придерживается и А.В. Шнитенков [4, с. 3-6].

Т.В. Архипенко считает, что иные меры уголовно-правового характера являются мерами государственного принуждения, поскольку они

предусмотрены нормами материального, процессуального и уголовно-исполнительного законодательства. Их можно определить как особую уголовно-правовую форму государственного принуждения, содержание которой зависит от вида выбранных мер. По ее мнению, иные меры уголовно-правового характера можно сгруппировать по признаку применения таких мер вместо наказания и наряду с наказанием. Вместо наказания применяются принудительные меры медицинского и воспитательного характера, а также разные виды отсрочек. Конфискация имущества относится к мерам, применяемым наряду с наказанием [5, с. 19]. Однако, дав понятие иных мер уголовно-правового характера и определив их виды, названный автор обходит вопрос о соотношении указанных мер с уголовной ответственностью.

Д.Ю. Борченко под иными мерами уголовно-правового характера предлагает понимать меры государственного принуждения, предусмотренные в нормах Общей части УК РФ, назначаемые по обвинительному приговору суда либо в процессе исполнения наказания лицу, признанному виновным в совершении преступления, вместо наказания либо в качестве дополнительной к наказанию уголовно-правовой меры, заключающиеся в осуждении лица и совершенного им преступления от имени государства и правоограничения некарательного характера и направленных на достижение целей наказания. Юридическая природа иных мер уголовно-правового характера, по его мнению, заключается прежде всего в том, что они выступают формой реализации уголовной ответственности и к их числу следует относить условное осуждение, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, отсрочку отбывания наказания, принудительные меры воспитательного воздействия, принудительные меры медицинского характера и конфискацию имущества [6, с. 24-25].

Сторонниками отнесения иных мер уголовно-правового характера к формам реализации уголовной ответственности являются и некоторые другие авторы. Так, А.В. Наумов со ссылкой на буквальный смысл ч. 2 ст. 2 УК РФ и некоторых иных норм уголовного закона также приходит к выводу, что уголовная ответственность подразделяется на наказание и иные меры уголовно-правового воздействия, к которым относятся с некоторыми оговорками и принудительные меры медицинского характера [7, с. 257]. Н.Ф. Кузнецова и С.Г. Келина считают, что указание в ст. 2 УК на применение иных мер уголовно-правового характера именно к преступле-

нию бесспорно означает, что такие меры, включая конфискацию, должны быть отнесены к видам уголовной ответственности, представляющей собой - если определять это в достаточно общем виде - принудительное ограничение судом прав, свобод лица, виновного в совершении запрещенного уголовным законом деяния [8, с. 479].

И. Звечаровский весьма критично высказался не только о включении конфискации имущества в уголовное законодательство, но и вообще об определении в уголовном законе круга мер, отнесенных к иным уголовно-правовым. По его мнению, к числу мер уголовно-правового характера следует относить только те меры, применение которых влечет за собой изменение уголовно-правового статуса личности. В связи с этим он считает, что принудительные меры не только медицинского характера, но и меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним, не относятся к числу иных мер уголовно-правового характера, так как, например, при применении меры воспитательного воздействия уголовно-правовой статус лица изменяется вследствие применения не этих мер, а предшествующих их применению актов освобождения от уголовной ответственности (ч. 1 ст. 90 УК) или от наказания (ст. 92 УК).

Соответственно система мер уголовно-правового характера представляется им следующим образом: 1) подсистема видов освобождения от уголовной ответственности; 2) подсистема видов наказаний; 3) подсистема видов освобождения от наказания; 4) подсистема видов освобождения от отбывания наказания; 5) подсистема видов замены неотбытой части наказания.

По содержанию, указывает он, понятие мер уголовно-правового характера шире понятия мер уголовной ответственности и включает в себя меры уголовной ответственности в различных формах их реализации [9, с. 51-54].

Прежде чем сделать вывод о правовой природе иных мер уголовно-правового характера, следует раскрыть понятие уголовной ответственности.

Уголовная ответственность является видом правовой ответственности и принадлежит к числу фундаментальных понятий права, однако ни в ранее действовавшем уголовном законодательстве, ни в современном УК ее понятие и содержание не раскрывается.

В учебной и научной литературе нет единства мнений при определении уголовной ответственности. Общим для всех точек зрения является то, что проблема уголовной ответственности рассма-

тривается в рамках уголовно-правовых отношений. У государства появляется право подвергнуть лицо за совершенное им преступление государственно-принудительному воздействию, предусмотренному уголовно-правовой нормой, которую он нарушил, и в то же время обязанность применить именно это воздействие. У лица, совершившего преступление, возникает обязанность подвергнуться такому воздействию и право на применение именно того воздействия, которое предусмотрено нарушенной им уголовно-правовой нормой [10].

УК РФ 1996 г. предусматривает уголовную ответственность без назначения наказания и судимости (единственный такой случай - при назначении принудительных мер воспитательного характера вместо наказания) и уголовную ответственность с назначением наказания и судимостью. Соответственно можно сделать вывод о том, что понятие «уголовная ответственность» шире понятия «наказание», так как уголовная ответственность может быть без наказания, а наказание не может быть без ответственности.

Чтобы уяснить соотношение иных мер уголовно-правового характера и уголовной ответственности, следует рассмотреть признаки уголовной ответственности. Во-первых, в соответствии со ст. 8 УК РФ уголовная ответственность возлагается только за совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления. Во-вторых, уголовная ответственность включает в себя государственное порицание лица и совершенного им деяния, так как приговор выносится от имени государства. В-третьих, уголовная ответственность, если она сопровождается наказанием, означает применение к лицу мер государственного принуждения, которые заключаются в лишении или ограничении определенных прав и свобод осужденного лица. В-четвертых, ответственность возлагается только судом и только на основании обвинительного приговора, вступившего в законную силу.

На сегодняшний день наиболее согласующейся с уголовным законодательством является точка зрения, в соответствии с которой к иным мерам уголовно-правового характера следует относить принудительные меры медицинского характера, конфискацию имущества (что прямо вытекает из буквы закона) и принудительные меры воспитательного воздействия (в случаях назначения вместо уголовной ответственности) [11]. Поскольку, как справедливо отмечает С. Курганов, критикуя позицию авторов, относящих к названным мерам различные виды отсрочки, условно-досрочное осво-

бождение от наказания, условное осуждение и др. следует различать применение мер за совершение преступлений и применение мер к лицам, совершившим преступление. Так, основанием применения условного осуждения или отсрочки отбывания наказания является не факт совершения преступления, а определенные обстоятельства, на основании которых суд приходит к выводу о возможности отбывания наказания условно или о возможности отсрочки отбывания наказания [1, с. 50].

Исходя из названного перечня иных мер уголовно-правового характера, попытаемся определить их соотношение с уголовной ответственностью.

Итак, первым признаком уголовной ответственности является то, что она возлагается только за совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления. Однако принудительные меры медицинского характера могут быть применены к лицу, совершившему общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, а следовательно, к лицу, не обладающему всеми необходимыми признаками субъекта преступления, а отсутствие хотя бы одного из обязательных признаков свидетельствует об отсутствии в деянии состава преступления. Соответственно и говорить об уголовной ответственности в данном случае нельзя.

Второй признак заключается в том, что уголовная ответственность включает в себя государственное порицание лица и совершенного им деяния, так как приговор выносится от имени государства. Можно признать, что при назначении лицу конфискации имущества и принудительных мер воспитательного воздействия государство порицает лицо и совершенное им деяние, однако, что касается принудительных мер медицинского характера, исходя из их целей - излечение лиц, улучшение их психического состояния, а также предупреждение совершения ими новых деяний - такой вывод сделать нельзя.

Уголовная ответственность, как правило, означает применение к лицу мер государственного принуждения, которые заключаются в лишении или ограничении определенных прав и свобод осужденного лица. Да, определенный элемент ограничения прав и свобод осужденного можно обнаружить и при назначении принудительных мер медицинского характера, и при назначении принудительных мер воспитательного характера (в частности, на несовершеннолетнего возлагаются некоторые обязанности). Что же касается конфискации имущества, то она предусматривает изъятие у виновного иму-

щества (и доходов от такого имущества), которыми он владеет не по праву. Как справедливо отмечает П.С. Яни, «смысл конфискации состоит в изъятии у преступника того, что ему принадлежать по справедливости (ст. 6 УК) и по закону гражданскому (например, ст. 169 ГК) не должно» [12, с. 32].

Конфискацию тех видов имущества, которые перечислены в ст. 104.1 УК РФ, нельзя признать обременением, она не влечет за собой никаких дополнительных ограничений, что свойственно наказанию и уголовной ответственности. Соответственно и признание того, что конфискация имущества является ограничением или лишением прав лица, противоречит логике законодательного определения конфискации и ее исключения из системы наказаний.

Четвертый признак - ответственность возлагается только судом и только на основании обвинительного приговора, вступившего в законную силу. Все перечисленные меры уголовно-правового характера могут быть назначены только судом.

Законодатель внес соответствующие изменения в уголовное законодательство [13], и теперь конфискация имущества может быть назначена только на основании обвинительного приговора суда (в первоначальной редакции ст. 104.1 УК РФ речь шла о решении суда). Что же касается принудительных мер воспитательного характера, применяемых при освобождении от уголовной ответственности, то в соответствии со ст. 427 УПК РФ решение об их назначении оформляется постановлением. В соответствии со ст. 443 УПК РФ решение о применении принудительных мер медицинского характера также оформляется постановлением суда. Исключение составляют случаи, когда такие меры назначаются наряду с наказанием лицам, совершившим преступление в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости. Так, в соответствии со ст. 433 УПК РФ в таких ситуациях принудительные меры медицинского характера применяются при постановлении приговора и исполняются в порядке, установленном Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что иные меры уголовно-правового характера не относятся к формам реализации уголовной ответственности, поскольку они не отвечают тем признакам, которые свойственны уголовной ответственности.

Литература

1. Курганов С. Меры уголовно-правового характера // Российский следователь. 2007. № 2.

2. Мальцев В.В. Введение в уголовное право. Волгоград, 2002.
3. Найдено В.Н. Конфискация имущества как правовой инструмент противодействия этнонациональному экстремизму // Журнал российского права. 2009. № 1.
4. Шнитенков А.В. Новое в уголовном законодательстве // Уголовный процесс. 2006. № 8.
5. Архипенко Т.В. Конфискация имущества по уголовному законодательству Российской Федерации - точки зрения на правовую природу конфискации как «иной меры уголовно-правового характера» // Российский следователь. 2008. № 23.
6. Борченко Д.Ю. Конфискация имущества как мера уголовно-правового характера: понятие, природа, социальное предназначение и порядок применения. Дис. ... к.ю.н. Тольятти, 2007.
7. Наумов А.В. Российское уголовное право: Курс лекций: В 2-х т. Т. 1: Общая часть. М., 2004.
8. Курс российского уголовного права: Общая часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. М., 2001.
9. Звечаровский И. Понятие мер уголовно-правового характера // Законность. 2007. № 1.
10. Борбат А.В., Завидов Б.Д., Ендольцева А.В., Милевский А.И. Состав преступления как основание уголовной ответственности. Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2005.
11. См., например: Наумов А.В. Российское уголовное право: Курс лекций: В 2 т. Т. 1. Общая часть. М., 2004. С. 257; Курганов С. Меры уголовно-правового характера // Российский следователь. 2007. № 2. С. 49-50; Яни П.С. Конфискация имущества и уголовная ответственность // Уголовное право. - 2006. № 6. С. 31.
12. Яни П.С. Конфискация имущества и уголовная ответственность // Уголовное право. 2006. № 6.
13. Федеральный Закон РФ от 25 декабря 2008 г. № 280-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием федерального закона «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6235.

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

УДК 338.2

Некрасов В.Н.

*Профессор Северо-Кавказской академии
государственной службы, д.э.н.,*

Писарева А.С.

*Аспирант Северо-Кавказской академии
государственной службы*

СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ

В статье проведен анализ понятия «национальная экономическая безопасность», рассмотрены проблемы количественного измерения пороговых значений экономической безопасности. Разграничены понятия налоговой минимизации и оптимизации. Дан обзор самых громких налоговых преступлений, а также статистических данных МВД РФ по налоговым преступлениям за 2009 г.

In this article was analyzed «national economic safety», the quantitative measurement problems of economic safety threshold value was considered. Concepts of tax minimization and optimization are differentiated. The review of the loudest tax crimes, and the statistical information of the Ministry of Home Affairs of the Russian Federation of tax crimes for 2009 г. is given.

Ключевые слова: *Национальная экономическая безопасность, теневая экономика, коррупция, налоговая минимизация, налоговая оптимизация, налоговое преступление, налоговая культура.*

Keywords: *National economic safety, shadow economy, corruption, tax minimisation, tax optimisation, tax crime, tax culture.*

С распадом системы государственной безопасности СССР была утрачена концептуальная, стратегическая и институционально-организационная основа защиты национально-государственных интересов России как наследницы Советского Союза. Старая парадигма государственной безопасности с ее идеологией, особым пониманием национально-государственных интересов и системой стратегических приоритетов уже не могла соответствовать новым представлениям о структуре национальной безопасности.

При этом наиболее значимой в структуре национальной безопасности является экономическая безопасность, так как именно от её состояния зависит степень безопасности государства в целом, его независимости и возможностей поддержания и гарантии безопасности граждан.

Национальная экономическая безопасность - часть общей системы безопасности страны. Она затрагивает практически все стороны жизни государства, общества, экономики. Ее развитие необходимо рассматривать в общем контексте формирования системы национальной безопасности государства.

Экономическая безопасность гарантирует уровень самодостаточности на мировых рынках, защиту национальных интересов государства, социальную направленность политики при любых, даже неблагоприятных, условиях развития микро- и макро- процессов. Потребности обеспечения экономической безопасности формируются под влиянием целого ряда факторов. В концентрированном виде они могут выступать как деструктивные, оказывающие негативное влияние на национальную экономическую безопасность. В современной науке выделяют несколько степеней деструктивных факторов:

- появление зоны риска - вероятность возникновения обстановки, способной породить опасность;
- вызов - провокационные действия или средство давления;
- опасность - реальная возможность причинить зло, нанести ущерб;
- угроза - намерение нанести ущерб.

Основу организации, планирования и осуществления практических действий всей системы обеспечения экономической безопасности составляют

анализ концепции угрозы, оценка характера реальных и потенциальных внутренних и внешних опасностей и угроз, кризисных ситуаций, а также прочих неблагоприятных факторов. Система угроз не является постоянной, поскольку такие угрозы могут возникать и исчезать, возрастать и уменьшаться, при этом, соответственно, будет изменяться и их влияние на экономическую безопасность.

При исследовании работ отечественных авторов стало очевидным, что анализ уровня экономической безопасности очень сложен. Иногда для этого можно использовать математические методы, но при наличии конкретных числовых данных. Но для экономической безопасности невозможно все показатели ее состояния выразить количественно, так как нет альтернативы проверке их эмпирически. Эти показатели отражают непроверяемые свойства исследуемого объекта. В анализе уровня экономической безопасности большое значение имеют критические или пороговые значения, поскольку их превышение влечет за собой формирование и развитие негативных для экономики тенденций.

Переход общества в стадию потенциальных социальных конфликтов и повышенная социальная напряженность являются следствием приближения количественных показателей экономической безопасности к их пороговым значениям или их превышения.

В настоящий момент некоторые индикаторы, характеризующие экономическую безопасность в России, находятся в пределах нормы, другие достигают пороговых значений, а некоторые их превысили.

Анализ литературы, посвященной данной проблематике, показывает, что в общей системе угроз авторы выделяют, как правило, два аспекта - внутренний и внешний. Так подразделяют угрозы В.И. Ярочкин [1] и А.Г. Шаваев [2]. Аналогичный классификационный признак используется также в основных официальных документах: «Концепция национальной безопасности», «Государственная стратегия экономической безопасности РФ» и др. Более широкий подход к классификации угроз предлагает С.А. Кузнецов [3], классифицируя угрозы экономической безопасности по вероятности наступления, возможности прогнозирования, величине ущерба, объекту посягательства, природе и месту возникновения.

Внутренние угрозы определяются как неспособность к самосохранению и саморазвитию государства. Они в большей мере являются послед-

ствием перехода экономики от административной системы к рыночной, стихийного приспособления к новым условиям функционирования, а также непродуманной денежно-кредитной политики государства.

Среди внутренних угроз экономической безопасности выделяются:

1. Нестабильность банковской системы, обусловленная в основном слабостью отечественных банков - низким уровнем их капитализации, неспособностью привлечь средства населения из-за устоявшегося к ним недоверия, банкротством банков, фиктивным характером уставных капиталов, рискованной кредитной политикой.

2. Низкая эффективность бюджетной системы, которая к настоящему времени сформировалась преимущественно как перераспределительная система, строящаяся на краткосрочной основе, что не позволяет осуществлять долгосрочные проекты экономического развития.

3. Нестабильность фондового рынка, что выражается в низкой капитализации, незначительных объемах торгов, узком выборе финансовых инструментов, неэффективности перераспределения капитала.

4. Слабость национальной денежной единицы, подрывающая доверие экономических субъектов к национальной финансовой системе и позволяющая существовать «долларизации» экономики.

5. Утечка капитала, обусловленная неуверенностью его владельцев в политическом курсе государства, незаконностью приобретения денежных средств многими предприятиями и физическими лицами, сокрытием доходов от налогов и страхом перед возможной экспроприацией капитала.

6. Отрыв финансового сектора экономики от реального, что проявляется в отсутствии долгосрочных финансовых вливаний в промышленность и сельское хозяйство, преобладании вложения капиталов в посредническую и спекулятивную деятельность.

7. Криминализация экономики, коррупция, коалиция некоторых государственных служащих с организованной преступностью, возможность управления частью производства криминальными группами и их проникновение в различные властные институты.

Внешние угрозы - это агрессивное поведение других государств, реализующих свои национальные интересы в сфере экономики и финансов на национальной территории. Чем большей экономиче-

ской мощью обладает то или иное государство, тем большая угроза исходит от него экономике нашей страны. Кроме того, внешние угрозы экономической безопасности России обусловлены как объективными процессами, происходящими в мировой экономике (стремительное развитие процесса глобализации, нарастание взаимопроникновения

национальных экономик, неустойчивость мировой финансовой системы и т.д.), так и проблемами непосредственно российской политики.

Система показателей угроз в исследованиях на основе различных классификаций уточнена и дополнена еще одним показателем – уровнем «теневой» экономики (рисунок 1).

Рис. 1. Структурирование теневой экономики по уровню криминализации.

Существенное влияние на уровень теневой экономики оказывает так называемая легальная теневая экономика, уровень которой по оценкам составляет 35-50 %. Легальная теневая экономика включает в себя уклонение от налогообложения путем минимизации и оптимизации. Разграничение двух понятий состоит в том, что налоговая оптимизация - это выбор оптимального сочетания построения правовых форм отношений в рамках действующего законодательства, т.е. осуществление налоговой оптимизации [4]. Основой налоговой оптимизации является полноценное и квалифицированное применение всех разрешенных законодательными актами льгот, знание и грамотное использование недостатков, существующих в налоговом и гражданском законодательствах, принимая во внимание позиции налогового администрирования, а также финансовой и инвестиционной политики государства с целью организовать систему налогообложения таким образом, чтобы достичь максимального финансового результата при минимальных затратах. Налоговая минимизация включает в себя стремление субъек-

тов оптимизировать налоговые платежи не всегда законным способом (налоговая минимизация). Это прямое уклонение от налогообложения любыми доступными способами.

Налоговая минимизация характеризуется совершаемыми при этом налоговыми преступлениями, которые включают в себя две группы преступных деяний: уклонение от уплаты налогов физического лица, уклонение от уплаты налогов предприятия. Как свидетельствует статистика, приведенная на сайте МВД РФ, львиная доля всех схем по уклонению от уплаты налогов организациями связана с осуществлением расчетов с подставными фирмами: учредитель и директор фактически отношения к деятельности этих организаций не имеют (предприятия оформлены по подложным документам), юридический адрес - фиктивный. То есть используется минимизация налогообложения любыми способами, при этом статистика хотя и говорит о снижении налоговых преступлений в 2009 г. по сравнению с 2008 г., однако потери государственного бюджета при этом существенны (см. таблицу).

Месяц	Количество выявленных налоговых преступлений, тыс. преступлений	Удельный вес в общем количестве экономических преступлений, %	Материальный ущерб, млн. руб.	Изменение по сравнению с аналогичным периодом 2008 года, % («+» - рост, «-» - снижение)
Январь	50,6	20,6	83,3	+5,8
Февраль	48,0	19,8	84,7	+2,3
Март	58,1	19,8	119,3	+3,0
Апрель	38,1	18,6	99,7	+1,2
Май	40,4	18,1	142,8	+1,0
Июнь	48,7	18,0	271,0	-0,7
Июль	28,0	17,1	155,5	-0,7
Август	26,3	16,4	139,0	-1,7
Сентябрь	35,3	16,1	68,0	-1,8
Октябрь	22,1	15,4	207,0	-2,3
Ноябрь	18,2	14,9	132,0	-3,7
Декабрь	15,0	14,3	250,0	-4,5
Итого за 2009 год	428,8	17,43	1752,3	-2,1

Статистика показывает, что в 2009 г. было совершено 428 тыс. налоговых преступлений, что составляет в среднем 17,43 % «чисто налоговых» преступлений в общем количестве правонарушений в экономической сфере. При этом они наносят наибольший ущерб: казна потеряла 1,75 млрд. руб. Доля же возвращенных в бюджет денежных средств за 2009 г. составила 264 млн. руб., т.е. на каждое раскрытое налоговое преступление доля по возврату денежных средств в бюджеты составили всего 15,06 %.

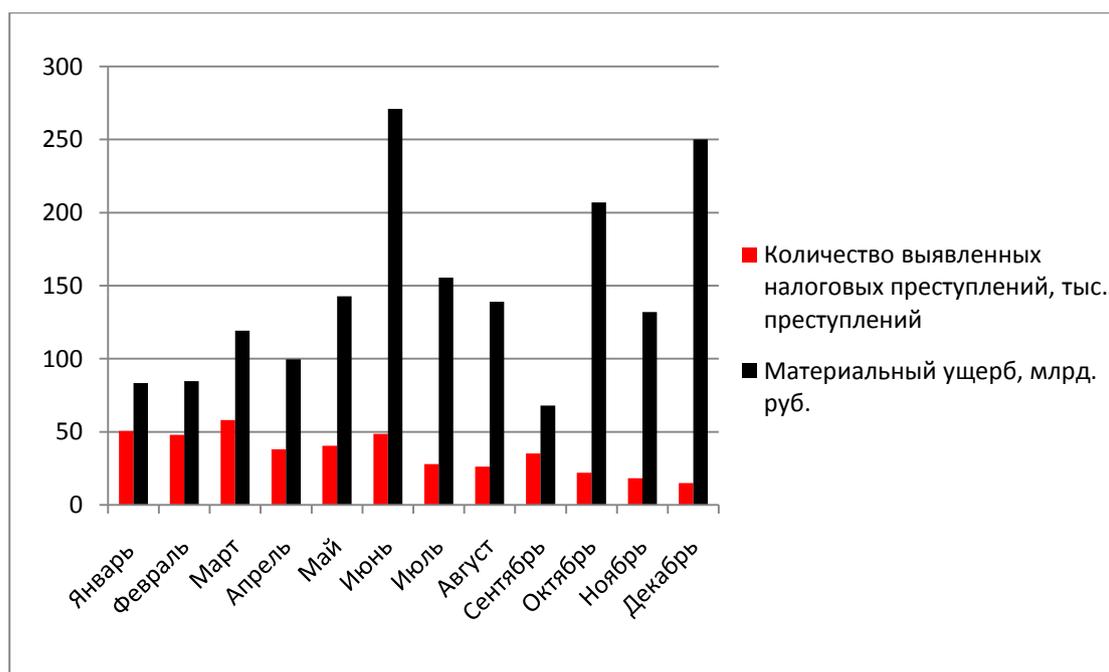

Рис. 2. Динамика соотношения количества выявленных преступлений и материального ущерба в 2009 году.

Как свидетельствуют данные статистики, основными способами совершения налоговых правонарушений являются: занижение объема реализованной продукции (41,3 %), сокрытие выручки от реализации продукции (13,7 %), завышение себестоимости (10,5 %), на них приходится почти 66 % всех выявленных правонарушений. Другие способы совершения налоговых нарушений встречаются значительно реже: осуществление коммерческой деятельности без лицензии (4 %), превышение предельно допустимой суммы при расчете наличными (3 %), осуществление финансовых операций с использованием счетов других предприятий по взаимной договоренности (1,8 %), ведение коммерческой деятельности без регистрации в налоговой инспекции (1,9 %) и др.

Наибольшее количество нарушений налогового законодательства в крупном и особо крупном размерах выявляется в промышленности (23,3 %), торговле (17,4 %), строительстве (17 %), сельском хозяйстве (11,6 %). Среди отраслей промышленности следует выделить пищевую (4,3 %), машиностроение и металлообработку (3 %), лесную, деревообрабатывающую и целлюлозно-бумажную (2,5 %). Доля нарушений налогового законодательства на транспорте составила 4,7 %, в кредитно-финансовой сфере - 2% от всех выявленных нарушений.

Наиболее криминогенными отраслями народного хозяйства по доле предприятий с выявленными нарушениями налогового законодательства в крупном и особо крупном размерах от общего количества предприятий являются: промышленность (0,8 % от общего числа предприятий отрасли), транспорт (0,7 %), строительство (0,6%), кредитно-финансовая сфера (0,4 %), сельское хозяйство (0,3 %), торговля (0,2 %). Более детальный анализ промышленной сферы свидетельствует о высоком уровне криминализации в топливно-энергетическом комплексе (14,7 % от общего числа предприятий ТЭК), в том числе добыча и переработка газа (27,1 %), нефтедобывающая промышленность (22,2 %), нефтеперерабатывающая промышленность (14,7 %), электроэнергетика (12,3 %), угольная промышленность (12,2 %). Уровень криминализации в лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности составил 6,1 %, черной металлургии - 4,2 %, цветной металлургии - 2 % (включая добычу и обогащение сырья) [6].

В череде налоговых преступлений 2009 г. есть ряд уголовных дел, возбужденных в отношении «народных избранников», которые подозреваются

в неуплате налогов. Так, во Владимирской области осужден депутат, не уплативший налоги, в Воронежской области предъявлено обвинение депутату, задолжавшему государству 314 тысяч рублей. И это далеко не полный перечень уголовных дел по налоговым преступлениям возбужденных в отношении тех, кто, наоборот, должен показывать пример соблюдения всех требований законодательства и способствовать положительному восприятию налогообложения.

В марте 2009 г. было возбуждено уголовное дело в отношении жителя Ставрополя по обвинению в неуплате налогов на сумму 20 млн. руб. Проведенной в ходе расследования проверкой было установлено, что в 2006 г., являясь председателем ТСЖ «Зодиак», он уклонился от уплаты налога путем внесения в налоговые декларации заведомо ложных сведений, а именно - умышленно не отразил в документах бухгалтерского учета и не включил в налоговую базу по налогу на прибыль с ТСЖ «Зодиак» доход, извлеченный в результате предъявления к оплате простых векселей Сбербанка России на сумму свыше 100 млн. рублей. В результате бюджет недосчитался налога на прибыль от организаций в сумме свыше 20 млн. рублей. В августе 2009 г. в Омске был обвинен в совершении налогового преступления почетный гражданин этого города, сумма неуплаченных налогов составляла свыше 20 млн. руб. В ходе расследования уголовного дела установлено, что он, будучи руководителем организации, в 2004 году при строительстве мостовых переходов в Омске уклонился от уплаты налога на добавленную стоимость в сумме свыше 20 млн. рублей.

Рост налоговых преступлений порождает и рост коррупционных действий со стороны чиновников, о чем говорит значительное количество «громких дел с серыми кардиналами». В числе выявленных в 2009 г. предполагаемых коррупционеров - 13 работников прокуратуры, восемь сотрудников судебного корпуса России, 27 сотрудников органов наркоконтроля, 100 - таможенных органов и почти 1,5 тысячи - сотрудников ОВД. Кроме того, к уголовной ответственности в прошлом году привлечено свыше двух тысяч работников органов исполнительной власти различного уровня, а также 67 представителей законодательных органов власти [7].

Таким образом, коррупция приводит к росту налоговых и экономических преступлений в стране, увеличению масштабов теневой экономики, поскольку когда гражданин руководствуется правилом «если что, договорюсь», на которое его подталки-

вают действия некоторых «серых кардиналов» то нельзя рассматривать государство как правопривлекательное, демократическое с развитой системой национальной безопасности.

В своем видеоблоге Президент РФ назвал коррупцию в России вековой традицией. Однако указал при этом, что коррупция свойственна государствам, которые вступили в переходную фазу экономического развития. Получается, что Россия постоянно находится в переходной экономической фазе. Возникает вопрос о необходимости завершения указанной фазы и перехода в фазу продвинутых демократических государств, в которых создана современная свободная экономика, достигнут высокий уровень жизни и, конечно, - что не менее важно, - очень развито правосознание. Для этого требуются радикальные перемены социально-политической структуры, действующей в РФ, повышение не только налоговой культуры граждан, но и правовой культуры в целом, совершенствование мер по противодействию легализации преступных доходов путем выявления всех путей легализации, оптимизация налоговой системы и налоговой политики государства с целью минимизации налогового бремени физических и юридических лиц, государственное регулирование социально значимых про-

ектов, государственное регулирование экономических отраслей, формирующих в значительной мере доходность федерального и регионального бюджета.

Указанные рекомендации позволят повысить социально-экономическую активность в стране и, как следствие, экономическую безопасность государства.

Литература

1. Ярочкин В. И. Информационная безопасность. М., 2006.
2. Шаваев А.Г. Безопасность корпораций. Криминологические, уголовно-правовые и организационные проблемы. М., 1998.
3. Кузнецов С.А. Стратегия национальной безопасности, М., 2008.
4. Гусева Т.А. Концепция налогового планирования // *Налоги* (газета). 2007. № 10.
5. Статистика сайта МВД РФ [Электронный каталог <http://www.mvd.ru>]
6. Статистика сайта ФНС РФ [Электронный каталог <http://www.nalog.ru/>]
7. Сайт «Налоги и налогообложение» [Электронный каталог http://nalogi.name/index_a_0.html]

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИСТОВ

УДК 808.5

Павлова Л.Г.

*Профессор Северо-Кавказской академии
государственной службы, канд. филол. наук*

РИТОРИЧЕСКИЕ КОМПЕТЕНЦИИ - ОСНОВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИСТА

Статья посвящена анализу риторических компетенций, необходимых современному специалисту в области юриспруденции для эффективной профессиональной деятельности.

Основное внимание уделяется различным аспектам культуры речи, технологиям речевой коммуникации, навыкам публичных выступлений, основам судебной речи, искусству убеждения.

The article handles the issues of the analysis of rhetorical competences that are necessary for a modern specialist in the field of jurisdiction for his or her efficient professional activity.

The major emphasis is laid upon different aspects of the culture of speech, techniques of speech communication, skills of public speeches, the foundation of judicial speech and the art of persuasion.

Ключевые слова: *Риторические компетенции, речевая культура, судебное красноречие, убеждающее воздействие, психолого-риторические технологии.*

Key expressions: *Rhetorical competences, the culture of speech, judicial eloquence, convincing effect, psychological and rhetorical techniques.*

Одной из основных задач модернизации российского образования является подготовка квалифицированного работника, конкурентоспособного на рынке труда, компетентного, ответственного, готового к эффективной работе по специальности на уровне мировых стандартов. В настоящее время особое внимание уделяется совершенствованию юридического образования в стране. Существенным признаком деловой квалификации современного юриста, показателем его профессиональной пригодности считается владение государственным языком Российской Федерации, эффективное использование устной и письменной речи в юридической практике. В связи с этим чрезвычайно актуальной представляется проблема риторического образования юристов, приобретение ими необходимых риторических компетенций.

Язык является важнейшим средством общения и воздействия, оптимизации всех видов человеческой деятельности, механизмом получения и обработки информации, инструментом социально управления. Юриспруденция относится к числу лингвоинтенсивных специальностей, юридическая деятельность принадлежит к сфере повышенной

речевой ответственности. Поэтому важно, чтобы обучаемые получили необходимые сведения о русском языке, его богатстве, ресурсах, формах реализации. Они должны знать, что представляет собой язык как знаковая система, каковы его функции и стилистические разновидности. Это позволит будущим специалистам сознательно пользоваться языком в своей профессиональной деятельности, правильно выбирать речевые средства в соответствии с ситуацией общения и коммуникативными задачами, поможет корректно построить научный, публицистический, официально-деловой текст и т.д.

Следует иметь в виду, что речевая практика юристов является отражением социальных и культурных процессов, происходящих в жизни российского общества в последние десятилетия.

«На переломе тысячелетий человечество переживает революцию в своем коммуникативном существовании, которую вряд ли можно было предотвратить, хотя многим не хочется ее ни понимать, ни принимать. В жизнь ворвались атомные реакторы, реактивные самолеты, космические станции, клонирование, геновая инженерия, компьютеры, и, как бы ни возмущался наш русский лингвистический и

лингвоцентрический консерватизм, наука и техника радикально изменят языковое существование, характер общения» [1, с. 145].

Новые условия функционирования русского языка (многочисленность и разнообразие состава участников коммуникации, отсутствие цензуры, преобладание спонтанной речи, разнообразие ситуаций общения и т.д.), тенденции его развития (демократизация, либерализация и даже вульгаризация литературного языка; «олитературивание» терминов; чрезмерные и не всегда оправданные заимствования из английского языка) привели к значительным сдвигам в современном русском литературном языке. К основным из них относятся: размытость границ литературного языка, активное проникновение в него жаргонизмов, диалектизм, профессионализм, просторечия; расшатывание норм литературного языка, интенсификация языковых изменений и т.д.

В настоящее время в жизни языка и общества наблюдаются два противоположных процесса: один – разрушает традиции, нормы, стандарты (энтропизация), другой – упорядочивает явления, создает новые структуры, модели, образцы (деэнтропизация).

В этих условиях речевое поведение юристов должно отличаться здоровым консерватизмом, не выходить за рамки культурного поля языкового существования. А это, безусловно, требует повышения их языковой компетентности.

В процессе обучения особое внимание следует уделить повышению речевой культуры студентов юридических вузов. Требуется тщательная работа, направленная на овладение бакалаврами действующих норм литературного языка. Как показывает опыт работы с чиновниками, наиболее типичными в их речи являются ошибки, связанные именно с нарушениями литературной нормы на всех уровнях языка – фонетическом, лексическом, грамматическом.

Эти ошибки, т.е. отступления от норм литературного языка, по словам С.И. Ожегова, автора знаменитого «Словаря русского языка», являются «лакмусовыми бумажками», своеобразными культурно-речевыми тестами для говорящих / пишущих, определяющими низкий уровень их культуры речи. Характеризуя ошибки этого типа, авторы книги «Не говори шершавым языком» (Горбаневский М.В., Караулов Ю.Н., Шаклеин В.М.) четко сформулировали необходимое отношение к ним: «Это надо выучить и знать!»

Большую помощь в овладении нормами литературного языка оказывают лингвистические словари

и справочники. Юристы должны иметь навыки работы с ними и активно использовать в профессиональной деятельности.

К сведению, в 2010 году планируется издать Комплексный нормативный словарь современного русского языка. Это будет специально-ориентированное издание, направленное на научно-информационное обеспечение закона о государственном языке Российской Федерации.

Важным показателем речевой культуры говорящего считается его словарный запас. Чем богаче тезаурус человека, чем шире база его речевой деятельности, тем точнее выражает он свои мысли, тем адекватнее восприятие им смысла получаемого сообщения, эффективнее речевое воздействие. «Уточняйте значения слов, и вы избавите мир от половины заблуждений», – утверждал Декарт.

По данным лингвистов, в настоящее время при более высокой образованности носителей языка очень большой «лингвистический индекс» получает семантическое непонимание слов. Это связано с особенностями лингвокультурной ситуации в современной России, широким пополнением языка новыми словами из управленческой, производственной, экономической, финансовой и других сфер. Как показывают исследования, многие слова, вошедшие в обиход, остаются непонятными для большинства граждан, что, естественно, отражается на качестве коммуникационного обмена.

В процессе общения довольно распространено явление «иллюзия понятности», то есть несоответствие нашего понимания смысла слова его действительному содержанию при уверенности в правильном понимании этого слова. «Иллюзия понятности», как правило, связана с восприятием слов, которые часто используются средствами массовой информации. К ним прежде всего относятся общественно-политическая лексика, которая постоянно звучит в передачах радио и телевидения, в публичных выступлениях, широко представлена на страницах периодической печати. Воспринимая знакомое звучание слова, человек не вдумывается в его смысл, не вникает в суть понятия.

Следует учитывать и новое явление, с которым в последнее время нередко приходится сталкиваться в ходе коммуникации. Оно получило название «неполное понимание». Как справедливо пишет М. Кронгауз, «... и мир, и язык изменяются настолько быстро, что мы в принципе не можем понять все. <...> Непонятные слова пронизывают все сегодняшние тексты и жанры: песни, романы, статьи, да что там говорить, нашу обыденную речь. Иногда за

ними скрываются незнакомые и непонятные вещи, а иногда, наоборот, что-то близкое и знакомое, названное по прихоти пишущего как-то непривычно» [2, с. 148-149].

Эта коммуникативная стратегия неполного понимания, конечно, является средством приспособления в стремительно меняющемся мире, однако она неизбежно ведет к снижению эффективности речевого взаимодействия.

Устные и письменные опросы студентов, выступления их с сообщениями свидетельствуют об ограниченности их лексикона, поэтому требуется целенаправленная работа по расширению словарного запаса, созданию основательной базы для речевой деятельности.

Серьезное внимание нужно уделить коммуникативному аспекту культуры речи. Студенты должны понимать, что культура речи не может быть сведена к перечню запретов и определений «правильно – неправильно». Культура речи вырабатывает навыки отбора и употребления языковых средств, необходимых для конкретной цели. В соответствии с требованиями коммуникативного аспекта речи носители языка должны владеть функциональными разновидностями языка, а также ориентироваться на прагматические условия общения, которые существенно влияют на оптимальный для данного случая выбор и организацию речевых средств. Необходимо познакомить учащихся с основными коммуникативными качествами речи (логичность, правильность, точность, понятность, уместность, чистота, выразительность, эмоциональность); показать, как учитывать их в процессе речевого взаимодействия; убедить, что выбор речевых средств с учетом коммуникативной целесообразности повышает эффективность общения, усиливает действенность устного слова.

Работая над повышением речевой культуры обучаемых, нельзя упустить из виду и этический аспект, предписывающий знание и применение правил языкового поведения в реальной ситуации. Под этическими нормами общения понимается прежде всего речевой этикет (речевые формулы приветствия, просьбы, вопроса, благодарности, поздравления и т.п.; обращение на «ты» и «вы»; выбор полного или сокращенного имени, формы обращения и др.). На использование речевого этикета большое влияние оказывают внелингвистические факторы: возраст участников речевого акта, их социальный статус, характер отношений между ними (официальный, неофициальный, дружеский, интимный), время и место речевого взаимодействия и т.д. Эти-

ческий компонент культуры речи накладывает строгий запрет на сквернословие в процессе общения, осуждает разговор на «повышенных тонах».

Использование этикетных речевых оборотов помогает собеседникам устанавливать контакт и взаимопонимание, создавать благоприятную психологическую обстановку, поддерживать общение в определенной тональности в соответствии с социальными ролями участников. К сожалению, в последнее время нередко приходится сталкиваться с пренебрежительным отношением к этическим нормам даже в образованных кругах, в официальных сферах, в юридической практике.

Чрезвычайно актуальной на сегодняшний день остается проблема вульгаризации речевой практики. Употребление сниженной, вульгарной, жаргонной лексики в официальном общении, безусловно, недопустимо. Это не так безобидно, как может показаться на первый взгляд. Многие лингвисты убеждены, что «засорение языка подобными словами – это не только отражение криминализации общества, но и свидетельство активного проникновения криминальных элементов в общественную и политическую жизнь страны. Кроме того, эти слова несут в себе «заряд» психологии и мировоззрения криминального мира» [3, с. 33].

Как подчеркивают социальные психологи, слова и выражения, которыми мы пользуемся, определяют и создают нашу картину мира, формируют установки, направляют мысли, чувства, воображение и поступки [4].

Циничное использование языка деструктивно: оно неизбежно приводит к духовной деформации личности, влечет за собой аморальные действия, унижает человеческое достоинство, наносит материальный ущерб.

Трудно не согласиться с автором статьи «Великий и могучий язык чиновника»: «Превращение блатного жаргона в форму повседневного общения, а то и публичных выступлений политиков самого высокого ранга, – пишет он, – не могло не наложить свой отпечаток на культуру политических элит. <...> На мой взгляд, именно блатные элементы в культуре политических элит позволяют власть имущим месяцами задерживать зарплату или вовсе не оплачивать заказанную и использованную работу. В криминальной среде существует механизм разрешения конфликтов в этой сфере: можно «кинуть» и нарваться на чужую «крышу», «разборки», «стрелки» и т.п. Но как быть, если «кидает» официальный государственный орган?» [5].

Юристы, административные работники должны уметь предвидеть возможные последствия подобного речевого поведения и нести моральную и социальную ответственность за свои слова и принимаемые решения.

В процессе обучения значительное внимание необходимо уделить изучению технологий эффективной речевой коммуникации с учетом достижений таких наук, как психолингвистика, теория речевого воздействия, теория речевых актов, прагматика, нейролингвистическое программирование и др. В процессе речевого взаимодействия недостаточно знать только язык. Собеседники должны придерживаться определенных принципов, правил ведения разговора, которые позволяют координировать их действия и высказывания. Эти правила составляют конвенциональную основу вербального взаимодействия.

Как отмечают исследователи, «языковая данность речевое общение во многом формируется неязыковыми факторами и конструирует внеязыковые сущности: отношения, действия, состояния, эмоции, знания, убеждения и т.д. Поэтому и успешность речевого общения, и неудачи далеко не всегда зависят от выбора говорящими языковых форм» [6, с. 68]. Большое значение приобретает характер речевой ситуации, социальный статус собеседников, особенности их психологии и т.д. Целесообразно на занятиях со студентами проработать организационные принципы речевой коммуникации (принцип последовательности, принцип предпочитаемой структуры, принцип сотрудничества, принцип вежливости); рассмотреть условия, способствующие эффективному обмену информацией и осуществлению коммуникативной цели; проанализировать, какие межличностные барьеры препятствуют коммуникации, какую роль играют невербальные средства общения.

Специалист в области юриспруденции должен хорошо владеть навыками публичной речи. Юристам нередко приходится выступать на собраниях, заседаниях, конференциях, симпозиумах, перед населением по правовым и иным вопросам. Все это требует хорошего знания основ ораторского мастерства и большого опыта публичных выступлений. Следовательно, студенты должны научиться самостоятельно готовить публичную речь, уметь выступить в аудитории, установить контакт со слушателями, оказать на них желаемое воздействие.

Россия всегда славилась блестящими судебными ораторами. Речи выдающихся русских юристов – К.К. Арсеньева, Н.П. Карабчевского, А.Ф.

Кони, Ф.Н. Плевако, В.Д. Спасовича, А.И. Урусова и многих других – обладали огромной силой воздействия, приковывали внимание широкой общественности. Поэтому важнейшей задачей риторического образования сегодня является возрождение традиций школы русского судебного красноречия, осознание ценности отечественного риторического идеала, который восходит к риторическому идеалу сократического типа, к платоновским диалогам, а также изучение специфики современной судебной речи, ее особенностей как официальной профессиональной речи.

Обучаемые должны научиться анализировать текст судебной речи с риторической точки зрения (структура речи, система доказательств, коммуникативные стратегии и тактики, ораторские и полемические приемы, средства речевой выразительности и т.п.) и овладеть навыками подготовки обвинительных и защитительных речей с учетом специфики осудительной и оправдательной аргументации.

«Судебное красноречие, – писал выдающийся судебный оратор Н.П. Карабчевский, – красноречие особого рода. На него нельзя смотреть лишь с точки зрения эстетики. Вся деятельность судебного оратора – деятельность боевая. Это вечный турнир перед возвышенной и недостижимой «дамой с повязкой на глазах» [7, с. 12].

Цель судебной речи – способствовать формированию внутреннего убеждения судей, убедительно и аргументированно воздействовать на профессиональных и иных участников процесса, присяжных заседателей, присутствующих в зале суда граждан.

Необходимо донести до обучаемых, что судебный зал является той лабораторией, где формируется общественное мнение. Известный юрист А.Ф.Кони писал, что «деятели судебного заседания не должны забывать, что суд, в известном отношении, есть школа для народа, из которой, помимо уважения к закону, должны выноситься уроки служения правде и уважения к человеческому достоинству» [8, с. 66].

Необходимо также иметь в виду, что судебная речь, как справедливо отмечают исследователи, это не просто уголовно- или гражданско- процессуальное действие, а творческий процесс, требующий от выступающего не только юридических знаний, но и владения риторическими навыками и умениями, ораторским искусством, большой, напряженной работы над собой.

«Красноречивым будет тот, – утверждал Цицерон, – кто на форуме и в гражданских процессах

будет говорить так, что убедит, доставит наслаждение, подчинит себе слушателя. Убеждение вызывается необходимостью, наслаждение зависит от приятности речи, в подчинении слушателя – победа» [9, с. 26].

Эти слова замечательного римского судебного оратора очень актуальны в современных условиях реформирования судебной системы.

Особую значимость в речи судебного оратора приобретает искусство убеждения. Как известно, расследуемое преступление является событием прошлого. Истина по делу устанавливается опосредованным путем: собираются различного рода улики, моделируется картина происшедшего, составляются психологические портреты причастных к делу лиц, выдвигаются и проверяются возможные версии т.д. Поэтому многие доказательства, собранные в ходе расследования, носят вероятностный характер.

В судебном доказывании нет четкой грани между вероятностью и достоверностью, а достоверность может быть представлена как очень высокая степень вероятности.

Оценка степени вероятности / достоверности доказательств – дело весьма сложное, проблематичное. Никакой универсальной методики, алгоритма выполнения этой процедуры, пригодного для всех случаев доказывания, не существует, и вряд ли они когда-нибудь будут созданы. Хотя попытки формализации оценки доказательств известны в истории, но они были отвергнуты из-за большого количества ошибок. Поэтому сегодня во всем мире основной оценки доказательств принято внутреннее убеждение [10, с. 82-83].

Однако следует иметь в виду, что внутреннее убеждение во многом зависит от интеллектуального и эмоционального потенциала индивида, уровня его образованности, правосознания, способности аналитически мыслить, жизненного опыта, знания менталитета, нравов и обычаев людей разных социальных слоев и т.д., а оценка достоверности и достаточности доказательств содержит существенную долю субъективности. Когда доказательства неоднозначны, участники судебного процесса склонны интерпретировать их в соответствии со своими, порой предвзятыми, мнениями. Поэтому важнейшим фактором, влияющим на юридический исход дела, становится убеждение.

«Если где-либо вообще существует обстановка, специально созданная для убеждения людей, то именно в зале суда, – так начинают главу «В зале суда: битва за умы» в своей книге по социально-

му общению известные американские психологи Ф.Зимбардо и М. Ляйппе. – Судебные адвокаты, вне всяких сомнений, являются коммуникаторами, цель которых – убедить аудиторию (присяжных или судью) согласиться с определенным мнением (виновен или невиновен) об объекте дискуссии (подсудимом). Чтобы аудитория приняла его точку зрения, адвокат должен повлиять на множество мнений присяжных, касающихся обвиняемого, свидетелей обвинения и защиты, обстоятельств преступления, убедительности вещественных доказательств, алиби и тому подобного, а также на характер восприятия ими материалов дела» [11, с. 334].

Большое влияние на процесс убеждающего воздействия оказывают различного рода психологические технологии и полемические приемы, описанные специалистами в области юридической психологии, теоретиками и практиками судебного красноречия. Безусловно, они должны стать обязательной составной частью риторического образования юристов.

Следует подчеркнуть, что на процесс организации речевого общения решающее воздействие оказывают нравственные установки личности. Поэтому риторическое обучение необходимо сопровождать этическим просвещением и нравственным воспитанием. Будущие юристы должны осознавать важность нравственных начал в деятельности судебного оратора, слова которого могут оказать существенное влияние на судьбу человека, доказать его виновность или невиновность. «В области судебного состязания, – писал А.Ф. Кони, – <...> можно и даже должно говорить об этической подкладке судебного красноречия, для истинной ценности которого недостаточно одного знания обстоятельств дела, знания родного слова и умения владеть им и следования формальным указаниям или ограничениям оберегающего честь и добрые нравы закона. Все главные приемы судебного красноречия следовало бы подвергнуть своего рода критическому пересмотру с точки зрения нравственной дозволенности их. Мерилом этой дозволенности могло бы служить то соображение, что цель не может оправдывать средства и что высокие цели правосудного ограждения общества и вместе защиты личности от несправедливого обвинения должны быть достигаемы только нравственными способами и приемами» [8, с. 66].

Известно, что положение юриста, в том числе судебного оратора, с точки зрения этических условий деятельности очень непростое. Нередко он оказывается в центре сложных коллизий права и мо-

рали. Он, безусловно, должен быть одновременно блюстителем закона и высоконравственной личностью, образцом гражданственности и нравственности для всех, с кем ему приходится общаться и взаимодействовать. Законность и нравственность – вот та духовная атмосфера, в которой должен действовать юрист. Судебные ораторы, выполняющие свой долг перед законом и совестью, обязаны опираться на нравственные принципы, лежащие в основе профессиональной деятельности юриста: честность, компетентность, порядочность.

Литература

1. *Костомаров В.Г.* Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. М., 2005.
2. *Кронгауз М.* Русский язык на грани нервного срыва. М., 2008.
3. *Панова М.Н.* Этика речевого общения на государственной службе // *Русская речь*. 2002. № 5.
4. *Аронсон Э., Пратканис Э.Р.* Этика пропаганды: Механизмы убеждения. СПб., 2002.
5. *Разлогов К.* Великий и могучий язык чиновника // *Культура*, 13-19 января 2005 года.
6. *Культура русской речи: Учебник для вузов.* М., 1999.
7. *Смолярчук В.И.* Гиганты и чародеи слова. М., 1994.
8. *Кони А.Ф.* Собрание сочинений. В 8 т. М., 1967.
9. Цит. по: *Русская риторика. Хрестоматия / Авт.-сост. Л.К. Граудина.* М., 1996.
10. *Орлов Ю.К.* Основы теории доказательства в уголовном процессе: Научно-практическое пособие. М., 2000.
11. *Зимбардо Ф., Ляйппе М.* Социальное влияние. СПб., 2000.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Шансугова М. Д.

*Преподаватель Северо-Кавказской
академии государственной службы*

ТРЕТЬИ КУДРЯВЦЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ»

12 мая 2010 г. в Институте государства и права Российской академии наук состоялись ставшие традиционными Третьи Кудрявцевские чтения, посвященные памяти выдающегося отечественного ученого-юриста, академика РАН В.Н. Кудрявцева.

В этом году чтения были посвящены теме: Государственный и общественный контроль в Российской Федерации: состояние и перспективы развития».

Чтения проходили при участии представителей Администрации Президента РФ, Федерального Собрания РФ, Комиссии по законодательному обеспечению противодействия коррупции Государственной Думы, Комитета по судебным правовым вопросам Совета Федерации, Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Счетной палаты РФ, Федеральной антимонопольной службы, Ассоциации юристов России, Ассоциации российских банков, Ассоциации работников правоохранительных органов и спецслужб РФ, Адвокатской палаты г. Москвы, Института актуального образования «ЮрИнфорР-МГУ», НИИ Федеральной службы исполнения наказаний, Академии управления МВД РФ.

Открыли чтения вступительными словами вице-президент Российской академии наук Александр Дмитриевич Некипелов и директор Института государства и права Российской академии наук Андрей Геннадьевич Лисицын-Светланов. В своих обращениях к участникам чтений они отметили значительный вклад Владимира Николаевича Кудрявцева в юридическую науку.

В ходе дискуссии участники чтений рассмотрели следующие вопросы:

- Контрольная ветвь власти - реалии и перспективы развития;
- Проект Федерального закона «О государственном контроле»: концепция и перспективы развития;

- Практика государственного и общественного контроля в Российской Федерации;
- Проблемы законодательного обеспечения государственного и общественного контроля в Российской Федерации;
- Государственный и общественный контроль в сфере здравоохранения и социального развития;
- Антимонопольный контроль;
- Государственный и общественный контроль в сфере борьбы с преступностью;
- Государственный и общественный контроль в сфере образования и науки;
- Вопросы ответственности за воспрепятствования осуществлению государственного и общественного контроля;
- Причины и условия недостаточной эффективности государственного и общественного контроля;
- Зарубежная практика законодательного регулирования и реализации мер государственного и общественного контроля.

Доклады и выступления участников чтений были посвящены контролю в различных сферах.

Первый заместитель председателя Верховного Суда РФ, к.ю.н. П.П. Серков в своем выступлении затронул проблему контрольных функций судов общей юрисдикции. Особый интерес вызвало выступление заместителя директора ИГП РАН, д.ю.н., проф. Н.Ю. Хаманевой об административной юстиции как способе обеспечения контроля над публичной властью. По мнению Н.Ю. Хаманевой, административная юстиция - комплексный правовой институт, главной задачей которого является осуществление судебного контроля за законностью нормативных правовых и индивидуальных (административных) правовых актов, принимаемых органами публичной власти (прежде всего органами исполнительной власти и органами местного самоуправления) и должностными лицами этих органов.

По сути дела, административная юстиция есть судебный контроль за деятельностью публичной администрации в ее взаимоотношениях с гражданами и организациями, т.е. с неподчиненными субъектами. Н.Ю. Хаманева отметила также необходимость создания специального процессуального акта для обеспечения деятельности административных судов.

Доктор юридических наук, проф. Е.Ю. Грачева обратила внимание на актуальность совершенствования государственного финансового контроля, как по линии построения единой системы государственного финансового контроля, так и по линии совершенствования законодательства, страдающего несовершенством юридической техники. В качестве примера Е.Ю. Грачева привела понятие бюджетного правоотношения, данного в ст.1 Бюджетного кодекса РФ, где бюджетные *правоотношения* определяются как *отношения*, возникающие между субъектами бюджетных правоотношений. Было высказано мнение о важности построения единой системы финансового контроля в Российской Федерации. Отсутствие четкого понимания целей и задач такого контроля приводит к несогласованности действий различных органов, осуществляющих финансовый контроль. В ходе дискуссии один из участников сделал замечание об отсутствии финансового контроля в различных сферах экономики, а в ряде случаев и об отсутствии возможности проконтролировать движение денежных потоков. Были рассмотрены зарубежное регулирование государственного финансового контроля, а также способы построения системы государственного финансового контроля в зарубежных странах. По мнению Е.Ю. Грачевой, наиболее эффективными являются финансовые системы, в которых высшим

органом государственного финансового контроля выступают счетные палаты.

Общественному контролю уголовно-исполнительной системы, его состоянию и проблемам развития было посвящен доклад начальника НИИ Федеральной службы исполнения наказаний, д.ю.н., проф. В.И. Селиверстова. О перспективах развития системы государственного контроля и надзора в сфере здравоохранения и социального развития и необходимости совершенствования законодательства в этой сфере в своем докладе сообщил заведующий сектором уголовного права и криминологии ИГП РАН, д.ю.н., проф. С.В. Максимов.

Также были заслушаны выступления проф. Ганса-Йорга Альбрехта, директора Института зарубежного и международного уголовного права им. Макса Планка о безопасности и терроризме, выступление д.ю.н., проф. В.В. Лунеева «Социально-правовой контроль преступности и его эффективность», д.ю.н., проф. Л. Д. Гаухмана, посвященное проблемам нестабильности законодательства и уголовно-правовому контролю за преступностью, а также выступление д.ю.н., проф. С.Г. Келиной о значении административно-правового контроля в сфере борьбы с преступностью.

Была отмечена также эффективность работы Кудрявцевских чтений. Об этом говорит тот факт, что более 50 процентов рекомендаций, выработанных участниками Вторых Кудрявцевских чтений, были воплощены в законодательстве за прошедший год.

По итогам Третьих Кудрявцевских чтений по традиции в свою очередь будут составлены рекомендации федеральным органам государственной власти.

ДИССЕРТАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Редакция журнала открывает новую рубрику, посвященную анализу диссертационных исследований, и обращается к читателям с предложением направлять материалы, наиболее интересные с научной точки зрения, относящиеся к данной теме, в адрес редакции для их опубликования в установленном порядке.

УДК 343.3

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию А.М. Мартиросьяна
«Насильственные половые преступления в отношении
несовершеннолетних (уголовно-правовой и криминологический
аспекты)», представленную на соискание ученой степени кандидата
юридических наук (по специальности – 12.00.08)

Актуальность избранной темы сомнений не вызывает и обусловлена следующими обстоятельствами. *Во-первых*, характером и общественной опасностью насильственных сексуальных преступлений против несовершеннолетних, которые отнесены к категории особо тяжких преступлений. За их совершение может быть назначено суровое наказание в виде лишения свободы на срок от 8 до 20 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью сроком до 20 лет или без таковой. *Во-вторых*, применением садистских форм физического насилия, пыток, истязаний и мучений, глумлением над потерпевшими, угрозами их жизни и здоровью, использованием беспомощного состояния не только жертв, но и «других лиц»¹. *В-третьих*, состоянием и динамикой насильственной сексуальной преступности, особенно в отношении несовершеннолетних и малолетних за последние годы, когда происходит рост как числа зарегистрированных преступлений, так и выявленных лиц, их совершивших². *В-четвертых*, высокой латентностью преступлений в стране, которая, по оценкам экспертов, в 2008 г. составила 1:8. Что же касается насильственных сексуальных преступлений против несовершеннолетних, их латентность, по нашему мнению, значительно выше. *В-пятых*, необходимостью дальнейших научных разработок насильственных преступлений в этой сфере. Этими обстоятельствами и определяется актуальность избранной темы и выбор ее диссертантом.

Научная новизна выражается как в выборе самой темы исследования, так и в нетрадиционном

¹ Более подробно см.: Борьба с преступным насилием: Материалы научно-практической конференции, 26. 09. 2008 г. М., 2008).

² Дьяченко А., Колоскова И. Насильственные преступления против личности в государствах-участниках СНГ в 2005-2008 гг. и в первом полугодии 2009 г. (статистический анализ) // Уголовное право. 2009. № 6. С. 97-102.

подходе к осмыслению и разработке ее теоретических и прикладных проблем. В настоящей работе системно, комплексно и на монографическом уровне изучены уголовно-правовые и криминологические проблемы ответственности за сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних. В частности, сформулированы и обоснованы отличающиеся научной новизной доктринальные и законодательные выводы и предложения. Общую часть УК РФ автор предлагает дополнить новыми обстоятельствами, как смягчающими, так и отягчающими наказание (ст.ст. 61, 63); ввести в раздел VI УК новую главу 15.2 о лишении родительских прав, прав на опеку или попечительство и др. В Особой части УК РФ предлагается рассматривать инцест в качестве нового квалифицирующего признака насильственных сексуальных преступлений и др. Наиболее удачно научная новизна избранной темы и самой работы раскрывается в нескольких положениях (№№ 1, 4, 6, 10-12), выносимых на защиту.

Можно констатировать, что цели и задачи настоящего исследования в основном достигнуты. Работа написана в соответствии с планом, позволяющим полно и глубоко рассмотреть проблемы, входящие в предмет исследования. Обоснованность и достоверность научных положений, выводов и предложений, сформулированных в диссертации, обеспечены солидной методологической, нормативной и эмпирической базами, применением апробированных наукой и практикой общенаучных и частных методов исследования, репрезентативным отбором эмпирического материала, включающего статистический анализ насильственных сексуальных преступлений в отношении несовершеннолетних за последние 10 лет, сбор, обобщение и изучение уголовных дел данной категории, опросы различных групп респондентов (научных и практических работников, несовершеннолетних жертв

этих преступлений и др.).

К очевидным достоинствам настоящей работы можно отнести: историко-правовой анализ законодательных и иных нормативных актов об уголовной ответственности за насильственные сексуальные преступления против несовершеннолетних; анализ международной Конвенции о правах ребенка; доктринальное видение и обоснование объектов и способов совершения этих преступлений; обширный перечень отечественных ученых-криминалистов, занимавшихся разработкой этой проблемы; анализ содержания и признаков отдельных терминов, включаемых в объективную сторону сексуальных преступлений: «половая свобода», «половая неприкосновенность», «потерпевший», «другие лица», «половое сношение», «мужеложство», «лесбиянство», иные действия сексуального характера и др.; анализ состояния, структуры и динамики насильственных сексуальных преступлений против несовершеннолетних по стране и в Ростовской области с 1999 по 2008 г. (см. диаграммы, графики, приложения № 1-10); криминологически значимые особенности личности и поведения преступника и виктимных потерпевших; изучение опыта отдельных зарубежных государств (стран Балтии и СНГ); солидная библиография по избранной теме и др.

Вместе с тем в настоящей работе содержатся спорные выводы, положения и предложения, которые, по нашему мнению, нуждаются в конкретизации и дополнительной аргументации.

1. Так, автор обобщил и изучил большой фактический материал об истории развития уголовного законодательства России об ответственности за насильственные сексуальные преступления против несовершеннолетних (с. 18-34). Вместе с тем отдельные законодательные акты проанализированы не были. Работа, бесспорно, выиграла бы, если бы в ней было использовано как дореволюционное законодательство (напр., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г.), так и советское (напр., Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г.; Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 г.; Постановление Президиума ЦИК СССР от 17 дек. 1933 г. об уголовной ответственности за мужеложство; Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г.; Основы уголовного законодательства СССР и республик 1991 г.).

2. В доктрине уголовного права России традиционно признается, что родовым объектом преступлений, предусмотренных гл. 18 Особенной части УК, является личность, ее права и свободы

(реже – безопасность личности), видовым объектом – половая неприкосновенность и половая свобода личности, а непосредственным объектом – объект конкретного сексуального преступления. Такая «четырёхзвенка» при классификации объектов ныне составляет теоретическую основу квалификации сексуальных преступлений.

В этой связи вряд ли можно согласиться с мнением о том, что основным объектом сексуальных преступлений в отношении несовершеннолетних надлежит считать интересы их развития (физиологического, психического, нравственного, полового), а дополнительными или факультативными – половую неприкосновенность и половую свободу (с. 11-12 и др.). В заключении (п. 3) автор пишет об этом уже иначе: «в качестве дополнительных и факультативных объектов выступают здоровье, честь, достоинство, ...самым важным объектом уголовно-правовой охраны при насильственных половых преступлениях против несовершеннолетних ... нужно признавать интересы их гармоничного развития, а не половую неприкосновенность или, тем более, половую свободу» (с. 196-197). Здесь видна не только ошибочность, но и противоречивость авторской позиции.

3. Вызывает сомнение обоснованность позиции, согласно которой, преступление, предусмотренное ст. 133 УК, отнесено к насильственным сексуальным преступлениям (с. 143-146 и др.). Понятно, что понуждение – не принуждение и не всякое понуждение – криминально и влечет за собой уголовную ответственность. Она возможна лишь в тех случаях, когда при понуждении виновный применяет противоправные способы, предусмотренные УК, которые, однако, не включают в себя ни физическое насилие, ни угрозы его применения, что характеризует любое насильственное преступление, в том числе и сексуального характера.

По существу, понуждение – это не насильственное сексуальное преступление (как ошибочно полагает автор), а недобровольное. Не зря ведь законодатель отнес его к категории преступлений небольшой тяжести (лишение свободы на срок до одного года), и в настоящее время обсуждается вопрос о его декриминализации. В связи с изложенным вряд ли оправданно включать понуждение в группу насильственных сексуальных преступлений, предусмотренных ст. 131, 132 УК России.

4. Автор предлагает конструировать квалифицированные составы насильственных сексуальных преступлений против несовершеннолетних не по признаку календарного возраста, а на основе инди-

видуального «недостижения потерпевшим половой зрелости» (с. 13, 154-160, 198 и др.). Кроме того, предлагается вернуть в УК признак «заведомость» в отношении несовершеннолетнего лица в составах насильственных сексуальных преступлений (с. 13, 154-160, 198 и др.).

Представляется, что с этими выводами и предложениями сложно согласиться по многим причинам: половая зрелость – такое физиологическое состояние организма женщины, когда он способен полностью выполнять сексуальные функции. Этот процесс не является одномоментным, он длится несколько лет. Определяется половая зрелость исключительно судмедэкспертизой. Однако даже судебному медику не всегда представляется возможным достоверно установить достижение потерпевшей половой зрелости на момент совершения сексуального преступления. Тем более нельзя возлагать на подозреваемого (обвиняемого), совершившего сексуальное посягательство в условиях неочевидности, обязанность решения столь сложного специального вопроса: достигла ли потерпевшая или нет половой зрелости. С неизбежностью это может привести (и приводило ранее) к объективному вменению. Передача же решения этого вопроса вновь в компетенцию медицинского сообщества ныне чревата мощной коррупционной составляющей.

Напротив, сохранение возрастного критерия имеет серьезные преимущества: исключает возможность объективного вменения; облегчает процесс доказывания вины обвиняемого по уголовному делу; не затягивает сроков расследования и судебного рассмотрения, обеспечивает правильную квалификацию содеянного и индивидуализацию наказания за него. Уголовное законодательство зарубежных стран, в том числе и европейских, также использует лишь возрастной критерий. Действующий же УК России лишь в 1996 г. взял его за основу, обоснованно отказавшись от критерия половой зрелости, в связи с чем нет оснований вновь к нему возвращаться.

Что же касается признака «заведомости», то он отсутствует в уголовном законодательстве зарубежных стран и в августе 2009 г. был обоснованно исключен из УК России. Представляется, что возврат этого признака в национальное уголовное законодательство будет наихудшим законодательным решением, поскольку он существенно нарушает права и свободы потерпевших на защиту, а также позволяет виновному избежать более строгой ответственности и наказания за содеянное.

Данные замечания, на наш взгляд, не влияют на общую положительную оценку проделанной рабо-

ты. В автореферате изложены основные положения, выводы и предложения, сформулированные в самой диссертации, которая оформлена надлежащим образом.

Результаты настоящего исследования получили апробацию в шести научных статьях (объемом около 2,0 п.л.), одна из которых опубликована в издании, рекомендованном ВАК (2007). Внедрение результатов исследования было осуществлено в учебный процесс юридического факультета Ростовского государственного экономического университета «РИНХ». Результаты настоящего исследования могут быть использованы при подготовке законодательных актов по совершенствованию УК России, в практической деятельности правоохранительных органов и судов, в учреждениях высшего профессионального юридического образования, в научно-исследовательской работе по избранной теме, в правозащитной деятельности.

Настоящая работа свидетельствует о личном вкладе автора в разработку доктрины, законодательства и практики уголовного права России о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Диссертация представляет собой самостоятельное, творчески завершенное монографическое исследование, отличающееся актуальностью, научной новизной, имеющее существенное теоретическое и практическое значение для решения проблем уголовной ответственности, квалификации и наказания за насильственные сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних и для их предупреждения.

С учетом изложенного, можно сделать заключение о том, что диссертация А.М. Мартыросьяна «Насильственные половые преступления в отношении несовершеннолетних (уголовно-правовой и криминологический аспекты)» соответствует критериям, предусмотренным ст. 8,9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» (2002, 2006), а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук (по специальности – 12.00.08).

Официальный оппонент:

А.П. Дьяченко

*доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник
НИИ ФСИН России (Москва)*

ПЕРСОНАЛИИ

ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ БАРАНОВУ – 60 лет

14 мая 2010 года доктору юридических наук, профессору, заслуженному деятелю науки Российской Федерации, генерал-майору внутренней службы в отставке Баранову Павлу Петровичу исполнилось 60 лет.

Павел Петрович прошел большой и славный путь. Около 40 лет он работает в системе высшего профессионального образования, в том числе 35 лет в ВУЗах МВД России.

С 1996 года по 2008 год он являлся начальником Ростовского юридического института МВД России.

Павел Петрович - известный ученый, он внес значительный вклад в развитие юридической науки и подготовку юридических кадров. Основоположник нового направления в проведении - исследования проблем профессионального правосознания сотрудников органов внутренних дел.

Этой теме посвящены его монографии: «Теоретические и методологические основы изучения

профессионального правосознания сотрудников органов внутренних дел», «Работники органов внутренних дел как носители (субъекты профессионального правосознания)», «Проблемы сформированности профессионального правосознания работников органов внутренних дел» (Теоретические проблемы), «Теория систем и системный анализ правосознания личного состава органов внутренних дел». А всего им опубликовано свыше 400 научных, учебных и учебно-методических работ. В 2005 году изданы его избранные произведения в пяти томах общим объемом 120 п.л.

Павел Петрович Баранов - крупный организатор науки, действительный член пяти академий, проводит большую работу как заместитель председателя Северо-Кавказского отделения Российской академии юридических наук.

Павел Петрович Баранов принимает активное участие в работе различных диссертационных советов по юриспруденции. Много сил и энергии Павел Петрович отдает воспитанию новых научных кадров. Под его научным руководством защищено 18 докторских и 83 кандидатских диссертаций. В течение последних восьми лет он был членом экспертного совета по праву ВАК Минобрнауки РФ.

Павел Петрович Баранов является членом редакционных коллегий журналов «Философия права», «Юрист-правовед», «Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы» и нашего журнала «Северо-Кавказский юридический вестник».

Преданность своему делу, широкая эрудиция и неутомимая энергия П.П. Баранова были высоко оценены. В 2000 году Павлу Петровичу присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», в 2003 году - «Заслуженный работник высшего профессионального образования», в 2004 году он награжден Орденом Почета.

С апреля 2010 года П.П. Баранов на постоянной основе работает профессором на кафедре теории и истории права и государства Северо-Кавказской академии государственной службы.

Коллектив нашего журнала горячо поздравляет Вас, Павел Петрович, со славным юбилеем и от всей души желает Вам крепкого здоровья, больших творческих успехов и благополучия на многие годы.

Счастья Вам, Вашим родным и близким!

ВАЛЕРИЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ БЕЛЯЕВУ – 75 лет

Недавно прошедшее 12 марта 2010 г. оказалось датой, почти не замеченной юридической общественностью страны, в том числе криминалистами югфа России. А между тем в этот день 75 лет назад в провинциальном городишке Фролово Сталинградской (Волгоградской) области родился оригинальнейший человек - Валерий Григорьевич Беляев. Старт жизни удался: сельскую школу он окончил с медалью, а Ростовский государственный университет – с отличием. После вуза служил в МВД. До 1973 г. на кафедре уголовного права и процесса РГУ преподавал уголовное право, криминологию, судебную этику и психологию. Затем двадцать три года был начальником кафедры уголовного права Высшей следственной школы МВД СССР (ныне – Волгоградская академия МВД России). С мая 1996 г. заведовал кафедрой уголовно-правовых дисциплин Волгоградской академии государственной службы, позже стал деканом юридического факультета Волгоградского филиала «Института управления» (г. Архангельск), где в настоящее время работает заместителем директора по науке.

Во времена однопартийного единомыслия и надежд Хрущева, что вскоре ему как Первому секретарю ЦК удастся совершить ритуальное рукопожатие с последним преступником (в силу казавшейся тогда близости коммунизма), Беляев решил написание кандидатской диссертации о личности преступника, в которой смело опровергались и эта наивная фантазия, и более глубинные идеологические расчёты. Его основные научные интересы сегодня – уголовная ответственность как особая разновидность конституционной ответственности личности перед государством и государства перед личностью. Всего юбиларом опубликовано более 200 работ.

Таким людям обычно трудно бывает в жизни, ибо обычная среда плодит серых же кумиров и преследует эстетов; зато тем, кто рядом с преследуемыми, – легко и непринужденно. Чаше всего последние – потребители его таланта – даже не утруждают себя мыслями о том, что они стали обладателями счастливой лотереи, что объект их вожделения настолько велик в интеллекте, насколько немощен в мирских хлопотах, что другие, надменно возвышающиеся в президиумах [1] люди, никогда не допустят в свою среду его и прочих яйцеголовых, а по максимуму и внешне милостиво позволят находя-

щимся в их подчинении студентам только слушать чародеев духа и слова.

Думающим людям легко представить себе идеальный тип вузовского преподавателя – широко эрудированного в общекультурном смысле, высоко парящего в отраслевой теории, не понаслышке знающего тенденции и болевые места практики, завораживающе излагающего свои и чужие взгляды... Все это счастливо сочетается в Валерии Григорьевиче. И еще: его можно и нужно *слушать* и *читать* одновременно. Один из авторов настоящей персоналии помнит, как в начале 70-х годов юридический факультет Ростовского государственного университета посетил и одарил преподавательский состав своим вперёдсмотрящим докладом тогда еще молодой профессор В.Н. Кудрявцев. Принимающая сторона выставила на ринг В.Г. Беляева. После его выступления общесоюзный мэтр объявил во всеулышание: странно, что я не встречал публикаций ростовского маэстро; Валерий Григорьевич, присылайте мне все, что Вы изволите написать – все будет опубликовано в центральных журналах!

Специалисты знают, как редко письменный дар сочетается с лекторским. Один из нас, пусть и редко, находит возможность и доводы приглашать сегодняшнего юбиляра в свой город для выступлений перед студенчеством. Пусть слушают и сравнивают Беляева с другими, пусть наслаждаются им, пусть при опоре на «наглядный» образец сами доходят до той бетонной истины, что настоящий преподаватель, а тем более юридического факультета, должен быть неподражаемым индивидом, бездонным резервуаром знаний, возбудителем творческих влечений юношества, локомотивом, тянущим массу из безвременья вперед и ввысь; что настоящий преподаватель – не автор серых учебников с водянистым текстом, не чета той «плеяде новоявленных ученых, которые больше написали, чем прочитали» (знаковые слова самого Валерия Григорьевича), т.е. приобрели на академическом базаре ученую степень и заперты в кругозоре столичных учебников. В общем, *sapienti sat* [2].

В подтверждение нестандартности юбиляра позволим себе краткую экскурсию по страницам всего двух его книг: одной с будничным названием, а второй – с подтекстом. Во второй, но первой по времени выхода в свет публикации (Заметки

доцента. Волгоград: Изд-во ВАГС, 2003. – 395 с.) все необычно: 1) огромное содержание поделено всего на четыре раздела с симпатичными и загадочными названиями одновременно – предварения (prolegomenae) к размышлению (ad deliberandum), тезаурус (thesaurus), из латыни золотой (ex latinae auge); 2) и титульность издания определить по тексту вряд ли возможно – то ли учебное пособие, то ли исповедь, то ли политический памфлет, то ли исторический обзор, то ли намеренно запредельный творческий изыск, то ли выставка идей, то ли элегантно приглашение к энциклопедичности, то ли намеренный увод читателя из типовой убогости в царство непознанного; 3) а вот созвучная сказанному частичка из авторской аннотации: «Отечественная школа нуждается в капитальном ремонте или же в сносе, в собственной почве или же в импортной гидропонике? Почему школа в России в принципе никогда не была коммерческой и так ли уж фатально она станет ею завтра? Лодыри и бездары, все иные камчадалы (не только из студентов, но прежде всего – из преподавателей) от века бунтовали против «азиатского тоталитаризма русской школы». Так, своим умом и на своем уровне, воспринимали они изначальные основы нашего образования: взгляд на учение как на труд и служение, установка на максимум (на выработку умения не только усваивать старое, но и самому добывать новое), этика ответственности, психология долга перед народом и собой, мораль, начинающаяся и заканчивающаяся приоритетом обязанностей. И все другое, что троечники всех времен дружно обзывают строгостью, помехой жизни, то есть – помехой кайфу».

Приведем микроскопические выдержки из беляевского (а с другими его никак не спутаешь) текста. Только из пролегомен.

О стране, мире, времени, культуре: 1) Содержание золота выше всего в медалях чемпионов породы на выставках собак, а ниже всего – в медалях выпускников школ; 2) Принцип маргинальности есть закон слипания грязей и князей; 3) Никто не возражает против стандартизации штанов, но многих смущает стандартизация их носителей; 4) Саранчи всегда больше, чем агрономов, а микробов – чем врачей; 5) Нынешний строй и образ правления имеют право быть названными криминализмом; 6) Самые идеальные анкеты и друзья – у Иуды; 7) Экология языка должна иметь нас среди защитников и союзников; 8) Мы можем чувствовать заодно с молодежью, но молодежь заодно с нами не чувствует. В этом ее спасение; 9) Подопытный кролик спо-

собствует, конечно, прогрессу биологии, но зачем требовать от него понимания ее законов; 10) У холуйской ремеслухи свои миражи, свои хомуты и лямки; 11) Реально существует настойчивый спрос на дрянь; 12) Величайший наш сатирик, создавший образ торжествующей свиньи, сегодня воспринимается уже как натуралист; 13) Любая идеология терпит крах, как только киники становятся циниками, лавочниками прилавка, где идейки за пятак продают и даже так отдают; 14) Патологоанатомы открыли многое, но не от них придет разгадка жизни; 15) Поганый мир двойных стандартов предполагает выраживание и существование иванушек-интернэшнл, а также безмозглый динамизм толпы.

О профессионализме и о себе: 1) С гордостью отношу себя к скромному и гордому доцентскому сословию, коренному тяглу ломовой телеги русской вузовской жизни. Сословию чернорабочему, самому замотанному, затурканному и всесторонне оболганному. Но зато и самому выносливому, окопному, в полной мере – солдатскому; 2) Тоскливое всезнайство есть высшая стадия невежества; 3) Профессии, основанные на собственном вкладе в профессию, обязывают к добровольному, повышенному и ускоренному расходованию излучающей массы, амортизации сердца и души; 4) Профессионал не вправе уподобляться той самой девице, которую вся рота хвалит; 5) Личных способностей интерпретатора может оказаться и маловато; 6) Профессионализм изначально должен быть природно-легированным. Но все равно понадобится аффинаж, закаливание, обработка давлением, точное литье и прочее постоянное облагораживание; 7) Помните: нет такой обязанности – соглашаться с лектором.

О вузах и образовании: 1) Остепененные образованцы являют психологию урокодателя, знатного репетитора, приходящей няни, стареющей примадонны; 2) Авторские лекционные курсы есть системообразующая доминанта университетского образования; 3) Тесты и тестовые методики нам навязываются незнатными иностранцами, но теперь уже и «своими». Поздно возражать против сей очередной кукурузы и саранчи; 4) В образовании, тем более высшем, нет и быть не может пресловутой перегрузки учащихся, а есть недогрузки и производные от них недоучки; 5) Самое сильное воздействие вуз производит своими лекторами; 6) Лекции и лекторы первичны, а вузы, их приютившие, вторичны, производны от них. Пусть вузы и впредь знают, на что они идут, принимая или не принимая таких-то лекторов. Безнаказанно это не

проходит; 7) Студентов мы ласково делим на уже юристов и еще не юристов. Они нас делят особо жестоко – на уже преподавателей и уже не преподавателей, а вузы – на вышибал и зазывал; 8) Преподаватель должен быть единоличником, ибо собственный учебно-методический комплекс каждого преподавателя куда калорийнее казенного; 9) В стенах вузовских немало чудачков и оригиналов, жизнь и в самом деле украшающих. Им цены нет!; 10) После лекции, семинара, экзамена прибавка знания и понимания должна вызывать лишь краткое ощущение сытости; 11) Невнимание лектора к форме лекции, ее оснастке и дизайну неизбежно оборачивается невниманием аудитории к ее содержанию; 12) Следует возродить классическую университетскую традицию – перед приемом лектора в вуз читать цикл лекций Ученому совету или в присутствии его членов.

О юриспруденции: 1) Юридический дефолт есть неспособность управлять страной законными средствами и методами; 2) Юрист – профессия совсем не массовая и не должна быть общедоступной; 3) Юристу требуется государственный уровень толкования государственного же веления; 4) Продаваемость детективов сравнима с покупаемостью бормотухи; 5) В юриспруденции – профессии, насквозь изнутри политизированной – с политикой не разминешься; 6) Пусть юристы заслужат, чтобы элитой их считали не сами они, а компетентные и авторитетные в обществе другие элиты; 7) Вузovская юридическая среда гораздо слабее привлекает действительно достойных, чем недостойных. Зато в нее косяками, стадами и стаями прут и лезут ее антиподы – на всю оставшуюся жизнь ошеломленные защитой кандидатской диссертации и собственными поздравлениями себя с защитой.

Об уголовном праве: 1) Все специфики уголовного права обострились в условиях воцарения уголовщины как стиля и образа жизни; 2) Почему преступления не совершают – вопрос куда более сложный и важный, чем давно известные и будто бы правдоподобные сентенции о том, почему закон преступают; 3) Презумпция знания уголовного закона – великий примитив; 4) Уголовный закон откровенно пристрастен; 5) Уголовное право наиболее обостренно и драматично олицетворяет юридическую культуру страны и народа; 6) Юриспруденция – система открытая. Уголовное право в том же смысле – подсистема самая открытая. Именно потому, что самое главное в ней еще не открыто; 7) Обязательное условие позитивного воздействия

уголовного права – высокий нравственный и профессиональный уровень каждого юриста.

А еще имеются «десять заповедей студента» (с. 168-173). А ясновидящее предсказание будущей компоновки отраслевой дидактики: «сначала теория уголовного права, потом история уголовного права, а затем применение уголовного закона. На втором этапе – логика уголовного права, социология уголовного права, культурология уголовного права и в итоге – философия уголовного права» (с. 178-179). А удивительные по замыслу, краткости и эстетике вопросы и казусы. А каверзные вопросы по уголовному праву для студента и преподавателя, в том числе для самоанализа. А подборка латинских изречений для усиления отраслевых истин. А набор дефиниций для самых важных понятий уголовного права. И т.д., и т.п.

Теперь одарим читателей выдержками [3] из второй книги («Применение уголовного закона: Учебное пособие». 2-е изд. М.: ЮПИТЕР, 2006. – 446 с.), представляющей собой материалы лекций по спецкурсу с одноименным названием. Везет волгоградским студентам, имеющим счастливую возможность слушать автора вживую. Заметим также, что книга вышла с грифом двух министерств (образования и юстиции), что делает им (министерствам) честь: они признали повышенную ценность индивидуального учебника «провинциала».

1. Конечный результат и самая первая предпосылка юридического кризиса есть кризис ответственности. 2. Модная социология смену одних мерзавцев другими величает «ротацией элит». Элементарный здравый смысл предостерегает от рептильного осквернения научных понятий. 3. Социально-экономическая несостоятельность властителей порождает их юридическую несостоятельность или безответственность перед теми, кого они взяли куда-то и к чему-то вести. 4. Призывы к законности особенно часты и громки со стороны махинаторов и коррупционеров, но в сегодняшней атмосфере они невольно напоминают призывы к нравственности в публичном доме. 5. Результаты применения закона зависят от государственных и личных качеств правоприменителей даже больше, чем от юридического совершенства самого закона. 6. Разгадка величайшей трагедии ушедшего века в том, что наше общество не смогло удержать свое государство под собственным национальным, гражданским, народным контролем. 7. Профессиональный оптимизм – самый трудный, потому и самый настоящий оптимизм. 8. Российская практика опро-

вергает классический закон вырождения предпринимателей в третьем поколении, ибо сегодняшние воротилы бизнеса с вырождения и начали. 9. У нас проблемы чаще всего не возникают, а создаются. А только такие проблемы и разрешимы труднее всего либо вообще неразрешимы. 10. Объяснение юридической некомпетентности и промахов на сегодня: все дело просто в отсутствии грамотности – сначала общей, а потом уже профессиональной. 11. Ответственность – первична, свобода – производна от нее. 12. Только те отрасли могут считаться самостоятельными, которые располагают механизмом собственной ответственности за соблюдение и несоблюдение своих предписаний. 13. Правовой и социальный статус личности нельзя сводить лишь к ее обязанностям перед государством и подчинению ее интересов требованиям общества, к образу вечного должника, задолжника и заложника перед ним. 14. Ссылки на Даля, Ушакова или Ожегова хороши при обосновании преимуществ родного языка перед неоправданными заимствованиями иностранных обменов и тем более обносков, перед переводами с одного никакого языка – к примеру бродвейского – на другой, тоже никакой – пусть даже и арбатский. 15. Наша страна была и во многом еще остается государством без права и потому – государством для самого себя, т.е. бесперспективным государством. А граждане и даже в целом общество находятся на правовом иждивении, на скудном юридическом пайке, являются содержанками власти. 16. Российская империя на протяжении всей своей истории практиковала законодательный монополизм в масштабе всей страны в сочетании с правоприменительным плюрализмом на юридически и этнографически различных территориях. 17. Должен быть единственный законодатель. Это – вопрос принципа. Учет же региональных и местных особенностей достигается гибкостью правоприменительной практики. Это – вопрос целесообразности. 18. Применение бланкетных диспозиций должно быть мерой крайней необходимости. 19. Нет в праве ничего коварнее очевидности, нет ничего более далекого от правды, чем правдоподобие. 20. Все нарушители закона не причинили, да и не могли причинить столько вреда, сколько его злонамеренные или просто неумелые «применители». В уходящем веке мы потеряли людей от беззакония больше, чем от войн и стихийных бедствий. 21. Субъект власти есть одновременно и субъект ответственности за эту власть. Поэтому сама по себе власть не может быть основанием и даже предлогом для иммунитета. Что

же это за власть, если она к себе самой предъявляет меньшие требования, чем к лицам, подвластным ей же самой?

Согласись, читатель: не странно ли, что в учебной и научной литературе почти нет ссылок на эти творения? И что это за новомодная вещь под названием «индекс цитирования», которая не способствует тому, чтобы почтенная публика оповещалась преимущественно о необычных (и по содержанию, и по форме) работах? Или мы сами в том повинны, отдаваясь инстинкту компиляции и мефистофелевскому завету, как бы специально обращенным к юристам: «из голых слов, ярься и споря, возводят здание теорий»?

Обычно талантливым людям вредят, им пожизненно не везет с признанием и наградами. Они как бы рождаются не вовремя, ибо изобретенные и пропагандируемые ими истины, их корректировки расхожих мнений, призывы увидеть хотя бы просвет в серой будничности постигаются потомками с большим историческим опозданием. Если же ты не понят современниками, не славишь власть и не одобряешь азартно все ее начинания, наградам приказано не бывать.

С Валерием Григорьевичем судьба обошлась более милостиво. Может быть, потому, что он работает именно в вузе, где необычайно яркая трансляция знаний все равно будет замечена, а длительная беспорочная служба пробьет дорогу к признанию. Вот самые весомые следы такого признания заслуг: доклад на втором курсе Ростовского государственного университета «К определению суверенитета» (8 страниц) удостоен первой премии на Всесоюзном конкурсе студенческих научных работ и специальным решением Минвуза зачтен за дипломное сочинение, лауреат Международного (Варшава, 1960) конкурса «Зона ограниченных вооружений в Европе как проблема международного права»; заслуженный деятель науки Республики Тыва; одним из первых в стране получил нагрудный знак Минвуза СССР «За отличные успехи в работе»; награжден медалями «Ветеран труда», «За безупречную службу» трех степеней, «200 лет МВД», а также венгерским орденом «За службу Родине» золотой степени, монгольской медалью «60 лет народной революции» и почетным знаком Следственной полиции Перу. 7 июня 2003 г. Международным аттестационным Советом Международной Федерации по правам человека при ООН и ЮНЕСКО и Европейской Ассоциации научных институтов «за выдающиеся заслуги в деле возрождения Отечества» награжден международным орденом Крылатого Льва [4].

А совсем недавно, аккурат к юбилею, он получил бесспорно сладкое, а для большинства – возжеленное признание из страны-гегемона (США); тамошнее Федеральное ведомство почтовой связи выпустило почтовую марку с милым для нас профилем Валерия Григорьевича, а вот Родина – нет. Но все равно: знай наших!

Виднейший криминалист Отечества и царский сановник (сенатор, тайный советник, воспитатель цесаревича) Н.С. Таганцев как-то назвал человеческую жизнь «однодневкой мироздания». Классик юриспруденции знал, что говорил: на гигантском пространстве эволюции бытие одной биологической единицы действительно миг – и по времени, и по значимости для общего хода истории. Но если отдельно взятый человек показывает себя незаурядной Личностью, причем постоянно и долго, то его труженничество может быть наречено и «неделей мироздания». На таких людях Отечество держится.

Валерий Григорьевич – Неординарная Личность [5]. Таковые предпочитают держаться в значительном отдалении от мирской суеты и жизненной истерики, не принимают участия в стадной гонке за призрачными ценностями, не фальшивят ни в думах, ни в чувствах, ни в малом, ни в главном, не навязывают свое общество другим, не витийствуют на митингах и конференциях, не лакействуют, больше думают, чем говорят и пишут, сторонятся престола и особенно челяди при нем, ибо близость к позолоте безальтернативно гарантирует застой [6], видят отличие зерен от плевел на очень большом расстоянии, не метят в лидеры и не тратят дорогое для короткой жизненной дистанции время на строительство искусственной карьеры, кропотливо собирают, шлифуют и транслируют для молодежи юридические и прочие знания... В общем, смиренно несут крест Духовника нации, не претендуя на это высокое звание даже в помыслах.

Валерий Григорьевич никогда не навязывает свою точку зрения кому бы то ни было, даже первокурснику, хотя окружен людьми, видящими в нем апостола юриспруденции. Но и не ссылается на мандат общественного мнения, не подыгрывает толпизму и не прячется за господствующие взгляды, а часто открыто занимает противоположную позицию. Он не просит, и мысли даже об этом не допускает, о помощи, о признании, чтобы хвалили. А мы это делаем, хотя и с опозданием, пусть и в форме одноразового отзыва о его подвижнической жизни, да еще и по юбилейному поводу, когда вроде бы принято специально изыскивать позолоченные

слова. Хотя в нашем случае в таких натужных поисках нет ни малейшей необходимости. Хотя сам он будет против. Хотя... напомним (ему – противящемуся) вечное от советского поэта Льва Озерова:

«Не упиваясь словесами,
Жизнь убеждает нас опять:

Талантам надо помогать,
Бездарности пробьются сами».

Ему бывало трудно и даже очень трудно, но от этого его характер только «легирировался» (его любимое слово). В свое, советское время за самостоятельность суждений компетентные, как тогда говорили, органы попросили Валерия Григорьевича из Ростовского государственного университета (из «гнезда свободомыслия»!), а он (вот парадокс!) переместился на целых 23 года в кресло начальника кафедры уголовного права Высшей следственной школы МВД СССР, т.е. в ведомственный вуз, сам статус которого как бы не располагает к самостоятельности «людей под ружьем» и вообще к интеллектуальному взбрыкиванию. А он таким оставался и в новой среде, чему свидетель один из составителей настоящего панегирика. Причем Беляев не роптал и не ропщет на прошлое, что сегодня весьма модно (ибо пока прибыльно), громогласно не зачисляет себя в стан пострадавших от прежней власти, не рисуется василиском благонравия и буревестником демократии. В этом отношении он являет полную противоположность «стилягам – сначала беспутным, потом и распутным деткам непосаженных жуликов, торгашей и нелучших начальников. Теперь-то стилиаги в мемуарах требуют верить им на слово, будто тогдашние их экстравагантности в поступках, манерах, даже во внешности были, якобы, не просто неряшливостью, но целой «системной оппозицией». И даже такой пустяк, как узость брюк, будто бы предназначался знаменовать широту мировоззрения, а также глубину «непримиримости» (Заметки доцента, С. 81).

На Востоке есть одна поучительная притча, которую любит использовать и Беляев: «ночью запоздавший иноземец уперся в грудку камней, на вершине которой стоял столб с зажженным светильником. – О, правоверные! Скажите пришельцу, зачем здесь фонарь? – Как зачем? Чтобы освещать эти камни и прохожие на них не натыкались. – Велика мудрость Аллаха! А камни зачем? – Чтобы фонарь не упал». Валерий Григорьевич напоминает собой искрящийся Столп-глыбу, благодаря которому окружающие вынуждены поднимать голову, вспоминать о крыловской свинье, сильнее верить в интеллект,

дышать глубже и идти вперед осмысленнее.

Ветераны цеха криминалистов и дерзающая молодежь! Присоединяйтесь к нашим поздравлениям Человеку, чье труженичество на отраслевой ниве внешне проходит без фанфар, но всходы от которого обязательно будут и есть обильными и здоровыми. Торопитесь читать труды и слушать его лекции, а еще чтить при жизни талантливого, совестливого, интеллигентного в высшем смысле этого слова человека и неумного в своем подвижничестве ученого и педагога.

Литература

1. И. Ильф насмешливо и тонко использовал для описания места дислокации чреслосидящих пигмеев термин «грезидиум».

2. Умный поймет (лат.). - прим. ред.

3. Ничтожная часть того, что должно цитироваться, осмысляться, усваиваться студенчеством, но еще более, по нынешним временам - преподавательским корпусом.

4. «Величайшей (исторической) несправедливостью мы считаем отсутствие у Валерия Григорьевича персидского ордена «Льва и Солнца» (мы полагаем, что даже его известный по Таганрогу земляк согласился бы с нами)».

5. Неординарность проявляется обычно во всем, даже в хобби. В.Г. Беляев с 1967 г. действительный член Всесоюзного (ранее - Императорского, ныне - Российского) Минералогического Общества плюс сам гранит камни, является обладателем коллекции минералов, которой могут позавидовать самые известные геологи.

6. Великий бунтарь Отечества (А.И. Герцен) тонко подметил среди причин возвышения Московского университета в начале XIX века и такое обстоятельство, как «отсутствие царя».

Александр Бойко,

профессор,

(Ростов-на-Дону),

Иван Козаченко,

профессор, заслуженный деятель науки РФ,

(Екатеринбург),

Анатолий Наумов,

профессор,

(Москва).

Правила для авторов

1. Статья, направляемая в журнал, должна сопровождаться представлением от учреждения, в котором выполнена работа, двумя рецензиями ученых или специалистов в соответствующей области и подписана автором.
2. К статье прилагаются на отдельном листе:
 - сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, домашний, служебный и электронный адреса, телефоны;
 - название статьи на английском языке;
 - аннотация на русском и английском языках (не более 6 строк);
 - индекс УДК;
 - ключевые слова на русском и английском языках (6-8 слов).
3. Статья должна быть набрана в соответствии с правилами компьютерного набора.
4. Статья представляется в редакцию на электронном и бумажном носителях, идентичных по содержанию.
5. Шрифт Times New Roman, кегль 14, межстрочный интервал полуторный, поля 2,5 по периметру страницы.
6. Таблицы должны быть иметь заголовки, в них допускаются только общепринятые сокращения.
7. Литература приводится в порядке упоминания в конце статьи. В тексте должны быть ссылки в квадратных скобках (номер работы в списке литературы и страница).
8. Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

Примеры оформления литературы

Для книг: *Добрынина Л.Ю.* Вексельное право России. М., 1998.

Для журналов: *Гобов А.К.* О признаках ценной бумаги // Законодательство и экономика. 1999. № 2.

Для диссертационных работ: *Юрина Т.С.* Проблемы теории права в трудах Р.О. Халфиной: Дис. ... канд.юрид. наук. Волгоград, 2003.

Статьи направлять по адресу: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70;
тел.: (8-863) 2-69-62-89 (каб. 302), (8-863) 2-55-98-19 (каб. 711);
e-mail: yurvestnik@skags.ru

***СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК***

2010, № 2

Сдано в набор 12.05.2010. Подписано в печать 04.06.2010
Гарнитура Таймс. Формат 60x84 1/8. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13.
Бумага офсетная № 1. Тираж 250 экз.
Заказ № 526.

Ростовский юридический институт
Северо-Кавказской академии государственной службы.
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70

Отпечатано в типографии «Альтаир»
г. Ростов-на-Дону, пер. Ахтарский, 6.
Телефон: (863) 234-19-67.